

63.3(2)Ар-4101
к 590

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

О. П. Булич

КОЛОМНА

ПУТИ ИСТОРИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ГОРОДА

ОБЩИЙ ОЧЕРК

МОСКВА

1928

10 дур

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

К 63.3 (2Р-4М0)
Б90

О. П. Булич

М.О.
9/с)
Б-907

КОЛОМНА

ПУТИ ИСТОРИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ГОРОДА

ОБЩИЙ ОЧЕРК

[2 вкл. ч.]

146081

48 П

947
Б90

~~38025~~

Московский областной отдел
Московской обл. библиотеки

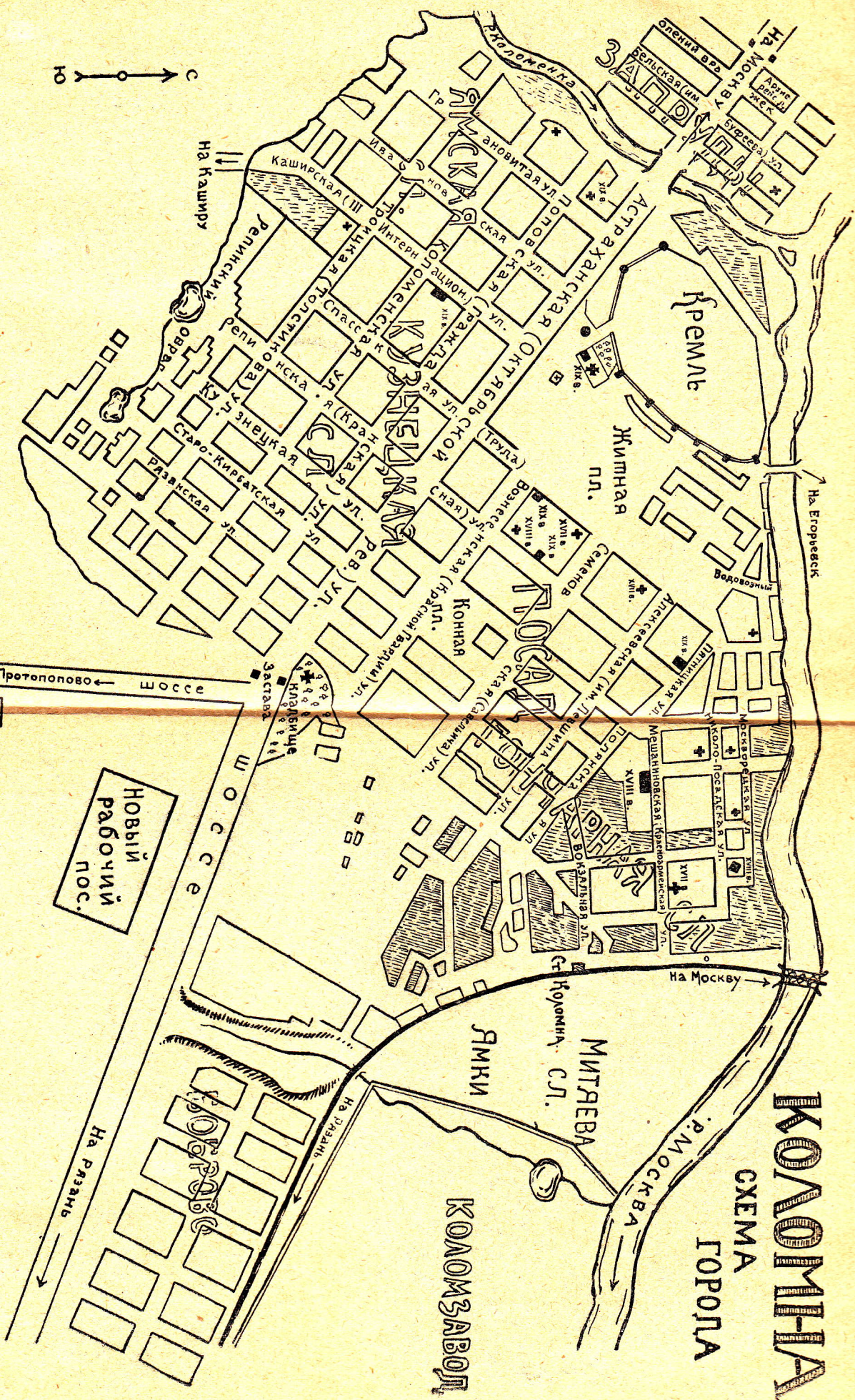
МОСКВА
1928

Моя работа „Коломна“ (общий очерк путей исторического развития города) была мной выполнена еще в 1921 году: в силу же сцепления различных обстоятельств, она увидит свет лишь в 1928 году. Подзаголовок („общий очерк“) не ставит мою работу в ряды строго-научных исследований монографического типа: это—именно общий очерк, данный на основе краеведного изучения города и непосредственного восприятия его монументального материала. В деле освоения коломенского материала мне много дал покойный коломенский краевед—Кон. Влад. Климов, как местный агроном и земский деятель, великолепно знавший свой город. Помогли в последнем мне также и ныне здравствующие коломенцы—семья старожилов Шевлягиных, В. С. Смирнова и В. П. Боченков, благодаря любезному содействию которого мне удалось получить для книги ряд фотографий, выполненных В. Васильевым и Б. Климентьевым. Моя глубокая благодарность и Арт. Як. Дзейверу, сильно облегчившему своими ценными указаниями мне начальную стадию работы над Коломной, Н. Д. Виноградову, любезно просмотревшему IX главу моей работы, и др. лицам, указаниями и содействием способствовавшим оформлению моей книги.

Ольга Булич.

БЕЖИМ ФОНД

ТЪЕ АННУАЛЕ

КОМКОМІНА

СХЕМА
ГОРОДА

КОЛОМЗАВОД

Новый
рабочий
пос.

На Протопопово ← шоссе

На Разань

Митяева
сл.

Р. Москва

На Москву

Ямки

На Егоревск

На Каширу

Ю
С

I. Коломна.

1. Облик города. ✓

На холмистом берегу Москвы-реки, почти у самого узла ее слияния с Окой, раскинулся живописно один из крупнейших уездных городов Московской губернии. Широкая и красивая панорама города открывается со стороны Московского шоссе. Красоту ее создают и белые пятна городских построек, затерявшихся среди обильных садов, и серые ряды невзрачных домишек окраин. Все это богато скрашено блестящими главками многоцветных церквей и колоколен.

Въезд в город со стороны г. Москвы сторожит типичная застава екатерининского времени. Это — „Московская“ застава, с небольшими парными кордегардиями (караульнями) при ней. Она переводит шоссе в широкую улицу, прямой линией пересекающую весь город и законченную с южной стороны второй заставой — теперь уже „Рязанской“. В своей центральной части улица тянется почти сплошной цепью двухэтажных каменных домов, в большинстве случаев выбеленных. Нижние этажи их приспособлены под торговые лавки и магазины. Лавки сменяют ближе к заставам постоянные двory, трактиры, чайные (у Московской заставы) и большое городское кладбище (у Рязанской), за которым опять открывается линия шоссе. Наименование улицы „Большой“, „Астраханской“, „Красной“, а с недавнего времени „Улицей Октябрьской Революции“ говорит само за себя. „Большая“ улица, перерезав от Московской заставы пригород „Запруды“, отделенный от собственно города небольшой речкой, оставляет несколько в стороне обширную „Житную площадь“. Старинные кирпичные торговые ряды, более поздние солидные лабазы, современные нам палатки и ларьки раскинулись здесь — в центре торгового оживления. В районе „Житной площади“ сосредоточивался когда-то и центр былой купеческой жизни (быв. Спасская, Семеновская, Репинская и др. улицы). Большие двухэтажные каменные дома с небольшими дворами, обнесенными основательными каменными же оградами с глухими воротами, бесконечные деревянные высокие заборы, прилегающих яблоневых садов, мелькают один за другим. В основательности построек, в хозяйственности помещений двора чувствуется практичная рука купца-старовера, державшего когда-то в своих руках одну из самых солидных отраслей торговли — торговлю хлебом. Прямые улицы домов-комодов, тяжелые цепи заборов и церковных оград, как бы говорят о сытой и сонной жизни денежных расчетов и благотивных благотворений былых патриархальных „отцов города“, застраивавших его по своему хозяйскому глазу. Дворянской разбросанности, ее городским усадьбам-поместьям, окруженным затеями крепостного хозяйства, здесь не место. Это — город собственника-торгаша, а не землевладельца: тяжелый отпечаток купеческой руки не изжит городом и по сей час.

В сторону от Житной площади и камня ее района, убегают к окраине ряды трех и четырех-оконных деревянных домиков и до-

мишек. Здесь—заросшие травой тихие улочки (быв. Поповская и др.), оживленные ребятишками да гусями, неизбежные гераньки и кисейные занавесочки на окнах, излюбленные скамеечки у ворот и скука, серая мещанская скука, обычная провинциальному городу. Но один, другой поворот и, мимо старинной церкви (Троица, что в Ямках), староверской молельни, типичной „николаевской“ каланчи, и более „интеллигентской“ части города (Ивановская улица), вернемся опять к Житной площади. Прямо перед нами дом стиля „модерн“—лишь недавно достроенный; несколько в стороне—стальной абрис водонапорной башни городского водопровода, недавней соперницы „ампирной“ колокольни соседней церкви; впереди—уже знакомая Житная площадь с сутолокой ее базара. Все это такое обычное, такое характерное для богатого торгового города средней полосы России. А там, вдали, за воздушными очертаниями водонапорной башни и ее легкой соседки колокольни, открывается глазам что-то иное. Горят золотом и синей лазурью тесно сплоченные главки многочисленных церквей, строго вырисовываются четкие башни полуразрушенной громады крепостной стены. Какой-то иной город, не только что покинутый нами провинциальный купецко-мещанский городок недавнего времени, открывается очарованному взору. Высится к небу мощное пятиглавие строгого массива одной церкви, блестят золотые звезды синих маковок другой, тускло светятся главы третьей. Да их и не три тут, их много больше. И чем-то бесконечно знакомым веет от этого своеобразного /сочетания стройных линий церквей, с мощным рисунком, поседевших от времени, крепостных бойниц. Они говорят о типично-московском, о сказке московского Кремля, о стенах Китая—города. Оно и понятно: ведь мы видим „коломну городок—Москвы уголок“—старинный порубежный город двух соседок—Москвы и „Рязанской земли“.

Народная сметливость не даром одарила Коломну этой меткой характеристикой. И по облику, и по общему своему духу, Коломна до сих пор еще является чрезвычайно выразительной представительницей старинного русского городка московского княжества. А в своей древности Коломна может соперничать и с самой Москвой: первое летописное упоминание о Коломне относится уже к 1177 году. Длинный и славный путь истории, пройденный Коломной, отразился на характерных чертах облика города, развеял по нему и много типично-русских легенд. Знает Коломна и старинную церковку, ушедшую в землю от набега „нехристей-татар“, подземный звон которой долго, долго еще слышался старикам, пока смерть да грех людской не одолели и их (легенда о заброшенном кладбище в Запрудах, близ „Оленьего врага“), знает Коломна и венец, сорвавшийся с венчавшихся брата и сестры (связано с церковью „Николы Посадского“), и подземные ходы, идущие чуть ли не к самой Москве, и прекрасную панну, погибшую „с тоски по воле“ в одной из крепостных башен города. Да мало ли что знает Коломна—этот „уголок Москвы“, так тесно связанный с ней в течении ряда столетий. И хорошо бродить, воскашывая былое, по пустынным улицам вечеряющего городка, оторвавшись от зовущей, влекущей вперед электрическими огнями „Октябрьской“ улицы, соединяющей Алое сердце—Москву—с центром новой жизни Коломны—ее пригородным машиностроительным заводом.

Кремль—первоначальный колонизационный поселок, сосредоточие былой политической и религиозной жизни. Его соборная площадь, с традиционным строгим пятиглавием мощных стен тради-

ционного же Успенского собора. И рядом—Воскресенская церковь, скрывающая в своем подвале основы первого каменного собора города еще XIV века. Тут же поблизости—и место княжеского дворца, где глазам коломенцев представлялась в конце XVI века пестрая картина шатров и бочек крылец и чердаков жилых княжеских хором. А кругом и посейчас тянется, там и тут разорванная временем, когда-то стройная цепь крепостных башен—бойниц и ворот. Цепь, дошедшая до нас от первой четверти XVI века, охранявшая город в течение многих веков, не только священными изображениями над въездными воротами, но и всеми чудесами техники западно-европейского крепостного строительства. Смелый рисунок итальянского зодчего, сотворившего ее, не стерт и до сих пор. Разорванная, полууничтоженная временем и рукой своих же граждан, на защиту которых она ошестинивалась когда-то лесом своих орудий, крепостная стена прекрасна, и своей былой славой, и тем величием очертания, той пропорцией соотношения, которые отмечают ее. И невольно с высоты крепостной башни следишь настроженным взором чуткого стража сигнальные огни сторожевых костров „Южного поля“—вести о внезапном набеге татарских полчищ, будившие город тревогой сторожевого колокола. Воскресают картины грозного нашествия гортанно-кричащих полчищ, за годом год испепелявших город, пока не обвил его стены каменный убор с ожерельем бойниц вокруг. С небольшой—площадки скверика, называемого обычно „Блюдечко“, поднимающегося над углом впадения речки Коломенки в Москву-реку, открывается широкий вид на замоскворецкие окрестные селения. Прямо напротив города белеется башенками огады пригородный Бобрёневский монастырь—один из древних сторожей не только Коломны, но и Москвы. Со стороны Бобрёневского монастыря вид на Коломну еще более пленителен. Весь город—крепость—кремль, как на ладони. Еще ярче горят под закатными лучами солнца кресты соборов и кремлевских монастырей, еще трепетнее тени грозных башен и стен. А дальше, левее, повисла над Москвой-рекой двойная арка железнодорожного моста, поднялся лес труб машиностроительного Голутвинского завода. Свист поезда, тревога парохода, бархатный перезвон субботних колоколов, завесой встает над городом. Многие отошло, многие умерло, но каждый камень, каждая улица города могут рассказать длинную историю того эволюционного пути, который был им пройден. Начало его—колониционный поселок над Москвой-рекой, завершение—рабочий город, в электрическом биении кующий новую жизнь, ушедшего от своих воспоминаний уездного городка. Этим, самым общим чертам эволюционного развития жизни города, и отдан настоящий „общий очерк путей исторического развития г. Коломны“.

2. Возникновение г. Коломны. ✓

Название города „Коломна“ невольно останавливает на себе наше внимание. Желание уяснить себе его происхождение вызывало разновременные попытки его истолкования. И. Линдеман уделяет даже этому вопросу специальную брошюру¹⁾. Разбирая различные историко-этимологические истолкования происхождения названия „Коломна“, И. Линдеман выдвигает и несколько самостоятельных построений. Но примкнуть всецело к какой-либо из существующих в лите-

¹⁾ „О происхождении названия г. Коломны“ (М. 1907 г.).

ратуре гипотез о происхождении названия „Коломна“ совершенно невозможно. Отсутствие неопровержимых данных делает каждую из них весьма спорной. Не менее интересны и народные толкования происхождения названия своего города, чисто легендарного характера ¹⁾.

Не решен до сих пор и вопрос о времени и месте возникновения города Коломны. Первое, дошедшее до нас исторически достоверное, документальное, упоминание о Коломне относится к 1177 году. Под этим годом летопись рассказывает о борьбе, завязавшейся между суздаль-владимирскими и рязанскими князьями. Коломна, принадлежавшая к „земле рязанской“, служила одним из опорных пунктов в борьбе Суздальщины с Рязанщиной, может быть даже и одной из скрытых причин ее. В эпоху этой борьбы Коломна была уже значительным поселением. Об этом свидетельствует летопись, применившая в Коломне название „города“, т.-е. в первоначальном смысле этого слова известным образом укрепленного, „огороженного“ места. Да и самый характер борьбы вокруг стен Коломны позволяет думать о ее значении. Отсюда возможно, что время возникновения Коломны падает на более раннюю пору, чем первое летописное упоминание о ней.

Появление Коломны, как крупного поселения, было вызвано процессом славянской колонизации XI—XIII в.в., занесшей в область Поочья и верховьев Волги, заселенную до того полудикими финскими племенами, новые начала. Но то, что славянские пришельцы вливались в Поочье отдельными волнами неоднократно возобновлявшегося потока, не дает возможности установить точное время возникновения поселений Поокского края, относящихся к этой эпохе. И в отношении Коломны, возникшей во всяком случае не позднее середины XII века, сделать это затруднительно. То же предположение, что славянская Коломна осела в месте поселения прежних хозяев страны—финов, не может быть ни опровергнуто, ни доказано. Полнейшее отсутствие материалов исторического и археологического характера отмечают начальный период жизни Коломны и ее края.

Место возникновения ранней славянской Коломны—спорно. Положения, выдвигаемые в защиту различных мнений по этому вопросу—шатки. Отсутствие подтверждающих и проверяющих археологических данных не дает возможности твердо установить место первоначальной Коломны. Место это ищут обычно или 1) близ села Городище, расположенном на расстоянии около 2-х км. (двух верст) выше устья речки Коломенки и 0,5 км. (полверсты) от ее современного русла, или 2) в районе Староголутвинского монастыря—на углу впадения Москвы-реки в Оку. Предполагать первоначальную Коломну в районе Староголутвинского монастыря у нас нет никаких оснований. Наоборот даже, анализируя данные географического положения этого пункта, получается полная уверенность, что основания Коломны здесь не было. Первоначальному славянскому поселению на берегу слияния р.р. Москвы и Оки мало благоприятствовал слишком низменный, ровный и открытый в силу этого, характер берегов Оки (у устья Москвы-реки), к тому же затопляемый ежегодными весенними разливами, что для города в те времена было неодолимой, грозной опасностью. Местность, известная под названием „Городище“, могла быть населенным пунктом края и у финских племен. Сам же ранне-славянский поселок осел рядом с коренным финским поселением на месте бывшего кремля современной Коломны. За это

¹⁾ Подробный разбор ряда историко-этимологических построений о происхождении названия Коломны как литературных, так и чисто местных, по редакционным условиям опущен полностью.

говорят все его естественно-географические условия: высокие берега р.р. Москвы и Коломенки при устье последней, смелость выбора места, дававшего сложное укрепление—нагорное и двустороннее речное, близость к торговому каравану по реке и открытый выход к большим торговым путям. Подобное не наблюдалось в поселениях финского племени, предпочитавших селитьбу по мелким речным долинам, в чаще лесного бора. Кроме того, если бы первоначальное славянское поселение с названием „Коломна“ было бы почему-либо перенесено со своего прежнего места на современное, то до нас дошли бы, вероятно, некоторые, хотя бы и смутные, на то указания. Так, например, за местом первоначального расположения поселения могло сохраниться прежнее его название, подобно тому, как сохранилось оно в названии „старой Каширы“, после переноса первоначального города с левого берега Оки на правый, правда, уже в период Московской истории¹⁾. И летописцы, знавшие Коломну еще в 1177 году, вряд ли обошли бы, в свою очередь, молчанием подобное „хождение“ города, вообще не редкое на заре государственной жизни Северо-Восточной Руси. Снова, конечно, приходится напомнить о гадательности всех этих соображений о времени и месте возникновения Коломны. Несомненным всегда останется лишь то, что поселение в районе современного города возникло еще задолго до окончательного укрепления государственной жизни, занесенной на финские берега Поочья славянскими пришельцами.

3. Начала исторической жизни Коломенского края.

Постепенный сдвиг отдельных славянских групп в область междуречья Оки и верховья Волги, охвативший собой XI—XII в.в., не застал эту область свободной. Она была издавна заселена рядом неславянских племен. Древнейшим историческим населением Поочья были племена финского происхождения, жившие здесь с доисторических времен. Летопись XI века, т.-е. современная эпохе славянской колонизации, перечисляя отдельные финские племена, указывает по Оке—мурому и мордву. Территорию же исторического коломенского края и соседних ему земель занимало финское племя—мещера (мещеряки). Географическая номенклатура края до сих пор сохранила в себе следы его первоначального населения. Одно из древнейших сел современного Коломенского уезда и поныне слывет Мещериным (близ верхнего течения р. Северки). Северо-восточная же часть смежной уезду Рязанской губернии известна среди населения под названием „Мещерской стороны“. Область, занятая финскими племенами, обладала хорошо развитой водной сетью, была богата разнообразными представителями животного и растительного царств. Собственно Коломенский край, выдвигавшийся несколько в сторону юго-восточных степей, носил в некоторых своих частях характер, близкий „лесостепи“. Названия различных селений и урочищ страны, встречающиеся в значительном количестве и теперь, в достаточной степени показательны для характеристики ее былых природных условий. В одном только Коломенском крае (карта 1774 г.) часты названия в роде—Холмы, Горы, Горки, Кремень, Песочня, Глинки, Каменка, Речки, Речицы, Болотово, Белые Колдези, Озёра, Дубенки, Дубрва, Дубнёво, Дубно, Елино, Елкино, Кднёв

¹⁾ С. „Старая Кашира“, Коломенского уезда, и современный уездный город быв. Тульской губернии.

бор, Бобрёнево, Бобрёво, Горностаёво, Комарёво, Карасёво, Змиёво, Бортниково, Медведёвка и пр.

Болотистость и лесистость страны, при малочисленности ее первоначального населения, мало благоприятствовали дальнейшему развитию простейших форм общественной жизни. Население, рассеянное по лесам и болотам, жило разобщенно, небольшими группами, а когда и отдельными семействами. Средствами к существованию финских племен служили природные богатства страны, эксплуатируемые самым первобытным способом. Главным занятием населения были звериные промысла (охота), рыболовство, бортничество (пчелиный промысел), тесно связанные с общими естественно-географическими свойствами природы края. Земледелие, так же, как и меновая торговля пушным товаром, которую финское население Поочья вело с соседними славянскими племенами, существовало в зачаточных формах.

Культурный уровень поокских финов VII—XI в.в. стоял на той ступени развития человеческих обществ, которая характеризует собой период палео-металла. Семейный обиход был несложен, нравы скорее миролюбивы; общее мирозерцание, тесно связанное с жизнью природы, весьма примитивно. О быте финских племен, заселявших с доисторических времен Московскую область, не сохранилось никаких непосредственных сведений. Не много дошло до нас от того времени и археологических данных. То, что имеется по общей картине жизни населения области междуречья Оки и верховья Волги до XI—XII в.в., получено путем исторической аналогии, или из более поздних по времени источников. Ценный материал дали также и совсем недавние этнографические наблюдения, сделанные над современными нам, сохранившими слабый культурный уровень народами, родственными, растворившимися в пришлом населении, финским племенам доисторического Поочья (мордвой, черемисами и др.). Еще более ценные данные дали остатки материальной культуры, принадлежащей уже позднейшим славянским племенам и обнаруженной при раскопке курганов, могильников и городищ интересующей нас области.

Финские племена Поочья—мурома, мешера, мёра и др.—были окружены со всех сторон славянскими племенами. Со стороны севера соседями финов были ильменские словене, запада—кривичи, юго-запада—вятичи и северяне. Постепенная колонизация современной Московской промышленной области, распространявшаяся преимущественно по удобным для нее речным путям, и была начата этими тремя, четырьмя славянскими ветвями. В дальнейшем первоначальная славянская колонизация Поочья получила подкрепление со стороны торгового Новгорода, искавшего новых торговых путей и колоний, и Приднепровья, охваченного в XII веке полосой половецких разгромов, как следствие падения его торгового могущества. Продвижение славянских групп, разлившихся широким потоком по всей области, неизбежно влекло за собой возникновение ряда новых поселений. Поселения, возникавшие в более благоприятных географических условиях, развивались с течением времени в крупные поселки торгового и административно-военного значения. Так зародилась большая часть современных нам городов Московской области, обязанных своим возникновением эпохе славянской колонизации, положившей начало политической жизни страны. Одним из ранних славянских поселений, возникших на финских берегах Поочья, была и Коломна.

Славянская колонизация XI—XII в.в. области Поочья и верхней Волги носила несколько своеобразный характер. Она вылилась в форму, скорее заселения, чем завоевания края. Это был процесс постепенной ассимиляции пришельцев с туземцами, протекавший сравнительно мирным путем. Последнее объяснялось тем, что славяне не вторгались сразу крупными массами, а просачивались постепенно, тонкими слоями, селясь рядом с коренными аборигенами страны—финами. Но в расселении тех и других была некоторая разница: финны предпочитали несколько удаляться от больших водных артерий, уходить в глубь мелких речных долин и лесов. Славяне же выбирали пункты, лежащие по крупным водным путям, по которым они пришли в новые места и которые могли быть ими использованы для поддержания прежних связей с покинутыми областями. Оживленный товарообмен, принесенный с собой славянской колонизацией, вовлек в себя и местные финские группы. Подобные соседские взаимоотношения двух чуждых друг другу племен не могли пройти для них бесследно. Взаимоотношение обоих влияний, туземного и пришлого, сказалось при непосредственном сближении в образовании нового племенного типа—великорусского, слившего в себе элементы славянские и финские, с большим уклоном в сторону первых. Создался особый антропологический и этнографический тип великороса со всеми особенностями его физического и психического облика, говора, быта и верований, унаследованных от обеих культур.

Природные условия страны, сыграв известную роль в создании нового племенного типа, отразились и на хозяйственных навыках осевшего и ассимилировавшегося населения. Поселения, возникшие на удобных для сношения путях, не порвали торговых связей с ближайшими славянскими областями. Тот примитивный товарообмен, который зародился в стране еще при финских племенах, развивался теперь в широкое торговое общение. Но торговая деятельность была доступна лишь немногим общественным группам, сосредоточенным к тому же в поселениях, вполне благоприятных для торговых целей, т. е. только части городского населения приречных поселков. Главным же занятием масс, расселившихся постепенно по всей стране, сделалось земледелие, в котором господствовала переделочная система, обусловленная большой лесистостью края. Не совсем же благоприятный состав почв заставил население поддерживать свое существование и различными подсобными промыслами, долго сохранявшими первобытный характер грубой эксплуатации лесных, речных и других природных угодий. Вытекавшие отсюда особенности надолго обусловили хозяйственную и политическую организацию Северо-Восточной Руси, оставшейся, в общей своей массе, до самого последнего времени страной земледельческой и мелкой домашней промышленности.

По общему всей области пути пошла и жизнь Коломенского края, положившая начало его исторического существования сближением славянского племени—вятичей и финского—мещеры. Редкие, но разбросанные по всему Коломенскому краю остатки земляных укреплений, близких эпохе XI—XIII в.в., так называемые „городища“, а также и селения с этим корнем в названии, и являются полустертыми следами колонизационного процесса. Из коломенских городищ и сел сходного названия можно указать следующие: пригородное с. Городище (по р. Коломенка), с. Городище Суковской волости (на Оке), с. Смедовское Городище—совр. Каширского уезда (на Оке), с. Городня—совр. Зарайского уезда (на устье р. Осетра), с. Горо-

дище Непецинской волости (на р. Северке), Городня Мещеринской волости (близ р. Северки), с. Городок Протопоповской волости (недалеко от верховья р. Коломенки) и т. д. К сожалению, эта полоса ранней исторической жизни страны изучена не с достаточной полнотой и ясностью. Мало затронут систематическими исследованиями и собственно Коломенский край того времени. Памятники материальной культуры, обнаруженные раскопками, произведенными в Московской области в конце XIX и начале XX ст., относятся к так называемому „бронзовому“ веку. Различные предметы быта (домашняя утварь, украшения и пр.), сохранившиеся в курганных погребениях XI—XII в.в., разбросанных по притокам средней Оки (Московская и Рязанская губернии), дают культуру славянских племен. Часть коллекций Московского Исторического Музея, собранных по собственно Коломенскому уезду (с.с. Очкасово, Мячково, Суворово, Никульское, Погост Пяти Крестов, д.д. Бессоновка, Богдановка и др.), принадлежит славянскому племени вятичей. Ее составляют различные предметы быта (височные кольца, так называемого „московского семиллопастного типа“, запястья, бусы и т. п.), относящиеся к XI—XIII в. в. Немногие экспонаты более раннего периода сохранились весьма плохо. Помимо зал Исторического Музея, много материалов этой эпохи, найденных на территории собственно Рязанской губернии, сосредоточено в Рязанском Губернском Краевом Музее.

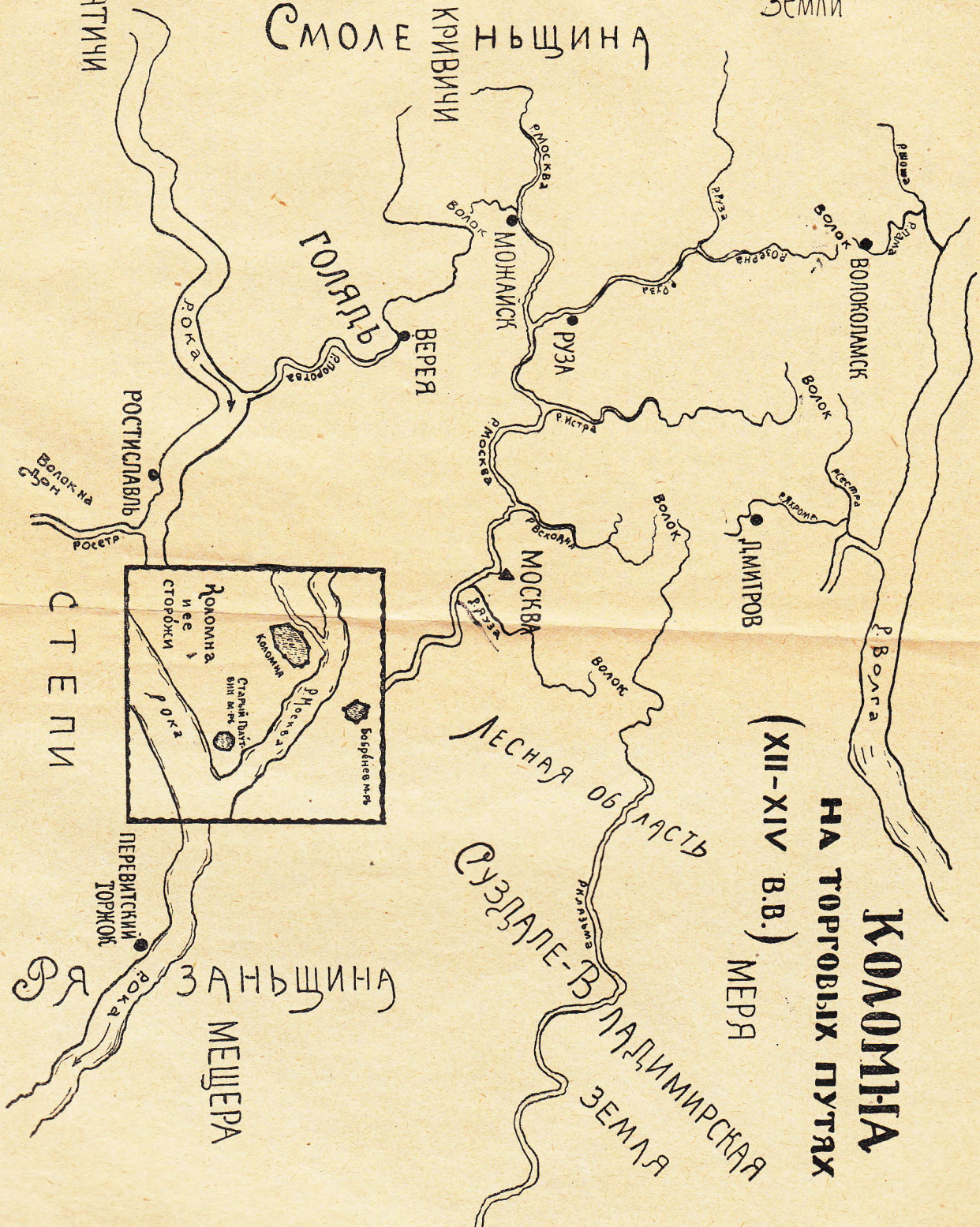
Начала культурно-хозяйственной жизни, занесенные в XI—XII в.в. в область междуречия Оки и верховьев Волги, укрепили постепенно корни иной общественно-политической организации страны. Но в слагающуюся государственную жизнь Северо-Восточной Руси были привнесены пришлым населением некоторые особенности, отмечавшие Киевщину того времени, и имевшие в своей основе социально-экономические отношения. Их влияние не замедлило сказаться на дальнейшем процессе исторического развития Северо-Востока.

Уже к концу XII века общая целость только что возникшего государства была нарушена: Северо-Восточная Русь распалась, по примеру Киевской, на ряд отдельных государственных объединений, во главе которых стояли наиболее сильные экономические княжества—сначала Суздале-Владимирское, затем Тверское и Московское. Для этого периода феодальных хозяйственных отношений, известного в политической истории под названием „удельного“, одной из характерных черт является отсутствие сознания общегосударственного единства. Каждый „удел“, поступавший в распоряжение отдельного феодала-князя, опиравшегося на поддержку особой военно-аристократической дружины, обособливался политически и династически, преследовал личные выгоды и интересы. Общий процесс территориального дробления еще более обострялся частными княжескими междоусобицами, выливающимися обычно в форму борьбы за обладание экономическим первенством. Подобная раздробленность, характерная для форм раннего средневековья, естественно сказалась в большем натиске на Северо-Восток южных кочевников, сначала половцев, затем татар. Но и тягостная зависимость от татарских ханов Золотой Орды не скоро заставила Северо-Восточную Русь проникнуться сознанием общегосударственного единства. „Собирание“ в одно целое ее отдельных земель начало лишь с конца XIII века небольшое Московское княжество. Преследуя в начале чисто личные цели обогащения, оно выросло затем и до понимания общегосударственных задач, блестяще разрешив их к концу XIV века образованием единого Московского государства.

Новгородские
земли

СМОЛЕНЬЩИНА
КРИВИЧИ

ВАТИЧИ

КОЛОМНА
НА ТОРГОВЫХ ПУТЯХ
(XII-XIV в.в.)
МЕРЯ

СУЗДАЛЕ-ВЛАДИМИРСКАЯ
ЗЕМЛЯ

СТЕПИ

МЕЩЕРА
ЗАНЬЩИНА

II. Коломна, как „город“ земли рязанской (XII—XIII в.в.).

1. Экономическое значение Коломны.

Из отдельных княжеств раннего удельного периода государственной жизни Северо-Восточной Руси наиболее крупными были: Суздале-Владимирское, Тверское и Рязанское. К землям последнего принадлежала и древняя Коломна со своими „волостями“.

Географическое положение Коломны, сыграв решающую роль при выборе места поселения, имело большое значение в истории дальнейшего существования города. Им обуславливался характер и причины неустанного развития Коломны. Расположенная на правом (горном) берегу Москвы-реки, при впадении в нее речки Коломенки, в расстоянии 5 км. от слияния Москвы-реки с Окой, Коломна имела хорошую защиту, данную ей самой природой. Естественные ограждения первоначального поселения носили двойной характер: нагорный и речной. Речное ограждение было, в свою очередь, тоже двусторонним: 1) по Москве-реке и 2) по речке Коломенке. Богатые оградительные средства Коломны, усиленные к тому же и искусственным путем, могли служить и целям крепостной и сторожевой охраны отдельного княжества от соседских вторжений удельной эпохи и преградой набегам кочевников южных степей. Близость же хорошо укрепленного „города“ к узлу слияния крупных рек Волжской системы—Москвы-реки и Оки, бывших в те времена единственными посредниками торговых общений, хранила возможность самого широкого использования города в торговых целях. Подобное значение Коломны учитывалось не только ее первыми историческими владельцами—рязанскими князьями, но и ближайшими их соседями, стремившимися ею овладеть. Таковы были основные условия существования Коломны, как „города“ земли рязанской.

Положение Коломны в центре внутренних областей Северо-Восточной Руси (Рязанского, Суздале-Владимирского и Черниговского княжеств), находившихся в почти непрерывной „удельной“ вражде, заставила весьма скоро прибегнуть к более надежным мерам искусственного укрепления города. Примененное к Коломне летописью XII века название „города“, т. е. так или иначе огороженного места, уже указывает на следы каких-то сооружений оборонительного назначения. Дальнейшие (в течение всего XIII века) летописные сообщения о частых столкновениях под „стенами города“ заставляют предполагать о более совершенных приемах его укрепления. Возможно, что еще значительно ранее 2-ой половины XIII века собственно „город“ был обнесен деревянными стенами с особыми свайными укреплениями, носившими название „надолбов“. Летопись 1237 года, рассказывая о битве Владимирской дружины с татарами под Коломной, уже упоминает „надолбы“, к которым были прижаты русские. Простые деревянные стены могли существовать так же и вокруг торгового посада, непосредственно примыкавшего к городу. Отмеченное итальянским путешественником конца XV века Иосафатом Барбаро

сходство существовавших в Коломне деревянных стен с сильными стенами Рязани, допускает возможность подобного сходства и в более ранний период времени. В интересах „стольного“, большого, хорошо укрепленного города Рязани было и возможно лучшее укрепление Коломны, этого исключительно важного в стратегическом отношении города московской границы. Так зарождалась крепостная сила Коломны, достигшая наивысшего расцвета в первой четверти XVI века.

Выгодно расположенная и хорошо укрепленная, Коломна служила Рязанскому княжеству надежным форпостом в северо-западной части его владений. Пограничное положение Коломны, с ее общим и стратегическим значением, вытекавшим отсюда, не позволяло старшим рязанским князьям выделять ее в особый „стол рязанской земли“. Летописные сообщения не упоминают даже ни о каких, хотя бы временных, „Коломенских“ князьях рязанского княжества. Отсутствие отдельного Коломенского удела объясняется не только тревожным характером существования пограничной Коломны, мало поэтому благоприятной для постоянного пребывания княжеского двора. В тревожную эпоху ранне-феодальных отношений с этим считаться не приходилось. Причины кроются гораздо глубже: Коломна была слишком важным в военном и торговом отношениях пунктом, чтобы быть отданной в пользование отдельного, младшего князя. Рязанщине не выгодно было выпускать из своих рук основной выход на Окско-Московский торговый путь, поддерживавший торговые связи с Западом (через Новгород), Востоком (путем Каспийского моря) и Югом (по притокам Оки на Дон). Все сказанное не могло не наложить своеобразного отпечатка на общий облик древнего города, сохранившийся в известной мере, по закону исторической преемственности, и до наших дней.

2. Борьба Рязанщины за Коломну.

Общее значение Коломны, как „сторожевых и крепостных ворот“ на пути из Рязанского княжества в соседние земли, заставляло соседних князей упорно желать ее присоединения к своим владениям. Преимущество „держания“ Коломны в своих руках было для них очевидным. Этим и объясняется борьба за обладание Коломной, которая не замедлила разыгаться. Претендентами выступали, с одной стороны—рязанские князья, с другой—их соседи, сначала—владимирские князья, а затем—московские.

Период скрытой борьбы за Коломну начали суздальско-владимирские князья, приняв живое участие в династических распрях отдельных рязанских князей. В летописных описаниях этой борьбы и выступает на арену исторической жизни имя Коломны, впервые упоминаемой летописью под 1177 годом („и поиде Глеб на Всеволода ко Володимерю; Всеволод же поиде противу Глеба к Рязани, и бывшу ему на Коломне, прииде ему весть...“ Софийский Временник, ч. 1, 204 стр.). Длительная и запутанная борьба рязанцев с суздальцами носила в начале обычный характер княжеских междоусобиц за первенство власти. Началась она в 1169 году, после внезапной смерти вел. кн. Андрея Юрьевича Боголюбского, распрями за Суздальско-Владимирское великое княжение. Братья Андрея—Михаил и Всеволод—оспаривали силой оружия право на великокняжеский стол у своих племянников—Ростиславичей. Верх одержали старшие—Юрьевичи, более сильные экономически князья. Став великим князем, Всеволод III

Юрьевич („Большое гнездо“) решил „наказать“ непокорного князя рязанского Глеба. Он вторгся с большими силами в рязанскую землю и подошел к Коломне. Но Всеволод вскоре вынужден был повернуть обратно. До него дошли тревожные вести, что Глеб Рязанский опередил его в своих намерениях: призвав на подмогу половцев, Глеб начал разгром суздальских владений Всеволода. В битве при реке Колокше Всеволод разбил соединенные рязанские и половецкие силы, пленил Глеба Рязанского, его сына Романа и большую часть их дружины. Посаженных в „поруб“ (тюрьму) пленников не освободили ходатайства духовенства и избежавших „полон“ рязанских князей. Всеволод предъявлял слишком большие требования за право их освобождения. Но Рязанщина не поступилась ни чем. Условия были для нее совершенно неприемлемы: борьба окончилась ни в чью. После смерти Глеба (1180 г.) в рязанской земле начали новые раздоры его сыновья. Младшие Глебовичи считали себя обиженными старшим братом Романом. Вступив в союз с соседними черниговскими князьями, младшие Глебовичи обратились для защиты своих интересов к вел. кн. Всеволоду III. Последний, мечтавший распространить свое влияние на рязанское княжество, воспользовался удобным предложением и обещал младшим рязанцам свою поддержку. Между тем старшему рязанскому князю — Роману удалось привлечь на свою сторону Святослава Черниговского. Дружина Святослава во главе с его сыном Глебом — бывшим князем Новгородским, заняла Коломну, как передовой рязанский пост со стороны Суздаль-Владимирского и Черниговского княжеств. Но Всеволод III, быстро осадив Коломну, взял ее. Глеб и его дружина были захвачены врасплох, в пьяном виде. Грозя осадой самой Рязани, Всеволод вынудил Романа пойти на известные уступки. Но и на этот раз еще сильная Рязанщина не очень себя стеснила: никаких территориальных изменений не произошло.

С 1207 года начался как бы второй этап борьбы Суздальщины с Рязанщиной. Всеволод III опять вмешался в дела рязанского княжества. Разорив часть рязанских земель, он вступил с Рязанью в мирные переговоры. Переговоры эти происходили в Коломне, при участии рязанского епископа Арсения, который „приде и перевезошися в лодиях под Коломню“. Но и на сей раз Рязани удалось сохранить за собой Коломну. Характерным моментом в развитии борьбы суздальцев с рязанцами было привлечение иноземной силы одной из враждующих сторон. Так Глебу Рязанскому удалось отвлечь Всеволода III от попытки захвата Коломны лишь при содействии половцев. Подобная разобщенность, преследование частных интересов, были весьма обычным явлением „удельного“ периода Северо-Восточной Руси. Лишь исключительные случаи, грозившие нарушением общего благосостояния отдельных княжеств и всех их князей, смягчали удельную вражду. Той же самой Коломне, не раз бывшей яблоком раздора, пришлось служить однажды (в 1184 году) местом сбора дружин восьми русских князей. Недавние враги — рязанские, суздальские и черниговские князья — предпринимали теперь совместный поход. Их общим врагом были камские булгары, начавшие угрожать все возростающим могуществом всей Северо-Восточной Руси. Этим выдвигается новое значение Коломны, как пункта, удобного для отправления сухим и водным путями соединенных русских сил в тревожную сторону юго-востока.

Общая раздробленность русских земель и беспрестанные княжеские междоусобицы представляли чрезвычайно благоприятную

почву для набегов татар Золотой Орды, периодически возобновлявшихся в течение XIII—XIV ст. Набеги эти были всегда внезапны и разрушительны. Русские города и селения, лежащие на пути следования татар, обращались в груды пепла и развалин. Русские лучшие силы терялись убитыми и плененными. Много приходилось терпеть и рязанской земле, выдвигавшейся в сторону юго-восточных степей. Вместе с Рязанщиной страдала и Коломна. После разгрома Батыем (в 1237 г.) почти всей Северо-Восточной области, многие города и селения Рязанского княжества, стертые с лица земли, к жизни более не возродились. Под стенами Коломны разыгралась тогда кровопролитная битва. Из десяти рязанских князей, бившихся здесь с Батыем, восемь было убито, один взят в плен и лишь последний избег общей участи, да и то чисто случайно. Сам город в этой жаркой битве был разрушен до основания. Но жизненные силы, вытекавшие из общего географического положения Коломны, заставили ее вновь подняться и окрепнуть. В 1293 году Коломна опять подверглась разгрому от полчищ татарского вождя Дюдены, помогавшего в обще-княжеских междоусобицах городецкому князю Симеону. Рязанскому княжеству, ослабшему под влиянием стольких внутренних и внешних потрясений, на этот раз не сразу удалось оправиться.

3. Переход Коломны к Москве.

На Рязанщину, ослабшую от татарских разгромов, надвигался между тем новый опасный соперник. Это была Москва, возвышавшаяся экономически и расширявшаяся территориально. Соперничество ее с временно обессиленной Рязанью не замедлило выразиться борьбой за обладание Коломной. Разроставшейся Москве Коломна была жизненно необходима. Незадолго перед тем (в 1303 году) Москве удалось укрепить за собой истоки реки Москвы присоединением к своим владениям смоленского города Можайска. Теперь она стремилась упрочить за собой и все течение Москвы-реки. Коломна, замыкавшая как раз ее устье, была нужна Москве и не только в качестве передового, опорного поста—форпоста владений, как Суздальщине. Для предусмотрительной Москвы Коломна являлась как бы ключем в Поочье и Поволжье. Обладание Коломной обеспечивало Москве и путь к дальнейшим политическим приобретениям и торговым завоеваниям, и возможность получения обильного хлеба. Укрепление за Московским княжеством Коломны, еще более углубив намечавшееся значение Москвы, как политического и торгового центра Северо-Восточной Руси, давало ей, в сущности, право жизни. Задавшись единственной целью упрочить свое экономическое влияние, московские князья естественно были не очень разборчивы в средствах своего достижения. Так было и в столкновении их с Рязанью. Но и Рязанщина хорошо понимала всю опасность, грозившую ей от возвышения усиливающейся Москвы. Она действовала против Москвы, вступив в союз с татарами, как раньше против Суздальщины с половцами. Но Москва в своих домоганиях была упорнее, а потому и счастливее Суздальщины. Поставленная Москвой цель была достигнута: ей удалось удержать за собой Коломну.

Борьба Москвы с Рязанью началась с того, что князь московский Даниил—„основатель династии московских князей собирателей“, захватил внезапно Коломну. Рязанский князь Константин,

сознававший, что потеря этого города будет весьма существенным ударом для всей Рязанщины, упорно сопротивлялся. Но вскоре он был обманным образом пленен и увезен в Москву. Сын Даниила— Юрий, вопреки желанию своего отца отпустить „доблестного“ Константина обратно „на Рязань“, приказал, как передает летопись, умертвить его. После этого, в 1307 году, Коломна отошла к Москве и окончательно укрепилась за ней. Духовная московского князя Ивана Даниловича Калиты (от 1328 г.), перечисляя подробно земли Московского княжества, упоминает уже „Коломну с волостями“, как постоянное свое владение. Приведем выдержку из этой грамоты, писанной при отъезде князя в Орду, о „разделе движимого и недвижимого его имени детям и княгине его“. „Се дал есмь сыну моему большому Семену: Можаяск, Коломну со всеми коломенскими волостями, Городенку, Мезыню, Песочну, Похряне, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Иваны деревни, Маковець, Левичин, Скульнев, Канев, Гжелю, Горетову, Горки, село Астафьевское, село на Северце в Похрянском уезде“ и т. д.

К концу XIV века (вторая духовная князя Дмитрия Ивановича о разделе от 1389 года). В состав Коломенских волостей входили следующие земли: „Мещерка, Раменка, Песочна, Брашева с сельцом Гвоздною и с Иванем, Гжеля, деревни Левичин, Скульнев, Маковець Канев, Кочема, Комарев с берегом, Городна, Похряне, Устьмерьска“. Некоторые названия прежних волостей Коломенской земли XIV века удержались в названиях современных селений и районов Коломенского и смежных с ним уездов Московской губернии. Так, например, Городенка, Песочна, Маковец, Скульнев, Комарово, Похряне и пр.— села и урочища Коломенского уезда—Городенка, Песочня, Маковец, Голочелово тож, Скульнево-Ильинское, Комарово, Похрянка-речка в Непецинской волости; Гжеля, Брашева, Устьмерьская, Раменка, Иваньдеревня и пр.—с.с. Броницкого уезда—Гжель, Брашева, Устьмерьска, Раменское, Ивань, Мещерка—район в Егорьевском уезде и т. д.

Из тех же духовных грамот московских князей (1328—1389 г.г. и т. д.) видно, что Коломна „со всеми ее волостями, и с тамгою, и с мыты, и с бортью, и с селы, и со всеми пошлинами“ предназначалась, вместе с Можайском и другими близкими к самой Москве землями, старшему в роде сыну. Этот порядок остается с тех пор неизменным. Коломна входит всегда в состав старшего удела Московского княжества, как когда-то и Рязанского. И Москва не может уступить, хотя бы во временное пользование, важного форпоста населенного края, этого своего щупальца в сторону хлебного поля.

III. Жизнь Коломны в составе московских земель (XIV—XV в.в.).

1. Экономическая деятельность Коломны: торговые сношения и средства сообщения.

После окончательного закрепления за Москвой водного пути по системе рек—Москвы и Оки, торговая инициатива Московского княжества еще более возросла. В торговом товарообмене Москвы Коломна играла роль важного передаточного пункта. Исключительно благоприятное географическое положение Коломны не позволило ей ограничиться только посредничеством между внутренними областями Северо-Восточной Руси. Относительная близость Коломны к Днепровскому великому пути и Дону, связь ее через Москву-реку и Оку с путями Волжско-Камского бассейна, помогали Москве использовать ее в целях оживленного сношения с внешним рынком. Коломна служила как бы торговым перепутьем и для иноземных товаров.

Прочная торговая связь Новгорода с Поочьем издавна ставила Коломну на положение как бы фактории новгородских купцов-„гостей“. Именно сюда везли торговые новгородцы различные немецкие товары—вина, суконные и полотняные ткани, поделки из металла и пр. изделия Запада. Они выменивали их на хлеб, получаемый Коломной с „низу“, с Рязанщины и из Камской Булгарии. В Москву же через Коломну шли различные греческие и восточные товары—парча, церковная утварь, оружие, драгоценности, благовония, пряности и т. п. Особенно важна была для Москвы посредническая роль Коломны в деле снабжения ее хлебом. Последний шел через Коломну речным (дальний) и гужевым (ближний, Рязанский) путями вплоть до конца XIX ст., когда железнодорожные сети непосредственно соединили Москву с хлебными южными областями. То, что Коломна с давних пор являлась крупным хлебным рынком Москвы, содействовало успешному развитию ее сухопутных путей. Из пролежавших по коломенской земле дорог, наиболее значительным являлся большой Рязанский путь (современное Астраханское шоссе), издавна славшийся в Коломну хлеб, мед и „всяческое довольствие“ Рязанской стороны. Подобное развитие сухопутных сношений рано заставило Коломну озаботиться улучшением своих средств сообщения. Об особом мосте через Москву-реку, находившемся у Коломны, упоминает уже путешественник XV века Амвросий Контарини (1476 г.); более подробное описание этого деревянного, низкого, но легко разбирающегося моста, дают позднее (в середине XVII века) Олеарий и Павел Алеппский. Мосты меньших размеров были и на протекавших в районе Коломны речках—Коломенки, Рёпенке и Чуре. Но первенствующее положение занимал все-таки привычный водный путь, несмотря на то, что извилистое течение Москвы-реки замедляло прохождение торговых караванов. Помимо обычной Московско-Окской

системы, Коломна пользовалась еще удобным путем вверх по р. Осетру (приток правого берега р. Оки в совр. Зарайском уезде Рязанской губ.), далее переволоком на р. Дон. Широкое развитие судоходства и различные условия плавания заставляли разнообразить типы торговых судов. На Оке и Волге до сих пор еще можно встретить особую барку, так называемую „коломенку“, получившую свое название по месту своего возникновения, подобно тому, как барка „дединовка“—от кораблестроительной деятельности с. Дединова на Оке (прежний Коломенский и совр. Зарайский уезд).

Развитие торгового значения Коломны в XIV—XV в.в. подтверждает целый ряд различных исторических свидетельств. Много ценного материала для истории торговых сношений Коломны XIV века дают княжеские договорные грамоты того времени. Разграничивая сферы политического влияния соседних княжеств (Московского, Рязанского, Серпуховского), грамоты эти обстоятельно определяют различные условия торговых взаимоотношений. Приведем, для примера, выписку из одной договорной грамоты князя московского—Дмитрия Ивановича (Донского) с серпуховским князем—Владимиром Андреевичем (Храбрым): „а гости и суконьников и городских людей в службу не принимати“. Это подтверждает не только вполне определенную социальную группировку городского населения, но и зародившиеся опасения торговой конкуренции, возможной со стороны соседа. О широкой практике подобных внутренних торговых сношений говорит так же и та детализация мелочей торговой жизни (точные размеры торговых пошлин, мыта и т. п.), которая встречается в подобных договорах.

Не мало указаний на торговые связи Коломны того времени и с внешними рынками. Так весьма характерно объяснение причин жестокой моровой язвы, опустошившей Коломну в 1363 году, данное летописью. В распространении болезни летопись всецело винит новгородских купцов, завезших заразу с юга. Случаи же нахождения в пределах коломенского края и соседних ему земель Московского водного пути древних восточных монет еще раз подтверждают торговые связи Северо-Восточной Руси с далеким Востоком, сложившиеся не позднее X века и втянувшие Коломну в свой узловой оборот. Эти монеты найдены по берегам р. Оки, ниже и выше Коломны (под с.с. Белоомутом и Железницы совр. Зарайского уезда). Они—различных восточных государств и принадлежат чеканке еще IX—X в.в. Происхождение этих монет намечает направление восточных торговых путей того времени. Монеты чеканены в Булгарах, Багдаде, Самарканде, Бухаре, Джорджане и Астрабаде. Следовательно торговые пути шли по трем основным линиям. К Волжско-Камской Булгарии, к Персидскому заливу и к границам Китая. Такова в общих чертах картина, издавна завязавшейся, внутренней и внешней торговой деятельности Коломны XIV—XV в.в.—этого торгового пути русских и иноземных гостей.

Торговое оживление Коломны естественно содействовало ее обогащению, возраставшему с расширением ее торговых операций. Современная эпохе летопись свидетельствует о значительных ценностях, накопленных городом уже к концу XIV века. Рассказывая о мстительном набеге рязанского князя Олега на московское княжество (1385 г.) она передает и о той исключительно богатой добыче (золото, серебро и прочие дорогие „товары“), которую ему удалось вывезти, вместе с пленными боярами и купцами, из города Коломны.

2. Культурная и бытовая жизнь города.

Обогащаясь экономически, Коломна расширялась и территориально. Пределы первоначального „города“ и его ближайшего соседа—торгового посада—в скором времени уже перестали удовлетворять нуждам все разроставшегося населения. К посаду, примыкавшему с юго-восточной стороны к крепостной стене, неизбежно потянулся ряд слободок и слобод, заселенных разным городским людом. С дальнейшим развитием городской жизни эти слободки и ближайšie к ним села и деревни сливались постепенно в одно целое (например, село Бобышево, позднее слобода Гончары—теперь район Зачатьевской улицы). Частые пожары не отражались на неустанном росте города: в лесном материале не было недостатка. Население не уставало энергично обстраивать свой родной город, долго носивший облик исключительно деревянного.

Широкое общение Коломенских торговых людей с другими более крупными и просвещенными центрами, содействуя, с одной стороны, обогащению города, отражалось и на потребности иных форм жизненного уклада. Последнее выражалось прежде всего в стремлении украсить свой родной угол, приблизить его, хотя бы по внешнему облику, к тому, что поразило когда-то сознание. И вот, наряду с обычной обывательской стройкой возникает художественное строительство. Уделом последнего было первоначально церковное зодчество, долго выливавшееся в одних только деревянных формах. Но общие социально-экономические условия того времени делали доступным дело художественного строительства, даже в относительно скромных его размерах, более состоятельным, привилегированным классам населения—князю с его дружиной и высшему духовенству.

Коломна не была местом постоянной резиденции князя, не была отдельным „столом“ великого княжения, но частые княжеские наезды в этот важный в стратегическом отношении город не могли не содействовать успешному развитию в ней форм художественного строительства. Подтверждение этому мы находим в существовании в Коломне особого княжеского дворца. Он был выстроен на случай княжеских приездов еще значительно ранее конца XVI века, когда он, судя по описанию писцової книги 1578—79 г.г., находился уже в сильно обветшалом состоянии. Дело же церковного строительства облегчалось кроме того и постоянным пребыванием в городе представителей высшего духовенства, так как Коломна имела самостоятельную епископскую кафедру.

Основание коломенской епархии, одной из древнейших в московском княжестве, произошло вскоре после присоединения Коломны к московским землям, т. е. после 1307 года. Историки церковной иерархии относят его обычно к первой половине XIV века. Но первое историческое упоминание „о владыке коломенском“ встречается лишь в духовной грамоте вел. кн. Симеона Ивановича от 1353 года („а сию грамоту писал есмь перед своими отцы, перед владыкою Владимирским перед Олексеем, перед владыкою Переяславским Офонасеом, перед владыкою Коломенским Офонасеом“ и т. п.). Своим возникновением Коломенская епархия была обязана известным политическим соображениям Москвы, преследовавшей цели большего привлечения к себе вновь приобретенного края. Постоянное пребывание в Коломне представителей высшего духовенства—т. е. по тому

времени людей наиболее обеспеченных и просвещенных, не могло не иметь известного влияния на общий подъем культурного уровня городского населения. Такую же роль играли, в силу общих условий русской действительности той поры, и монастыри, возникшие в Коломне с издавних времен. Участие коломенских и московских монастырей в торговой жизни населения края несомненно. Лишь потребностью в надежной охране товаров можно объяснить существование еще в конце XVI века внутри крепостных стен города осадных дворов монастырей—местных—Спасского, Голутвина и Бобренева—и московских, известных истории своего времени по крупным торговым операциям (соль, зерновой хлеб)—Троице-Сергиева, Чудова, Симонова, Угрешского и Окского Белопесочного. Показательны так же и громадные помещения, дошедшие до наших дней, могшие быть своевременно использованными под товарные склады: это—белокаменные подвалы в одной из церквей быв. Спасского монастыря, что „за торгом“ (позднее служившие местом погребения) и внутренние палаты Успенской соборной колокольни. Торговой деятельностью монастырей и объясняется громадное накопление ими различных имущественных ценностей. О монастырском благосостоянии того времени дает нам отчетливое представление опись конца XVI века; помимо всевозможных земельных и хозяйственных угодий, поступавших в монастыри по различным жалованным грамотам, вкладам и пр., каждый из коломенских монастырей обладал еще большим количеством собственно церковных ценностей. Описание их занимает в писцовой книге (в редакции Н. Калачова несколько сокращенно)—у Спасского монастыря—5, Брусенского—2, Голутвенского—8, Бобренева—2—страниц убористой печати.

В Коломне мы встречаемся с двумя типами монастырей—городскими и загородными. Возможно, что первыми городскими монастырями Коломны были не известные нам—Спасопреображенский (с 1800 г. приходская церковь) и Брусенский—монастыри, а Иоанновский и св. жен Мироносиц, не существующие уже несколько столетий. Время возникновения, хотя бы приблизительное, этих двух последних монастырей совершенно неизвестно. Существование же их прекратилось к концу XVI века, когда впервые выступают на арену исторической жизни другие монастыри: городские—Спасопреображенский и Брусенский и загородные—Голутвин и Бобренев. Два последних монастыря имели вполне определенное стратегическое назначение. Основать их заставила Москву остро ощущаемая потребность в подсобных сторожевых постах первой оградительной линии. Они служили не только сигнальными постами Коломны, предупреждавшими город о грядущей опасности со стороны юго-восточных степей „поля“, но и отдаленными „поокскими сторожами“ самой Москвы, первыми фортами ее владений в сторону Земли Рязанской и диких полей. Староголутвинский монастырь, расположенный на углу, образованном слиянием Москвы-реки с Окой, охранял вход в реку Москву, столь важную в торговом отношении. Бобреневский же, лежавший на пути в рязанские земли, стерег путь, снабжавший московское княжество хлебом (позднейший тракт на г. Егорьевск). Оба эти пути, необходимые для жизненных функций Москвы, и были наиболее угрожаемы со стороны ее давних врагов—татар. Таким образом, загородные монастыри Коломны являлись первоначально не столько настоящим обителями, сколько небольшими подсобными сторожевыми крепостями, как для Коломенской крепости, так и для самой Москвы.

3. Коломна в эпохи татарских набегов.

Несмотря на все возраставшую силу молодого Московского княжества, ему долго еще приходилось терпеть от набегов татарских полчищ, периодически тревоживших юго-восточные окраины и центр Северо-Восточной Руси. Выполнению стратегических замыслов Москвы, направленных против татар, помогала Коломна. Ее положение вблизи слияния Москвы-реки с Окой, по прямому направлению к „полю“, делало ее не только передовым постом, но и наиболее подходящим местом для сбора русских полков, направленных в сторону юго-восточных степей, против татар.

Коломна приняла участие в конце XIV века и в известном коллективном выступлении Москвы и соседних с ней княжеств против Золотой Орды. К последним дням августа 1380 года почти все князья Северо-Восточной Руси стянули свои войска к Коломне. Они собирались общим походом на хана Золотой Орды Мамаю, уже двинувшего свои силы на русские земли. Во главе русской рати, собравшейся в Коломне, стоял московский князь Дмитрий Иванович, получивший впоследствии прозвище „Донского“. По словам летописца, уделившего много внимания этому знаменательному для политической жизни страны событию, численность союзных войск, собравшихся в Коломне, достигала до 150.000 чел. Несмотря на безусловные преувеличения, допущенные летописью в данном случае, можно думать, что и на самом деле русское войско было весьма многочисленным. В рати Донского летописец отмечает многих „доблестных мужей“. Тут были: князь Владимир Серпуховской, ближайший сосед Коломны, заслуживший прозвище „Храброго“ за свой решительный натиск в тяжелый для русских момент „Куликова побоища“, и десять человек „гостей-сурожан“, защищавших свои торговые интересы, страдавшие от татарских налетов, и легендарные иноки Троице-Сергиевой лавры—бояре Пересветов и Ослебятьев и пр. Лишь рязанский князь Олег поддерживал Мамаю, побуждаемый к этому своими давними счетами с Москвой.

Выступление из деревянных стен Коломенской крепости блестящего войска, напутствуемого благословениями местного епископа Герасима, действительно должно было быть величественной картиной. Попытку позднейшей Коломны запечатлеть этот красивый момент истории города нельзя признать удачной. К 1880 году—500-летию Куликовой битвы—городские власти повесили на крепостных „Пятницких“ воротах картинное изображение коломенского выступления рати Донского. Не говоря уже о „художественных“ достоинствах этого произведения, лишь недавно снятого со стен башни, не лишне отметить и грубый анахронизм, допущенный живописцем: он изобразил на картине Пятницкие ворота каменными, т.-е. опередил событие на сто с лишним лет. Не менее торжественно, чем выступало, и возвращалось через Коломну значительно поредевшее, но победоносное войско кн. Дмитрия, разбившее „супротивного“ Мамаю в битве на Куликовом поле (в Тульской губернии на берегу р. Непрядвы—притока Дона). Летопись передает, что в благодарность за победу над Мамаем, кн. Дмитрий заложил в стенах коломенского кремля каменный собор во имя „Успения Пресвятой Богородицы“. Но этот собор вряд ли был первой каменной церковью Коломны: можно думать, что до него существовал уже другой, более древний. Весьма вероятно, что в заброшенном подвальном помещении современной нам

Воскресенской, что в крепости, церкви и таятся следы этого первоначального „Воскресенского“ собора города. Именно в этом Коломенском „Воскресенском“ соборе несколькими годами ранее Куликовской битвы состоялось, по словам предания, венчание кн. Дмитрия с княжной суздальской Евдокией (впоследствии Ефросинией). Это венчание служило для того времени как бы символом окончательного сближения долго враждовавших политических противников—Суздале-Владимирского и Московского княжеств, соединившихся теперь под главенством последнего. Вообще, летопись весьма часто связывает имя Донского с Коломной¹⁾. В последнем кроется большая доля исторического смысла. Коломна той эпохи была важной участницей в делах внешней и внутренней политики Московского княжества, заметно окрепшего за время Донского. Из грамот конца XIV века видно, что Коломна считалась самым важным и богатым городом среди других городов Московского княжества, не считая, конечно, самой Москвы. Исчисление отдельных сумм, собираемых Москвой по городам для общей уплаты татарского „выхода“ и соразмеряемых со средствами и доходами каждого города в отдельности, дает для Коломны самую высокую (после Москвы) сумму—в 342 р.; следующей цифрой будет уже—272 р. (Звенигород) и ниже.

Но не всегда Коломна благоденствовала и делила с Москвой славу ее побед. Ей пришлось пережить в конце XIV-го и первой половине XV-го в.в. ряд различных разгромов. Так, в 1382 году ее опустошили татарские полчища под предводительством грозного Тохтамыша. В 1385 году Коломну разорил, пленив ее наместника боярина Остея и многих других бояр, упорный соперник Москвы рязанский князь Олег. Последний мстил Донскому за разгром рязанской земли, предпринятый Москвой в 1382 году и мотивированный летописью, как наказание за поддержку Олегом Мамаю и Тохтамыша. От этой, долго длившейся борьбы Москвы с Рязанью, Коломна перенесла не мало. Внезапный набег Олега в весенний праздничный день (25 марта) не уступал по своей жестокости и татарским разгромам. Прочного мира между Москвой и Рязанью, не забывшей потерю Коломны, этого „бронированного кулака“, важного обоим соседям, не было и долго еще быть не могло. Ряд позднейших договорных грамот великих князей московских с великими князьями рязанскими тщетно пытался установить грань вполне добрососедских отношений: „А вотчины ты наши Московской (земли) и Коломны, и всех волостей московских и коломенских, что потягло к Москве и к Коломне по реку по Оку, и всего моего великого княженья под нами не обидеши, ни вступаться нисколькою хитростью. А межы нас раздел земле по реку по Оку, от Коломны вверх по Оце“. (Договор велик. кн. московского Василия Дмитриевича с вел. кн. рязанским Федором Олеговичем). Земли Коломны еще долго оставались под угрозой Рязани.

Оправившись несколько от нападения рязанцев в 1385 году и громадного пожара весной 1438 г., когда „загорелось в вечерню, а о заходе солнца преста“, Коломна в 1440 году была вновь выжжена казанским ханом Углу-Махметом, отступавшим от Москвы после неудачной попытки овладеть ей. Частые вражеские набеги побуждали Коломну, неизбежно лежавшую на пути следования татарских полчищ и представлявшую своим богатством соблазнительную приманку, усиливать свои оборонительные средства. Ее стремления увенчались

¹⁾ Тоже делают и местные предания: так основание обоих загородных монастырей Коломны опять таки связывается ими с именем Донского и „Куликовской битвы“.

успехом: вторая половина XIV века окончательно укрепляет за ней славу надежного оплота, не только обороняющего себя, но и преграждающего подход к Москве. Вот несколько хронологических данных, подтверждающих все возрастающую стратегическую силу Коломны: в 1450 г. Василий Темный, руководя из Коломны русскими полками, отразил наступление татар; пять лет спустя (в 1455 г.) московские войска вновь разбили под ее стенами большие татарские полчища; в 1479 году хан Золотой Орды Махмет побоялся напасть на Коломну, где князем Иваном III сосредоточены были значительные силы, во главе которых стоял Касимовский царевич Даныяр. Эти даты достаточно убедительно говорят за себя.

Коломна служила также и местом ссылки, преимущественно политических, противников московского князя. В 1432 г. сюда был сослан, под надзор коломенского наместника Ивана Старкова, двоюродный брат вел. кн. Василия Дмитриевича — Дмитрий Шемяка, оспаривавший у Василия право на великокняжеский престол. В 1471 году Иван III „свел“ в Коломну семь знатных семейств новгородских граждан, противников самодержавного порядка, вводимого им в „Господине Великом Новгороде“. В следующем (1472) году прислали опального „монетчика“ Ивана Фрязина, навлекшего на себя „государев гнев“ своими действиями во время посольства в Италию, куда он ездил за невестой Ивана III — греческой царевной Софией Палеолог. Ссылать в Коломну было и удобно и безопасно: не на глазах, а близко.

В жизни Коломны XV века было и совсем непривычное для ее летописи событие: в 1408 году она, вместе с некоторыми другими городами московского княжества, была отдана великим князем Василием Дмитриевичем в „кормление“ литовскому выходцу князю Свидригайлу Ольгердовичу. Но подобная передача Коломны была кратковременной и чисто номинальной (была отдана половина города), что составило, очевидно, лишь известный дипломатический прием „хитроумного“ московского князя. Тот же Василий Дмитриевич в своем завещании, датированном несколькими годами позже, попрежнему предназначает Коломну своему старшему сыну Всеволоду (Темному). Коломна была слишком важна для московского государства, чтобы быть так или иначе отторгнутой от Москвы. Этот город исключительно удачно совмещал в себе и роль грозного форпоста Москвы, и ее торгового перепутья. С Коломной той же эпохи связан еще один любопытный штрих ее городской хроники. Это было, когда дядя Василия кн. Юрий Дмитриевич Звенигородский овладел временно великокняжеским престолом и захватил Москву. Василию пришлось тогда удалиться в Коломну, как в свой частный удел. Предание передает, что за Василием потянулась туда вся Москва, оскорбленная нарушением установленного порядка престолонаследия: „в Коломне не доставало места в домах для людей и на улицах для обозов“. „Пристыженный пустотой Москвы“ кн. Юрий вынужден был уступить своему сопернику и Василий вернулся с „торжеством“ в Москву. Н. Иванчин-Писарев, вообще склонный увлекаться, утверждает даже, что „соцарственная Москве Коломна“ служила не только временным убежищем Василия Темного, но и местом его постоянной великокняжеской резиденции“. Последнее не находит себе исторических подтверждений; но можно думать, что тот княжеский дворец, описание которого относится к концу XVI века, был построен здесь именно Василием Темным, во всяком случае принявшем участие в обстраивании любимого им города. К той же эпохе жизни Коломны

принадлежит и еще одна, не свойственная Коломне—этому типичному средне-русскому городу, бытовая черточка ее прошлой жизни. В Коломне, в те дни, когда отец Василия Темного—Василий Дмитриевич—встречал в ней своего тестя Витовта, который „гостил в городе и праздновал несколько дней, заводились рыцарские игры, на одной из которых был убит сын пестуна кн. Василия“. Так промелькнула в этом „городке земли русской“ мимолетным эпизодом одна из форм средневекового быта Западной Европы, получившая русское претворение в виде кулачных боев, издавна распространенных среди посадского и слободского населения городов ¹⁾. Такова была кипучая и тревожная жизнь Коломны эпохи частых татарских нашествий, постигавших московское княжество в течение всего XIV-го и XV-го в.в. Бесконечное число раз горевшая и разоряемая, но снова встававшая из груды пепла и развалин, Коломна неустанно шла по пути своего развития, всегда черпая в своем географическом положении новые источники жизненной энергии.

¹⁾ См. Н. Гилярова-Платонова „Из пережитого“. М. 1886 г. и И. Слонова „Торгово-промышленная Москва“. М. 1910 г.—коломенских уроженцев, еще заставших в конце XIX ст. кулачные побоища на льду Москвы-реки между мясниками бывлой Ямской слободы города и жителями окрестных селений.

IV. Коломна-крепость. (XVI век). ✓

I. Создание в Коломне каменного кремля.

XVI век имел решающее значение в истории Коломны. Сознание все возростающего экономического и политического могущества Москвы требовало, прежде всего, большей военной мощи государства: оборонительные средства страны необходимо было усилить. Сама Москва забронировала себя в достаточной степени прочно, возобновив и расширив каменные кремлевские стены, созданные еще Дмитрием Донским. Новый облик „царственной“ Москвы соответствовал вполне не только ее новой идеологии, но и всему жизненному укладу феодальных отношений московского вотчинника—великого князя. Перед московским государством стояла задача дальнейшего укрепления государственного целого; она выразилась первоначально в замене каменными кремлями недостаточно надежных и прочных деревянных „детинцев“ наиболее значительных городов заградительной линии.

Коломна, как важный по своему стратегическому значению город, входила одной из первых в общий план стратегической обороны московского государства. Как раз к этому времени (в 1483 г.) она перенесла громадный пожар, уничтоживший прочные стены ее „города“, а в 1525 году вновь пострадала от Крымского хана Махмет Гирея, разграбившего ее самым жестоким образом. Последнее обстоятельство послужило решительным толчком к тому, что экономически сильная Москва ускорила постройку каменной крепости в Коломне.

25 мая 1525 года деревянную ограду коломенского „города“ начали заменять каменной стеной с рядом башен и ворот. Так распорядилась Москва повелением вел. кн. Василия Ивановича. Строителями коломенской крепости считаются обычно фряжские (италианские) зодчие—Алевизы Большой и Малый, принимавшие участие в обстраивании московского кремля. Во всяком случае, в строгой мощности и четкой ясности уцелевшей части крепостных стен и башен сильно чувствуется италийское влияние, да и сама техника крепостного строительства и выполнения достаточно определенно говорит об иноземце-строителе.

Через шесть лет с начала закладки, к осени 1531 года (по некоторым датам к 15-му августа), крепостные стены города были вполне закончены: Коломна нарядилась в новую броню, по условиям военной техники того времени почти непроницаемую. Сооружение этой „брони“ города отняло много средств и сил. Материальные средства и общий контроль над выполнением давались Москвой; живая же рабочая сила и строительный материал были местного происхождения. Кирпич для крепостной стены выделялся здесь, на месте. Он изготовлялся крестьянами ближайших коломенских деревень, переселенных для удобства работы в пригородные слободы. До сих пор еще в одной из городских церквей (церковь „Зачатье“, бывшая когда-то церковью села Бобышева, затем слободы „Гончары“) можно видеть громадный образ нерукотворного спаса. Образ этот был, как передает местное предание, перенесен сюда крестьянами,

Объяснение схематического чертежа Коломенского кремля.

- 1—**Пятищкая** башня с проезжими воротами: высота—29 метр. ($13\frac{1}{2}$ саж.), длина—23 м. (11 с.), ширина—13 м. ($6\frac{1}{4}$ с.); в 78 м. ($36\frac{1}{2}$ с.) от Пятищкой башни
- 2—**Погорелая** башня: высота—22 м. ($10\frac{1}{4}$ с.), длина—15 м. ($7\frac{1}{2}$ с.), ширина—9 м. (4 с.); в 96 м. (45 с.) от Погорелой башни
- 3—**Спаская** башня: высота—21 м. ($9\frac{3}{8}$ с.), длина—12 м. ($5\frac{1}{2}$ с.), ширина—8,5 м. ($4\frac{1}{6}$ с.); в 99 м. ($46\frac{1}{2}$ с.) от Спаской башни
- 4—**Семеновская** башня: высота—19 м. ($9\frac{1}{2}$ с.), длина—13 м. (6 с.), ширина—6 м. (3 с.); в 98 м. (46 с.) от Семеновской башни
- 5—**Вознесенская** башня: высота—23 м. (11 с.), длина—13 м. (6 с.), ширина—8,5 м. (4 с.); в 102 м. (48 с.) от Вознесенской башни
- 6—**Ямская** башня: высота—21 м. (10 с.), длина—11,5 м. (5 с.), ширина—8,5 м. (4 с.); в 107,5 м. ($50\frac{1}{2}$ с.) от Ямской башни
- 7—**Ивановская** башня с проезжими воротами: высота—35 м. ($16\frac{1}{4}$ с.), длина—21 м. (10 с.), ширина—15 м. (7 с.); в 143 м. ($67\frac{1}{4}$ с.) от Ивановской башни
- 8—**Грановитая** башня: высота—22 м. ($10\frac{1}{4}$ с.), длина—13 м. ($6\frac{1}{6}$ с.); в 154 м. ($72\frac{1}{2}$ с.) от Грановитой башни
- 9—**Наугольная Круглая** (Маринкина, Коломенская тож) башня: высота—34 м. ($16\frac{1}{6}$ с.), длина—13 м. (6 с.), ширина—13 м. (6 с.); между Грановитой и Круглой Наугольной башнями
- А—**Молаховские** (Михайловские) ворота—в 121 м. ($57\frac{1}{4}$ с.) от Круглой башни
- 10—**Борисоглебская** башня: высота—16 м. (8 с.), длина—9,5 м. ($4\frac{1}{2}$ с.), ширина—11 м. (5 с.); в 87 м. (41 с.) от Борисоглебской башни
- 11—**Косые** ворота: высота—21 м. (10 с.), длина—16 м. ($7\frac{1}{2}$ с.), ширина—11 м. (5 с.); в 87 м. (41 с.) от Косых ворот
- Б—**Мельничные** ворота; в 119 м. ($55\frac{3}{4}$ с.) от Мельничных ворот
- 12—**Тайницкая** башня: высота—19 м. (9 с.); из прясла между Тайницкой и Сандыревской башнями к Москве-реке выведен
- В—**Тайник**: в 97 м. ($45\frac{1}{2}$ с.) от Тайницкой башни
- 13—**Сандыревская**—башня: высота—17 м. (8 с.); в 96 м. (45 с.) от Сандыревской башни
- 14—**Бобреновская** башня с Водяными воротами: высота—15 м. (7 с.); в 96 м. (45 с.) от Бобреновской башни
- 15—**Круглая Наугольная** башня (Стрельная Наугольная Свблдово - Москворецкая тож); высота—34 м. (16 с.); в 90,5 м. ($42\frac{1}{2}$ с.) от Круглой Наугольной башни
- 16—**Застеночная** башня: высота—21 м. (10 с.); от Застеночной башни к главной Пятищкой башне прясло в 71 м. ($33\frac{1}{2}$ с.).

Примечание: 1) материалом служили: "Писцовая по г. Коломне книга 1578/79 г.г." И "Коломенский Росписной список 1683 г.", 2) в обмерах дана обычная сажень; сажень же писцовой книги несколько менее трех аршин; след. по писцовым книгам общая окружность стены равна не 924, а 1020 саж.

ров (16 $\frac{1}{4}$ сажень) высоты, 21 метр (10 сажень) протяженности и 15 метров (7 сажень) ширины. Самая малая башня—Бобреньевская—достигала до 15—17 метров (7—8 сажень) по всем сторонам своего объема; и она была, как видно, в достаточной степени внушительна. Башни были приспособлены для различных видов боя—подошвенного, среднего и верхнего; они изобиловали наметными окнами; некоторые из них имели и отводные бойницы (например, уцелевшие Пятницкие ворота). Все башни, ворота и стены были связаны между собой особыми внутренними и внешними ходами и переходами, иногда еще сверху прикрытыми деревянными щитами.

Вход в ворота защищали двойные „гёрсы“—особая, опускающаяся при помощи блока, стальная решетка; на вышке Пятницких ворот висел „вспокоенный“ колокол, в который ударял дозорный, предупреждая город о грядущей опасности. Охрана города вручалась так же и установленным в его воротах священным изображениям (иконам и статуям). Одно такое изображение—каменное изображение Ивана Богослова и др., с давно разрушенных Ивановских ворот, можно и сейчас увидеть в Богословской церкви, что на Житной (базарной) площади. Но не всегда крепостные башни служили только целям обороны города: одна из них, названная писцовой книгой „Свибловой—служила для тюремных нужд. Название другой—„Застеночной“—указывает на существование в ее стенах „застенка“—т. е. места пытки. Подтверждение этому можно видеть в вариантах названия проходящей неподалеку кремлевской улицы Воздвиженки, слышущей среди населения Пыточной и Щемилковкой. Так местное предание передает нам о тех жестоких пытках, которым подвергнуты были горожане в „лютую опричнину Грозного“. От массы крови, пролитой тогда в „Застеночной башне“, покраснела, по словам предания, даже вода в Москве реке. Коломенская крепость, подобно другим крепостям средневековья, служила так же целям суровой тюрьмы и розыска.

2. Стратегическое значение Коломенской крепости.

О стратегической мощности Коломенской крепости помимо писцовых книг конца XVI века, дающих описание ее технического и военного оборудования, свидетельствуют и иностранцы путешественники середины XVII века—А. Олеарий и П. Алеппский. Последний особенно восторженно описывает общую красоту крепостных стен и величие ее башен. Действительно, дошедший до нас от 1636 года рисунок Олеария ¹⁾, изображающий вид крепости со стороны Москвы-

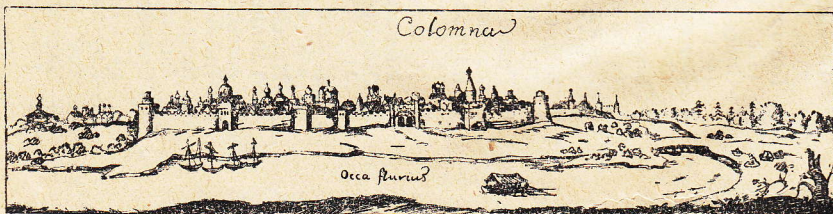

Рис. № 1.

„Коломенский Кремль“ XVII с рис. А. Олеария вып. арх. П. Касаткиным.

¹⁾ Адам Олеарий, „Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно“. Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. Изд. Суворина. СПб. 1906. Рис. к стр. 352. В рисунке Олеария следует оговорить его ошибочную надпись „Осса fluvius“—„река Ока“, в действительности же—река Москва. Перерисовка Олеария А. Потаповым, см. Древности, т. XIX.

реки, великолепно передает общее настроение мощных твердынь, так гармонирующих с островерхими шатрами кремлевских церквей этого типично московского города. Но еще более красноречиво подтверждают грандиозность и общее величие прекрасного замысла коломенской крепости ее остатки, еще дошедшие до нас.

Со времени устройства в Коломне каменного оплота, богатого военными силами и техническим оборудованием, Коломна, несмотря на почти ежегодные набеги крымских татар, ни разу не была взята в течение всего XVI века. От вражеских набегов страдали лишь ее окрестные селения, сам город был неприступной твердыней. Он был богат и военными силами—пушкарями, пищальниками, стрельцами и др., и техническим оборудованием—„гуляй городом“,—т.-е. особым подвижным укреплением, скрывающим в себе орудия и пушкаррей, „нарядом“, т.-е. артиллерией со всеми ее приспособлениями—ядрами свинчатыми и железными, „зельем“, т.-е. порохом, селитрой, серой и т. п. Небезынтересно привести описание боевого оборудования некоторых крепостных башен, сделанное писцовою книгой 1578/79 г.г. У Пятницких ворот, „в казне затинных 16 пищалей медных, да 74 пищали железных, да 5.500 ядер сороковых железных, да 17 пуд ядер свинчатых затинных, а во всяком пуде по 190 ядер, да затинных железных ядер 31 пуд, а во всяком пуде по 400 ядер, да ручных свинчатых ядер и дробу весу в них полдевята пуда, да зелья 7 бочек, а весу в них по ярлыком с деревом и с кожей и с веревками 60 пуд и 35 гривенов, да в бочке зелья полтора пуда, да селитры пуд без 5 гривенок, да серы 3 пуда и 5 гривенок, да серы ж третьи пуд, да сала полтора коровая“; на Ивановских воротах „верху пушка сороковая на собаке, ядро полгривенки“; на Грановитой башне—„пушка Тофа, ядро камено 5 гривенок“ и т. д.

Опасаясь грозных огнестрельных орудий Коломенской крепости, татары вынуждены были искать себе переправы уже через Оку, которую москвичи издавна почитали за „неперелазную стену, положенную от самого господа бога на защиту Москвы“. „Неперелазная стена“ оказалась переходимой у Каширы и Серпухова. Это заставило московское правительство озаботиться укреплением всего Окского „Берега“. Начинает практиковаться выдвигание на „Берег“ особых кордонов: „пушки и пищали ставлены на берегу на вылазех (бродах) от Коломны и до Каширы, и до Сенькина брода, и до Серпухова, и до Калуги, и до Угры, добре много, столько и не бывало“. И среди этих отдельных звеньев „сторожевой Поокской цепи“, за Коломною, прикрывающей прямой подход к Москве со стороны „поля“, долго сохраняется еще первенствующее положение. Несмотря на то, что город был в достаточной мере обеспечен средним и мелким служилым людом для нужд его постоянной крепостной службы, Москва попрежнему шлет в нее в затруднительных случаях свои лучшие силы, свой „передовой“ полк. Так, в 1546 году, когда ожидалось нападение на Москву крымских татар под предводительством Саид-Гирея, под Коломною были собраны Москвою большие силы. Татары, перешедшие было Москву-реку, увидав русские полки, поспешно отступили, оставив свой лагерь военной добычей. В последний раз, в целях устрашения крымцев, была собрана под Коломною громадная рать (до 500.000 чел., как сообщает небеспристрастная летопись) в самом конце XVI века царем Борисом Годуновым. Но это было уже то время, когда политическое могущество московского государства резко пошатнулось: его начали разлагать социально-экономические причины, сложившиеся в общем процессе исторической жизни.

3. Быт города второй половины XVI века. ✓

С именем Коломны может быть связана отчасти и история Казанского похода Грозного, окончившегося присоединением Казани. Грозный выступил (в начале лета 1552 года) с многочисленными силами из Москвы на Казань. Уже в пути он получил от гонцов тревожные вести о приближении крымцев к Туле. Вернувшись с дороги в Коломну, Грозный так удачно сгруппировал свои войска (полк „левой руки“ стоял тогда у Голутвина монастыря), что заставил хана Девлет-Гирея отказаться от мысли напасть на Москву. Отступление хана, уstraшенного маневрами московских войск под Коломной, и дало Грозному возможность свободно продолжать начатый им поход.

Казанская удача Грозного была ознаменована им сооружением в Москве деревянного Покровского собора (храм Василия Блаженного), а в Коломне — каменной церкви во имя „Успения Пресвятыя Богородицы“, находившейся на территории городского, быв. Брусенского монастыря. Предание относит к этому времени и основание самого монастыря, точная дата возникновения и первоначальный характер которого остались не выясненными. Надпись, высеченная на камне, случайно найденном при перестройке в 80-х годах XIX ст. древнего монастырского храма и вделанном у входных дверей монастырской зимней церкви, имеет следующее содержание: „лета 7060 (1552) прославлена бысть сия церковь Успения Пресвятыя Богородицы при благоверном царе великом князе Иване Васильевиче и епископе коломенском Феодосии“. Слово „прославлена“ истолковано известным автором описания монастыря в том смысле, „что церковь уже существовала и в этом (1552) году была только благоуукрашена“. Но, прибавляет сейчас же тот же автор, „какая была сия церковь — т.-е. монастырь ли, приходская ли, кладбищенская ли — положительно нельзя сказать утвердительно“. Так же не выяснен и первоначальный характер монастыря, бывшего позднее девичьим. Найденный в тех же 80-х годах надгробный камень с надписью „Лета 7062 (1554 г.) месяца марта положена дска на могиле схимника Антония на Тимофееве сыне Арсениеве“, позволяет думать, что монастырь мог быть первоначально и мужским. А случаи нахождения в пределах монастырской ограды „не вполне истлевших тел с признаками на них облачений священно-церковно-служительских и мантий монахов“ (передача того же автора), подтверждают это предположение. Но с другой стороны, обилие разбросанных повсюду весьма древних человеческих костей, при условии, что до второй половины XIX ст. в монастырских стенах никого не хоронили, заставляет автора описания склоняться к тому, что спорная церковь была первоначально кладбищенской. Опись конца XVI века тоже не называет Брусенский монастырь девичьим, тогда как подобное обозначение применено ей к соседнему кремлевскому же монастырю — св. жен Мироносиц. Между тем, писец вряд ли обошел бы молчанием определение женского монастыря, менее распространенного по тем временам. Все это позволяет предположить, что Брусенский монастырь, возникший, по всей вероятности на месте кладбища, был первоначально мужским. Название же монастыря „Брусенским“ истолковывают и в смысле „убрусы“ (женский головной платок) и в смысле — „брусья“, т.-е. ограды из деревянных бревен. Последнее вполне отвечает действительности, так как не так искусственно, как первое.

Ко временам Грозного относится и дошедшее до нас описание существовавшего в Коломне царского дворца, расположенного в районе современной нам Воскресенской, что в крепости, церкви, связанной тогда с ним особыми переходами. Этот дворец служил для проживания московских князей, не раз наезжавших сюда в разное время. Приводим, в значительно сокращенном виде, его описание, сделанное в 1578/79 г.г. „Да на государеве ж царе и великого князе дворе хором: чардак на черном подклете одна сажень, пред ним сени на столбех пол семы саж., да от сеней к церкви к Воскресению Христову переходы решочаты обалились, а под ними ворота, затворы дощаты; по обе стороны решетки деревянные; а под Воскресением палатка казенная; а в ней три котла пивных медены, изгорели... А от Воскресения Христова переходы к государевым обалились; столовая брусеная... под ней сени... а пред сенями красное крыльцо, верхи шатровы; чардак дубов на каменной палате 5 саж., а в нем 25 окончин паленых больших ветхи, а перед чардаком красное крыльцо, три верхи шатровы; а от них по переходам в государевы хоромы—тройня брусена с комнатами.. против тройни повалуша.. каменная.. сенцы.. и переход к столчаковой избе и к царицыным и великия княгини хоромам.. От царицыных и царицевых хором переход 15 саж. длиной обалился к бане“. Затем следуют: „баня, поварня, подогрейная, изба поваренная, две поварни ентовые... поварня сытная, ледник, чюланец, теплый погреб... чюлан, сушило... а в сушиле и на погребу государев запас... мука и сухари запечатаны..; изба дьячья, ворота створчатые“... Потом идет „двор государев конюшенной, в длину 35 саж., а поперек 30 саж., на дворе изба конюшенная.. дворниковая.. конюшня 8 стоил., конюшня—13 стоил.,.. 15.. 14, двое ворот створчатые“.. и „двор государев житничной, в длину 32 саж., а поперек 11 саж. около двора замет, двое ворота створчатые, две житницы с запасом, житница, анбар с запасами запечатаны, а сторожа сказали печать Григория Ларивонова, да порожних три житницы, да анбары.. изба, живет в ней сторож Трепка Еремеев“...

Двор „государя московского“ раскинулся широко, занимая в длину 102 метра (48 саж.), а поперек 85 метров (40 саж.) и представляя собой типичную картину хозяйства вотчинного владельца—князя. То, что описание дворца, имевшего в своей связи два каменных здания (палата и повалуша), пестрит выражениями „обалились“ и „ветхи“ и то, что дворец носил в то время явно давно уже нежилой характер, может служить косвенным подтверждением того, что время возникновения его падает ранее, чем на половину XVI века.

В ближайшем соседстве от царского дворца раскинулся громадный двор с жилыми постройками на нем кн. Шуйских; поблизости находилась и „коломенского владыки среди двор палата каменная“. Вообще, дворы в черте собственно „города“ принадлежали боярам, дворянам, „детям боярским“, монастырям и пр.; черных, „тяглых“, т.-е. несших определенную подать, дворов здесь не было.

Среди дворян и детей боярских, имевших в Коломне свои дворы, полученные ими в поместное пользование, в интересах „государевой службы“, были Романовы, Голицыны, Шуйские, Татевы, Шереметьевы, Годуновы и др... Многие (до 15 человек) были татарского происхождения: соображения политического характера требовали вливания в служилое сословие иногo, еще недавно враждебного, иноземного элемента. Весь этот старший служилый люд постоянно в Коломне не жил, наезжая сюда лишь по требованиям

военной опасности, угрожавшей со стороны тревожного „поля“. В обычное время дворы их пустовали и были заселены их „дворниками“, занимавшимися или торгом, или каким-нибудь ремеслом.

Картина Коломенского кремля, его крепостных твердынь, каменных „государевых и владычных“ палат, окруженных деревянными постройками полунатурального феодального хозяйства, многочисленных городских церквей и монастырей, обширного торгового посада, охваченного различными слободками и концами посадскими, являлась прямым сколком с той самой Москвы, верным стражем которой была Коломна.

Описание Коломенского кремля XVI веке. Внутри крепостных стен, в кремле, в XVI веке находились: церкви—1) „Соборная Успенья Пречистые Богородицы, Донская“. Перечень ее образов, их украшений, церковных сосудов, книг и облачений занимает в писцовой книге 1576/78 г.г. (ред. Н. Калачева) восемь страниц убористой печати. Некоторые из украшений поломаны: „изламоны тогда, коли тати церковь пречистую соборную крали“. Среди „святых“ любопытны—„зуб Ивана Предтечи и ребро Стефана Савойта“. К собору относится колокольница, „у Николы чудотворца у Зараского за олтарем“; на ней „колокол благовесной большой, да на Николе чюд. Зараском 5 колоколов, да часы боевые большие с перечасьем, да на часах 2 колокола перебойных, а у часов цка, а на цке круг, а мимогрядущая числа указывают рукою, а часы на взрубе“. (Материал соборной церкви описью не указан); 2) Воскресенья „на дворе государя царя и великого князя—камена“. описание ее ценностей на трех страницах; 3) на государевом же дворе храм верховных апостол Петре и Павле „древян на каменное дело“; 4) „Николы чудотворца Зараского, что под колокола“. Помимо вышеуказанных, внутри „города“ находились еще восемь ружных и приходских церквей. В момент описи они, в большинстве случаев, стояли „без пения“—т.е. службы. Церкви эти были следующие: 1) Ивана Богослова, 2) царя Костентина и матери его Елены, 3) Олексея чудотворца, 4) Воздвиженья честного креста, 5) Петра чудотворца, 6) Ильи пророка, 7) христовой мученицы Поросковей и 8) стратотерьпца Георгия. Они располагались по правую и левую сторону „Большой“ улицы, идущей от Пятницких ворот; монастыри: 1) Девичь монастырь с церковью жен Мироносиц, деревянный, очень ветхий „без кровли“ и запустелый; на монастыре „9 келий, а в них 15 старцов, а питающа по миру“ и 2) „Убрусеные Пречистые Богородицы“ (совр. нам быв. Брусенский). В нем церковь Успенья „камена“ (описание ее утвари на одной странице); „на монастырь всходя, ворота святые, городба, около монастыря замет, а на монастыре трапеза камена почета делать, а не совершена, а под нею хлебня, да поварня. да против трапезы две келий игуменских, да 14 келий, а в них 13 старцов“; дворы: двор государев (о нем выше), двор коломенского владыки. „У ворот келья, перед нею сени, келья владычня брусеная с комнатою.. повалуша.. да келья отхожая.. келья мастерская.. среди двора полата камена, а под нею погреб да хлебня.. ледник.. поварня.. житница.. конюший двор“; дворы церковные, соборные, ружные, приходские—16 дворов; дворы владычных бояр, дьяков, детей боярских и приказных—67 дворов, да 2 пустых, да 2 места дворовых; дворы осадные: бояр, князей, дворян и детей боярских—188 дворов; гостин двор—1 двор. суковничных—8 дворов, монастырских—9 дворов (м-ей Симонова, Чюдова, Троице-Сергиева, Угрешского, Белопесоцкого, Спасского, Голутвина и Бобренева) и др. всего осадных дворов—212; дворы служилые: пушкарские белые (у Ивановских ворот)—14 дворов, розсыльщиков—5 дворов, санных и погребных сторожей—6 дворов и т. д.

личный „владычный“ ремесленный люд, заселявший особую „архиепископскую“ слободку (в сов. „Запрудах“), „монастырские люди“, среди которых числились также нищие („богадельные старцы“, жившие в кельях пустого девичьего монастыря), „черкашине“ (т.-е. малороссияне) и, наконец, лица, состоявшие „за попы“.

Число взрослого населения мужского пола достигало в Коломне до 930 чел. По мнению Н. Чечулина ¹⁾, всего населения, вместе с женщинами и детьми, должно было быть до 3 тысяч человек. Ремесленный люд, в общей своей массе, давал 224 чел., т.-е. более 22% всего числа жителей не считая дворян и детей боярских. Предметы питания изготовлялись 37 чел., одежда и ее принадлежности—53 чел., предметы домашнего обихода—33 чел., остальные занимались просто различным ремеслом. Приведем список различных ремесленников города (сюда не включены лица, имевшие в городе лишь лавки, но жившие в уезде):

Хлебников 4	Подошвенников 3	Серебряных мастеров 6
Мясников 1	Скорняков 3	Иконников 2
Пирожников 3	Шубников 2	Гончаров 2
Масляников 9	Колпачников 2	Плотников (казенных) 30
Калачников 9	Холщевников 1	Каменщиков 1 (+9 казен)
Рыбников 2	Шапошников 2	Извозчиков 6
Поваров 3	Кузнецов (казенных) 7	Скоморохов 9
Луковников 1	Свечников 2	Трушников 1
Крупяников 2	Мыльников 5	Пастухов 1
Квасников 3	Бочарников 2	Звонильников 3
Сапожников 13	Замочников 3	Струнников 2
Кожевников 6	Седельников 1	Рожечников 1
Портных мастеров 15	Гвоздечников 2	Гребенников 1
Овчинников 5	Рогожников 2	и т. д.
Рукавишников 1	Лычников 1	

Весь этот ремесленный люд, живший по отдельным „концам“ города (кузнецы—в районе совр. Кузнецкой ул. гончары—в „Гончарах“ близ совр. церкви Зачатья, каменщики—район совр. Кирбачной ул., Ямские люди—у церкви „Троицы, что в Ямках“ и т. д. (подробнее см. стр. 35), имел общий центр, объединявший его—торговую площадь, „Торг“. Здесь помещался „гостинный“ двор, ряды и большой соляной амбар Аникея Строгонова, имевшего с племянником Максимом еще двор на посаде. На посаде находилась также изба тиунская, судебная, зеленая (пороховые склады), вощечня и откупная баня.

В рядах было 379 лавок, 4 прилавка, амбар, 35 скамей, 9 шалашей и др. помещений. Пустых лавок в момент описи было 33, лавочных мест—139, мест полковых—39, мест скамеечных—1, мест квасничных—2. Часть лавок на торгу принадлежала „гостям“, Никите и Ивану Петровым—(13 л.) и Фунику Сухобокову—(4 л.). У этих „гостей“, торговавших сукном и шелком, да у суконника Семена „Синий зуб“ были два двора и в самом „городе“ (Кремле).

Первое место по числу лавок занимал ряд рогожный (65 л.); далее шли ряды мясной (в двух местах—35 и 24 всего 59), соляной (35), хмелевой (34), щепетинный (30), рыбный, сапожный и ветошный (от 23 до 25), большой (17½), сырейный (17). Были еще ряды хлебный, калачный, овощной, колпачный, пушной, кувшинный, гончарный, седельный, иконный и пр. Предметы питания продавались в 162 лавках. Одежда и материалы для нее—в 67, предметы домашнего обихода—в 144 лавках.

¹⁾ „Города московского государства в XVI в. СПб“. 1889 г.

Шумное оживление царило на торговой площади. Пестрый гул толпы прерывался выкриками бирючей, оповещавших население о новых правительственных распоряжениях, домрами и сопелями скорморохов. Здесь же, поблизости, творился и скорый „тиунский“ суд и расправа.

Тяглое посадское население сдавало в „государеву казну“ оброку на 23 рубля 10 алтын и 2 деньги: „на год со двора по 12 алтын, да пошлин по 2 алтына; а платили тот оброк два срока в году: на рождество Христово, да на Петров день“. Подати поступали частью в Приказ Большой Казны, частью в местную четверть. Приказ Большой Казны собирал деньги на обще-государственные потребности (деньги ямские, пищальные, полоняночные и пр.) и оброк с лавок. В четверть шел оброк за „наместнич и их пошлинных людей доход и за присуд“ и оброк с огородов, садов и дворы вощечников: эти доходы предназначались на расход по местной администрации и суду. Несмотря на то, что в 1578/79 г.г. 92% коренного посадского населения отсутствовало, коломенский торг не производил, как это мы сейчас видали, впечатление пустого: из общего числа различных торговых помещений свыше 600, пустовало—до 200, т.-е. около трети. Поредевшие кадры посадских людей пополнили теперь дворники дворян и детей боярских, монастырские и казенные люди. Вот этот-то люд, кормившийся и до того мелкими ремеслами, овладев опустелыми лавками на посадском торгу, стал его полновластным хозяином. Факт замещения коренного населения посадской общины, чуждым ей пришлым элементом, вполне очевиден.

Группировка посадского населения в Коломне XVI века. На современном нам плане города (стр. 5) указан приблизительный район коломенского посада XVI века и его трех основных слобод—Ямской, Кузнецкой и Гончарной. Расположение остальных поселенных слободок ремесленного и служилого люда указать, даже относительно весьма, трудно. Данные же писцовых книг конца XVI века дают нам ряд следующих группировок:

В самом городе—у Ивановских ворот—жили: пушкарки белые (14 дворов), розсыльщики (5 дворов), сенные и погребные сторожа (6 двор.);

На Посаде—у церкви Никиты (очевидно в районе совр. нам Никитской церкви)—пушкарки белые (5 двор.); у церкви Екатерины (Екатерининская слободка—возможно, что район сов. нам п. Вознесения, имеющей придел святой того же имени)—кузнецы (2 двор.); от с. Бобышева по правую сторону (район совр. ц. Зачатья)—каменщики (9 двор.); за Торгом, в Затиншиковой слободке „со всполья у озера“—кузнецы государевы казенные (8 двор.) и прочие ремесленники (мельники, портные и др.—19 двор.); у Спаса за Торгом—плотники дворцовые (19 двор.) и различные монастырские ремесленники (5 двор.);

В Свищевской слободке—по Плотничей улице, шедшей к „городу“ от церкви Троица на Репне (совр. Троица, что в Ямках)—плотники струговые (10 двор.).

В Михайловской слободке—по берегу речки Коломенки (в районе совр. церкви Михаила Архангела)—розсыльщики (2 двора);

В Ямской слободе—„двор ямской, а на дворе хором: 3 избы, 2 сенника, коношня“ и охотничьи дворы—(73 двора, да пустых 9 дворов, да 26 мест дворовых);

Гонные ямские слободы лежали вверх по Репинскому врагу (оврагу), к бывшему дворцовому селу Окуловскому (с церковью Ивана Предтечи);

У села Окуловского—к Ямской слободе опять охотничьи дворы—(23 двора);

По Москве реке шла Рыболовная деревня, а за ней луга.

Владычный же ремесленный люд был разбросан повсюду: у ц. св. Пятницы—лопатники (грабари—29 двор.), у Троицы на Репне—различные ремесленники—(18 двор.), в с. Бобышеве у Зачатья Анны—(2 двора), у Никитской—(2 двора), в Кудрине—между ц. св. Николы Мокрого и Рождества Христова—(район совр. Христорожественской церкви, к Москве-реке—2 места), за Коломенкой—у Бориса и Глеба—опять лопатники—(3 двора), у Рождества Ивана Предтечи—кузнецы—(2 двора) и т. д. Особое нагнетение владычного люда было в районе совр. Запрудов—„архиерейская слободка“.

В Запрудах был расположен и громадный двор кн. Бельских с жильми постройками на нем (ул. Бельская, теперь имени Буфеева), а в Екатерининской сло-

бодке—двор кн. Володимера Одреевича со всеми его хозяйственными службами и яблоневым садом в 35 корней.

Торг. Направление торговых рядов указать более точно так же затруднительно: большая часть их группировалась в центре совр. торговой площади. В сторону отходили: сырейный ряд—(к Ивановским воротам), сапожный—(у Спасского монастыря), хмелевой—(от Спасского переулка) и мясной ряд—(спускался к Москве-реке). На площади против Пятницких ворот находились—изба таможенная, да изба твунская судебная; у берега Москвы—гостин селяной двор, да „онбар“ селяной Строгоновых; у Москварецкого моста—на берегу—хлейня, баня откупная и вощечня.

2. Участие Коломны в событиях „смутного времени“.

Военное значение Коломны XV—XVI в.в. отразилось и на положении ее сельского населения. Почти все земли коломенского края были розданы Московским правительством в поместное пользование служилым людям. Подобная система раздачи за службу земель особенно часто практиковалась в пограничных областях, где преследовались отчасти и колонизационные цели. Тяглое, но свободное крестьянское население, подпав под власть частных лиц, шло естественным путем к своему закрепощению. Создавшемуся положению благоприятствовала и та перетасовка земельных отношений, сложившихся к XVI веку, которая разделила, по воле Грозного, государство на „опричину и земщину“. В Коломенском крае, находившемся в полосе „опричины“, были налицо все условия закрепощения его крестьянского населения. Последнее так же, как и обездоленное в своей массе коренное население посада, искало неизбежного выхода из тяжелых условий сложившейся действительности.

К концу XVI века московское государство почти во всех своих частях было охвачено известным социальным движением. Почва для вспыхнувшей „Великой Смуты“ была подготовлена не одними только дворцовыми переворотами, последовавшими за прекращением династии Рюриковичей: корни смуты таились глубоко, зародившись в общих социально-экономических условиях русской действительности второй половины XVI века. Особенно затронуты были брожением южные области, непосредственно испытывавшие на себе все последствия военной колонизации. Коломенский край, смежный заокским и близкий украинным городам московского государства, неизбежно был вовлечен в водоворот событий смутного времени. Сама Коломна играла своеобразную, двойную, роль в перипетиях этой затяжной борьбы. Она то поддерживала московское боярство с его тенденциями, то превращалась, ослабленная общей „шатостью и разномыслием“, в укрепленный лагерь противной стороны. Между тем, обладание ею, как пунктом, издавна связанным с рязанской стороной, доставлявшей хлеб и „всяческое довольствие“, было важным для каждой из враждующих сторон. Этим и объясняется желание противников держать Коломну в сфере именно своего влияния.

Первый момент смуты, выразившийся в развитии дворцовых интриг, мало затронул Коломну, стоявшую сначала в стороне от боярских козней. После смерти Бориса Годунова, Коломна, бывшая попрежнему местом скопления военно-административного люда, склонялась к признанию единым законным наследником Названного Дмитрия. На его стороне было не только само население, но и власти. Но вывить свои симпатии Коломна не успела: майские события, разыгравшиеся в Москве в 1606 году, трагически оборвали загадочную жизнь первого „самозванца“ этого „случайного орудия чужих притязаний“.

В активную борьбу Коломна вступила лишь в следующий 1607 год, когда ее захватило социальное брожение, поднявшееся против боярской диктатуры царя Василия Шуйского. Это движение шло в себе различные слои революционного общества. Общественные низы и часть войск погибшего Дмитрия, вместе с калужанами, алексинцами и другими, сгруппировались вокруг „беглого холопа“ Ивана Болотникова. Во главе служилой мелкоты, несшей пешую гарнизонную службу по заокским городам (туляки, каширяне, венебцы) встал Истома Пашков. Руководители отдельных групп уговорились соединиться за Окой для совместного похода на ненавистную боярскую Москву. Болотников с Пашковым шли мимо Калуги и Алексина на Каширу; рязанские дружины кратчайшим путем на Коломну. Не получившая от Москвы своевременной подмоги и разраженная общим настроением, Коломна сдалась рязанцам. Опустошив город, силы Болотникова разбили в своем дальнейшем продвижении, войска Василия Шуйского, шедшие на выручку Коломны, у села Троицкого коломенской земли. Но идея совместного похода на Москву скоро распалась: дворянское ополчение Пр. Ляпунова и мелко-служилое Ист. Пашкова отпали от Ив. Болотникова. Вожди их понесли повинную царю Василию, разобравшись в том, что их желания шли в разрез с Болотниковым, объединившем крестьянские массы против крепостничества. Недавний союзник — Болотников — войсками дворянского и служилого ополчения был отброшен к Туле: революционные силы на некоторое время рассыпались.

Весною 1608 года второй самозванец — „Тушинский вор“ — вновь начал собирать под свои знамена всех недовольных. Ему удалось вскоре, под началом литовского полковника Лисовского, влившего в свои войска „михайловских и пронских мужиков рязанской земли“, овладеть Зарайском. Разбив войска кн. Хованского и Захара Ляпунова, явившиеся на помощь Зарайску, Лисовский быстро двинулся к Коломне. Недостаточно укрепленная людьми, Коломна была взята приступом: в числе пленников были епископ Иосиф и воевода — кн. В. Долгорукий. Но дальнейшее продвижение к Москве 30.000-го войска Лисовского потерпело неудачу. Войска Шуйского, под началом кн. Куракина и воеводы Лыкова, разбили войска Лисовского по Коломенской дороге, у Медвежьего брода. Лисовский, бросив свои обозы и пленных коломенцев, бежал с небольшой кучкой своего войска в Тушинский стан самозванца.

Василий Шуйский отправил на Коломну новые силы воевод Бутурлина и Глебова, вручив им и коломенских пленников. Воеводам был дан строжайший приказ: „крепить засаду и запастись запасом всяких на Коломне“. Для Москвы было особенно важно последнее, так как северные дороги (Дмитровская и Ярославская), снабжавшие Москву продовольствием, были отрезаны Сапегой и Лисовским, осадившими Троице-Сергиеву Лавру. Тушинцы, потерпев неудачу в попытках непосредственного захвата Москвы, задумали теперь взять ее систематической блокадой. Для этой цели им необходимо было вторично занять Коломну, чтобы отрезать от Москвы, и последний хлебный — Рязанский путь. Но склонить на свою сторону Коломну „угрозы“, т.-е. различными приемами вроде подметных грамот, им не удалось. Коломна оставалась верной Москве. Тогда тушинцы двинули на нее с двух сторон свои силы. Однако Коломна, узнав о наступлении части тушинских войск со стороны Каширы, известила Москву об угрожающей ей опасности. Посланная В. Шуйским сильная подмога под началом воевод — кн. Прозоровского и Сукина отбила

тушинцев, шедших во главе с Хмелевским к Коломне. Соединение тушинских отрядов под Коломной не удалось: полная блокада Москвы и на этот раз не осуществилась.

Едва победители прибыли в Москву, как Коломна снова известила о приближении тушинцев, уже со стороны Владимира. Чтобы отогнать от нее вторично эти силы, потребовалась новая подмога с кн. Д. Пожарским во главе. Последний разбил их за 32 км. (30 в.) от Коломны в с. Высоком (совр. г. Егорьевск, быв. Рязанской губ.). Но желание взять Москву „измором“, „чтобы не возможно ни откуда запасам приходиться“, заставило тушинцев еще раз повести осаду Коломны войсками полковника Млоцкого. Взять хорошо защищенную крепость Млоцкому не удалось, но путь на Рязань им был перерезан. В результате этой операции, удачной для тушинцев, в Москве, лишенной подвоза хлеба и других припасов с Оки, „бысть хлебная дороговь великая“. Цена хлеба дошла до 7 руб. за четверть, т. е. стала в три с половиной раза выше обычных цен осадного времени, и в 24 раза выше той указной цены „за четь по 10 алтын“, по которой казна рассчитывала служилым людям денежное жалование за хлеб. Голодная толпа проходила „всем миром“ в кремль к царю Василию и, „шумяху“, начинала „мыслить опять к тушинскому вору“. Но известие о военных успехах лучшего полководца московского правительства кн. Мих. Скопнина-Шуйского заставило тушинцев снять осаду Коломны и отступить к Серпухову. В одной из грамот В. Шуйского говорится (со слов донесения осажденного в Коломне кн. Масальского) о снятии с города осады следующее: „воры, Божьей милостью, 17 июля из под Коломны побежали врознь, а воеводы наши, вышед со всеми людьми из Коломны, напали на оставшиеся их таборы и многих там побили; ныне Коломенская дорога от воров очистилась“. Очищение Коломенского пути повело к тому, что уже в августе (1607 г.) продовольственные цены в Москве сильно пали; „хлеб пошел с Коломны добре много“.

Между тем оппозиционное настроение общественных верхов к царю Василию Шуйскому не переставало расти: многие, бывшие его сторонниками, отошли от него. Среди них был и Прокопий Ляпунов, еще так недавно защищавший царя Василия, возглавлявшего интересы аристократической партии. Все это содействовало тому, что влияние тушинцев заметно усилилось. Его поддерживала еще склонность служилых классов к выдвигаемой на московский престол кандидатуре польского королевича Владислава. Пришел черед поколебаться и Коломне: не помогли на сей раз и „увещевания“ ее владыки Иосафа, пользовавшегося большим уважением населения. Коломенские воеводы—кн. Туренин и кн. В. Долгорукий вынуждены были допустить коломенцев до целования „вору“ креста. Послав в Тушино повинную, коломенцы написали в то же время в Каширу и Зарайск, убеждая и эти города последовать их примеру. Кашира послушалась, Зарайск под влиянием кн. Д. Пожарского, засевшего в стенах его кремля, отказался присягать тушинцам. „Стойкость“ Зарайска действовала, в свою очередь, на „шатость“ Коломны и „град Коломна опять обратишися“. Такова была, в общих чертах роль Коломны во второй период социальной борьбы смутного времени. Значение ее, как важного экономического пункта, не раз сосредоточивало у стен ее силы враждующих сторон.

Коломна принимала также участие в первых попытках восстановления известного государственного порядка, примкнув к монархическим стремлениям Москвы. С именем Коломны связана история

первого земского, „рязанского“, ополчения Пр. Ляпунова, стремившегося на зов патриарха Гермогена в „ополченную“ Москву. 3 марта 1611 года ополчение Пр. Ляпунова прошло через Коломну, подкрепив свои силы ее „нарядом“ (артиллерией) и „Гуляй-городом“. Но поход Ляпунова на Москву окончился неудачей: после убийства его под Москвой казаками, земское ополчение распалось. Власть перешла в руки казаков с Трубецким и Заруцким во главе. Последовал новый, уже последний взрыв социальной борьбы. К моменту „казачьего безначалья“ относится пребывание в Коломне Марины Мнишек—жены всех Лжедмитриев, оставившей по себе в городе богатые воспоминания. Она была перевезена сюда в июле 1611 года, в целях большей безопасности, близким ей Заруцким. Он и его товарищи не теряли надежды возвести на московский престол сына Марины—Ивана („Ивашки“). Между тем силы второго—дворянского-торгового, „земского“, ополчения, формировавшегося в верхнем Поволжье, не переставали крепнуть. Услыхав об успешном продвижении Дм. Пожарского и К. Минина, возглавлявших второе ополчение, Заруцкий, осаждавший Москву, поспешил к Марине в Коломну. Разгромив город, они покинули его и ушли через рязанские земли на понизовья Волги.

В качестве боевого оплота Москвы, Коломна в последний раз выступила уже в ликвидацию запоздалых отражений смутного времени—в 1617 году (об этом ниже). В 1613 же году она приняла участие на февральском земском соборе, утвердившем избрание Михаила Романова. На грамоте этого акта можно видеть подписи „выборных“ коломенцев: „смиранный Иосиф, Коломенский и Коширский...“, с Коломны Богоявления Господня Голутвина монастыря игумен Аврамей, Коломны города в посадских и уездных людей место руку приложил; Коломненин Михаил Юренин, в выборном дворянина Коломны города Ивана Змеева и во всех коломеничь выборных дворян, места руку приложил“. Земское представительство Коломны было выполнено, как и по всей русской земле—представительством высшего духовенства и поместного дворянства.

3. Местные отображения „Коломенского сидения“ тушинцев.

Оглянемся на предания, принадлежащие народному творчеству и связанные с именем Коломны бурной эпохи „Ляхолетья“. О коломенских легендах этой поры обстоятельно рассказывает Н. Иванчин-Писарев в своей „Прогулке по древнему Коломенскому уезду“¹⁾. Почти все они относятся к Марине Мнишек—этой грустной героине, судьба которой после 1611 года так и осталась не вполне выясненной, вызывая самые разноречивые предположения. Один только вопрос о пребывании Марины Мнишек в Коломне породил жестокую полемику. Сущность ее сводится к месту, времени и характеру смерти Марины²⁾. Некоторые, из занимавшихся этим вопросом, утверждают, что Марина имела пребывание в Коломне лишь один раз, именно в 1611 году, когда она в течение нескольких месяцев, в общем менее года, ожидала здесь Заруцкого, действовавшего с казаками под Москвой. Другие же (Н. Иванчин-Писарев, Г. Синоухаев) склонны разделять то мнение, что Марина, прибыв вторично в Коломну в 1614 году, уже в качестве пленницы московского

¹⁾ „Прогулка по древнему Коломенскому уезду М. 1843 г. и „Еще несколько воспоминаний о Коломенском пути и о самом городе“. Москвитянин, 1845 г.

²⁾ См. брошюру И. Линдемана „Маринкина башня в Коломне и вопрос о смерти Марины Мнишек“. М. 1910 г.

правления, пробыла в ней до самой смерти, точная дата и характер которой остались неустановленными. Марина будто бы была тогда заточена в круглую „наугольную“ башню Коломенской крепости, от того и получившей у населения название „Маринкиной“. Г. Синюхаев утверждает на основании личных впечатлений, после произведенных им в 1903 году обследований подземелий вышеуказанной башни, что смерть Марины „с тоски по воле“ произошла именно здесь, года через два—три после ее заточенья ¹⁾. Полемицирующий с Г. Синюхаевым И. Линдемман защищает то положение, что смерть Марины Мнишек, бывшей по его убеждению в Коломне лишь раз в 1611 году, последовала в Москве, между концом июля и августа 1614 года. Вполне обоснованные предположения И. Линдеммана близки к характеру достоверности.

Перейдем теперь к вопросу о месте первого пребывания в Коломне Марины Мнишек. Н. Иванчин-Писарев ищет место первого пребывания Марины в Коломне не в самом городе, а в пригородном селе—Городище и его окрестностях. В этимологии названия села он усматривает воспоминание о тех укреплениях, которые созданы были польско-казацкими бандами. Основанием для высказанного им предположения послужило то, „что в некотором расстоянии от с. Городищ старожилы показывают место, где, будто бы, стоял дом Марины Мнишек“. Но те причины, которые могли бы заставить Марину Мнишек избрать местом своего пребывания не город, а пригородное село, даже его окрестности, совершенно не ясны. Ведь трудно допустить ту мысль, не соответствующую к тому же и исторической действительности, что войска Марины Мнишек, вступая в июле—августе 1611 года в прочную Коломенскую крепость, так ее разгромили, что она сделалась совершенно непригодной к условиям жизни военного времени. Крепость пострадала, как мы это знаем, лишь при отступлении Марины с Заруцким из Коломны, когда был разграблен весь город. Более простым является объяснение возможного существования вания особого дома Марины Мнишек вблизи с. Городище следами ее временного, случайного, там пребывания. Что же касается самой этимологии названия с. „Городище“, которое дает Н. Иванчину Писареву возможность построить целый ряд предположений, то возникновение поселений с этим корнем в названии чаще относится к времени гораздо более раннему, чем начало XVII века.

Остатки каких-то земляных укреплений к северу от Коломны, в сторону от села „Городище“, известных среди населения под названием „Таборы“ и опять-таки связываемых с именем Марины, до сих пор остались невыясненными. Отсутствие правильно поставленных археологических раскопок лишает возможности определить время и характер их происхождения. Предание о располагавшихся здесь становищах татар, производивших отсюда набеги на ближайшие окрестности, не встречает исторических подтверждений. А донесение кн. Масальского В. Шуйскому о снятии тушинцами осады с Коломны (см. выше)—позволяет думать, что название „Таборы“ могло быть применено к этой местности именно с эпохи „Ляхолетия“, как к стану польско-казацких войск при осаде Коломны. В настоящее время „Таборы“ представляют собой довольно значительную площадь, поросшую березовым лесом и окруженную линией земляного окопа, близкого четырехугольнику. Пересекающий площадь ров, переходящий в естественные овраги, в достаточной степени сохранился, насыпь окопа также.

¹⁾ „Башня Марины Мнишек“. Русская Старина, сентябрь 1903 г.

Вернемся к забытой нами героине Смутного времени — „гордой шляхтенке“ Марине. Вспомним еще несколько коломенских преданий, передав их в характерном изложении Н. Иванчина Писарева. „Кудесница XVII ст. — Марина Мнишек, овладев Коломной, ее ограбила и когда была принуждена вместе с Заруцким выступить из нее, то, выломав огромные железные створы из Пятницких ворот, отвезла их с награбленными вещами за 25 верст от Коломны на Урочище Старцевский Брод, близ села Богородского. Там зарыла она свою добычу и, покрыв яму вратными створами, засыпала их землей. Продолжая сказание, словоохотливые старцы утверждают, что многие смельчаки покушались в ночное время отыскивать Маринкин клад, но уходили, объятые ужасом... Недалеко от Коломны существует еще один обширный окол, который слывет „Маринкиным Городком“ — (Таборы?). Народная молва утверждает также, что в Маринкиной башне (историческое название — Коломенская, Наугольная) хранятся несметные сокровища, запрятанные туда Мариной, встретившей там смерть. Красивая башня обвеена и красивыми преданиями, до сих пор еще живущими среди населения.“

Мы должны отметить наивную веру Н. Иванчина-Писарева, издавшего впрочем свою „Прогулку“ еще в 1843 году, во все народные легенды о Марине Мнишек. Это объясняется тем, что автор „Прогулки“ совершенно не учитывал психологию народного творчества, всегда склонного к широкому проявлению в рассказах о событиях, поразивших его сознание. А пребывание в Коломне, хотя бы и самое кратковременное, Марины Мнишек и ее свиты являлось именно таким, исключительным для населения края, событием. Поэтому-то с именем Марины и связано так много легенд среди бывших старожилов Коломны и ее окрестностей. Н. Иванчин-Писарев, записав эти местные легенды, оказал большую услугу последующим поколениям, запечатлев в их памяти уходящее прошлое.

О другом, вполне реальном „герое Ляхолетия“ — кн. Д. Пожарском, некоторое время бывшем даже Коломенским воеводой, сохранились менее поэтичные, но более вещественные воспоминания. В Никитской городской церкви еще недавно хранился крест, принадлежавший, по словам местного причта, кн. Пожарскому. Крест этот был передан в церковь позднейшей владелицей с. Лукерьино (Коломенский уезд), бывшего когда-то, вместе с с. Марчугами, вотчиной кн. Пожарских. В той же Никитской церкви находится Владимирская икона, тоже будто бы принадлежавшая кн. Пожарскому и всегда сопровождавшая его в походах. С именем Пожарского связана народной легендой также и Никольская, что в крепости, церковь. Распространенное среди населения название церкви „Николай Гостинный“ объясняется „гостившей“ в Коломне иконой „Николая Угодника“, перенесенной сюда Пожарским из объятого смутой Зарайска. Название „Гостинный“ производят также и от торговых „гостей“: а именно, „гости“ — купцы, частые посетители Коломны, воздвигли над телами своих товарищей, погибших в одну из коломенских эпидемий моровой язвы, храм во имя св. Николая, почитавшегося покровителем торговой жизни. Это предание было известно еще П. Алеппскому, давшему описание Коломны XVII в. Но, несмотря на безусловно правдоподобный характер последнего, так рано записанного предания, население до сих пор охотнее склоняется к версии, связывающей церковь Николая Гостинного с событиями „Эпохи Великой Смуты“, сыгравшей такую роль в истории города.

VI. Коломна и ее край в XVII веке.

1. Последствия социально-экономической разрухи в коломенском крае и его экономическое возрождение.

Московское государство не скоро окончательно оправилось от погрязений социально-экономического кризиса конца XVI века. Государственная жизнь, несколько наладившаяся в смысле организации власти, долго еще чувствовала на себе всю тяжесть распада хозяйственных и общественных отношений. Последствия смуты, разорившей и опустошившей большую часть земель Московского государства, особенно заметно сказались в районах, непосредственно попавших в сферу военных действий враждующих сторон. Таким районом была и Коломна со всем ее краем.

Кроме того, Коломне пришлось, уже в последний раз в качестве боевого оплота Москвы, принять участие в ликвидации позднейших отражений смуты. Произошло это в 1617 году в эпоху польской интервенции, когда польский королевич Владислав выступил на Москву походом, считая себя, на основании принесенной ему в 1610 г. московским населением присяги, избранным государем Московии. Владислав решился на этот поход, рассчитывая на поддержку, обещанную ему украинским гетманом Конашевич-Сагайдачным, который опасался большего усиления Московского государства. Московские войска, под началом кн. Д. Пожарского и кн. Волконского, двинулись было навстречу Сагайдачному к Серпухову. Но начавшиеся среди московских войск волнения разбили их силу: московские казаки, перейдя Оку, начали громить поокские земли. Воевода Волконский, заместивший заболевшего и отозванного обротно Пожарского, тщетно пытался помешать войскам Сагайдачного („черкасам“) переправиться через Оку у Коломны. Силы Волконского были оттеснены: он вынужден был повернуть и затвориться в стенах Коломенской крепости. Дальнейшее разложение московских войск на почве сословной розни дворян и казаков вызвало уход последних из Коломны. Но Сагайдачный, несмотря на то, что Коломна располагала весьма малым количеством служилого люда, не решался напасть на ее крепостные твердыни. Обходом на с. Броннице (совр. уездный город Бронницы) он, прорвав московскую рать, соединился с войсками Владислава. Но Москве посчастливилось в самое непродолжительное время ликвидировать поход „государя московского“ королевича Владислава.

Коломенский край, пострадавший к тому же от грабежей казаков, покинувших воеводу Волконского, был охвачен новой волной разорения. Весьма показательны следующие сравнительные данные: в 1578 году в Большом Микулинском стану (наиболее крупном и центральном из земель Коломны) число населенных пунктов достигало до 139 при запашке в 4.771 четей¹⁾; в 1627/28 г.г. число насе-

¹⁾ Четь или четверть равнялась, приблизительно, 1/2 десятины в трехполье около 11/2 десятины, в совр. мерах—от 0,5 до 1,6 гект.

ленных пунктов в том же Большом Микульском стану снизилось на 120, а запашка сократилась до 1.134 четей. То, что обработка пашни в 20-х годах XVII в. уменьшилась почти вчетверо, указывает на значительное запустение края, вызванное только что пережитым кризисом.

Перед Московским правительством стояла неотложная задача приведения в порядок всего государственного организма. Внутреннее состояние его было весьма плачевно: финансы были истощены, большая часть земель разорена; платежные суммы тяглого населения значительно понизились; „люди посадские“ обнищали, сельское население окончательно закрепостилось. От былого военного могущества государства оставались одни воспоминания; особенно пострадала за период „Великой Смуты“ цепь пограничных оборонительных укреплений, так называемая „засечная черта“ степной полосы. В достаточной степени разоренному городскому (посадскому) и сельскому (крестьянскому) населению Коломенского края приходилось отдавать свои силы на восстановление этой „засечной“ (южной) черты, представлявшей сложную систему искусственных и природных заграждений¹⁾.

Для набора необходимой рабочей силы в пределах Коломны и ее земель, в целях организации принудительных общественных работ на черте засеки, Московское правительство дало особые полномочия кн. Шаховскому. Оповестив население о сгоне на работу криками „бирючей на торгу“, Шаховский послал для сбора, назначенных с Коломенской земли 1918 человек и 383 лошадей, особый отряд с 20 пушкарями во главе. Но коломенские служилые люди — дворяне и дети боярские, явившись сами к Шаховскому, „деловцев“ (рабочих) и лошадей все-таки не дали. Новое распоряжение, последовавшее из Москвы, предписывало Шаховскому воздействовать на коломенцев „разъяснениями“ грядущей опасности, ожидаемой от возобновивших набеги крымцев. Правительство пыталось внушить населению, „что крымский хан собирается идти на Украину большой войной, и государь, жалея о православных крестьянах, послал ко всем засекам воевод для немедленного возобновления их“. „Увещевания“ подкреплялись мерами сурового воздействия. Непокорных велено было „бить батогами“, а „если будут озорничать“ — „бить кнутами по торгам“, сажая на ночь в тюрьму, „дабы не повадно было так воровати“. В конечном итоге, Шаховскому удалось собрать с Коломенского края до 1.400 человек и лошадей. Но по дороге к Почесской и Верхушской засекам, собранные с таким трудом люди разбежались, во главе с своим „засечным головой“ Григорием Гомзяковым. Тогда Москва приказала, пока беглец не сыщется, взять за него заложников и конфисковать имение: „людей его и крестьян, сколько пригоже, посадить в тюрьму, а поместье и вотчину отписать на государя“. За Гомзякова, не найденного пушкарями, был посажен „его человек — Микишка“.

К середине XVII века Московское государство начинало уже изживать последствия экономической разрухи. Вместе с ним залечивала свои раны и Коломна. Ее экономическое положение улучшалось, торговые сношения возобновлялись. Коломна попрежнему стала главной посредницей в сношениях Москвы с черноземными областями Заочья. Общее значение Коломны в эту пору существенно изменилось: неустанное продвижение Московского госу-

¹⁾ А. Яковлев. „Засечная черта“. М. 1916 г.

дарства в сторону „поля“ и постепенное укрепление за ним далеких южных границ („Украины“), превратило Коломну из форпоста XIV—XVI в.в. в крепость глубокого тыла. Она окончательно перешла на роль гражданского, административно-хозяйственного и культурного центра, управляемого в военно-административном отношении присылаемыми из Москвы воеводами. Высшей же административной инстанцией для Коломны в центре являлась Галицкая четь (нечто в роде областного приказа, ведавшего финансовым управлением и судом приписных к нему городов и земель; впоследствии Галицкая четь была подчинена Посольскому приказу). К началу второй половины XVII века Коломна опять стала большим и богатым торговым городом. Она вновь ожила, обстроилась и расширилась, оправившись после перенесенных ею за переходный период потрясений.

У нас имеется чрезвычайно ценный источник половины XVII века, рисующий общую картину внутренней жизни Московского государства и дающий нам подробное описание отдельных его городов, среди них и Коломны. Это—„Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном—архидиаконом Павлом Алеппским“¹⁾. Свидетельства Алеппского заслуживают доверия, несмотря на значительную долю восторженности и наивности чужестранца, нередко отмечающую их. Описания, данные им, очень обстоятельны, интересны, обнаруживают живой ум, большую наблюдательность и добросовестность в смысле передачи. Описано первое (всего было два) путешествие в Россию патриарха Макария, предпринятое антиохийцами для получения пособия от Московского правительства. Путешествие продолжалось два года—с 1654 по 1656 г., при чем в Коломне патриарх и его свита пробыли шесть месяцев (с августа 1654 г. по февраль 1655 г.), задержанные здесь распространением жестокой моровой язвы.

П. Алеппский уделяет много внимания этой эпидемии, свирепствовавшей в Москве и ее окрестностях на районе до 700 верст. Зараза распространялась беглецами, хлынувшими в начале эпидемии из объятной мором Москвы. Заградительные отряды, раставленные по московским путям особым царским наказом, были совершенно беспомощными в мерах пресечения заразы (например, погружение в воду в целях дезинфекции писем, пересылаемых царю). Моровая язва, проникшая в Коломну, продержалась здесь всю осень 1654 года; лишь наступление зимы повсеместно прекратило эпидемию. Общее число погибших в Коломне достигало, по словам Павла, до 10.000. В подтверждение своих слов Павел ссылается на данные списка жертв эпидемии, учет которых велся коломенским воеводой. Принимая во внимание значительное преувеличение, неизбежное со стороны лица напуганной свиты патриарха, можно все-таки думать, что бедствие было действительно ужасающим по своим размерам.

Несмотря на страшное опустошение, произведенное мором, Алеппский отмечает оживленную внутреннюю торговую деятельность Коломны, возобновившуюся с прекращением распространения заразы. Он подробно останавливается на описании городских базаров, бывавших два раза в неделю—в понедельник и четверг, как и теперь. В эти дни в город стекались жители соседних деревень, приезжавшие сюда с различными сельскохозяйственными продуктами. Торговля велась, главным образом, зерновым хлебом (осенью), рыбой,

¹⁾ Перевод с арабского Г. Муркоса. М. 1897 г., выпуск 2-й о Коломне.

мясом, свиными тушами, битой птицей—гусями, утками, индейками (зимой). Особенное оживление царило перед рождественскими праздниками, во время которых население не резало скота и всякую живность. Торговала Коломна и овощами, щепными изделиями, надгробными камнями, часто изукрашенными резьбой (Коломенский мрамор) и т. п. предметами. Зимой съестные припасы в замороженном виде отправлялись санным путем в Москву. Павла удивляла, между прочим, сила и выносливость коломенских лошадей, проходивших с тяжелой поклажей стоверстное расстояние до Москвы в один день. Так же поразила его и дешевизна коломенской жизни: „мы покупали сани со ста кочнами прекрасной капусты за пять, шесть копеек, не дороже“ и т. п.

Об общем торговом значении Коломны Павел говорит следующее: „она служит пристанью, куда приходят из Москвы суда, идущие в области, называемые Казаня и Астрахания, по другим рекам, кои соединяются с большой рекой Волгой... и впадают в Персидское (Каспийское) море... По нему ездят в страну кизильбашей (персов) и в Грузию. Оттуда приезжает много купцов, под видом послов, которые привозят с собой товары: материи, крашеный шелк, индиго (краска), хлопок, пряности, сафьян, ладан и прочее, а взамен берут соболий мех, рыбий зуб (клыки моржа), отличные сукна и другие товары и редкости московские“. „В этом городе (Коломне),—продолжает Павел далее,—бывает сборище всех купцов. Здесь всегда стоит на берегу несколько судов.., на реке (Москве) есть деревянный мост, подходя к нему; суда снимают свои мачты и проходят под ним“, а „на речке Коломенке несколько мельниц“. Из всего выше сказанного видно, что торговые связи Москвы были после периода Великой Смуты вполне налажены. Коломна попрежнему находилась в сфере перекрестного товарообмена, служила торговым перепутьем в сношениях Москвы и с отдельными русскими областями, и с соседними восточными государствами.

2. Облик города XVII века и быт горожан.

Помимо картины торговой жизни Коломны, Алеппский дает нам описание и внешнего облика всего города. Особенно сильное впечатление произвела на него своим величием и красотой коломенская крепость, показавшаяся ему красивее и могущественнее башен родной Антиохии. Но не будем останавливаться на подробном описании Павлом ее общего облика, уже использованного нами выше. Скажем только, что коломенская крепость вполне оправилась от тех поражений, которые ей были нанесены за период Великой Смуты и ее ликвидации. Достаточно ясно свидетельствует об этом зарисованный в 1636 году другим иностранным путешественником—Олеарием—общий вид ее с Москвы-реки (см. рис. № 1).

О самом городе Павел говорит следующее: „вне крепостной стены домов было больше, чем внутри ее; все дома деревянные и потому, когда случится пожар, которые дежурят по очереди у сигнального колокола на крепостной башне звонят в него, а горожане, заслышав его, днем или ночью, немедленно спешат с топорами тушить огонь.. Все рынки находятся за городом... Каждая улица представлять как бы отдельное место“ (слободки и слободы посадского и ремесленного люда). Обстоятельно описывает Павел и каменные церкви, находящиеся в пределах крепостной стены; с церковью Брусенского монастыря их было 5. Первая-Никольская, в смежности

с ней колокольня высокая, изящная, на четырех ее углах сделаны резные колонны на подобие фонарей; вторая— Воскресенская, третья— опять Никольская и четвертая— „кафедра епископа, весьма величественна и высока и как бы висячая, на нее всходят по высокой лестнице с трех сторон. Она вся из тесанного камня и кругом имеет кайму скульптурной работы. Косяки дверей и окон походят на отшлифованные колонны“. Крыша всех вышеупомянутых церквей напояминает кедровую шишку, или артишок“. Ниже северных дверей соборной церкви стоит колокольня достойная удивления по своей красоте. Она круглая и восьмиугольная, с чудесной резьбой, со многими арками кругом, над которыми возвышаются другие. Ее купол высок. На колокольне висит 12 больших и малых колоколов, коих звон гудит подобно грому. Внутри ее есть железные часы в каморе, отбивающие двумя молоточками по двум малым колоколам часы дня и ночи“ (часы сохранились на совр. соборной колокольне). Пятая каменная церковь— Брусенского монастыря. Общее число деревянных церквей достигало во всем городе (внутри и вне крепостной стены) до 25. Среди улиц был расположен еще один „монастырь (Спасо-Преображенский) с каменной церковью, весьма древний“. По ту сторону реки (Москвы) „напротив города другой великолепный монастырь, весь выбеленный с высокими куполами“ (Бобриневский). В нескольких словах дает Павел описание и двух церквей (одна каменная) с высокой круглой колокольней между ними— Голутвинского монастыря.

Со слов Павла у нас создается вполне реальное и картинное представление о богатстве и самостоятельности коломенской епархии, вызывавшей чувство зависти у антиохийского духовенства, стесненного политически и экономически. Начнем с описания архиерейского дома („дворца“), в верхних („висячих“) покоях которого патриарх и его свита спасались от веяния чумной заразы. Дворец стоял среди сада, изобиловавшего чудесными яблоками, приводившими в восторг Павла, вообще несколько экспансивного. „Дом был очень велик, выстроен из превосходного камня и дерева и обнесен деревянными стенами“. К келиям— зимним и летним— вела „высокая лестница и длинная деревянная галлерея“, с которой открывался прекрасный вид на весь город и его окрестные селения. Зимние покои состояли из многих помещений, хорошо защищенных от холода, заставлявшего страдать гостей— южан и вызывавшего у них изумление перед чудесами русской зимы. При доме была новая, только что отстроенная церковь во имя покрова Богородицы. Таковыми стали к концу XVII века прежние „коломенского владыки средь двор палаты каменны“.

Отмечая общее богатство среднего и даже мелкого духовенства, Павел передает, что в „казнохранилище епископа“ находилось несколько сундуков „полных серебряными и золотыми монетами“. Но „казна“ гонимого правительством за склонность к старообрядчеству коломенского епископа была уже конфискована в пользу государства— „принадлежит теперь царю“. Подобный избыток денежных средств облегчал коломенскому епископу строительную деятельность, так содействующую украшению города (новая домовая церковь и архиерейский дом-дворец); весьма вероятно так же, что наличие „богатой казны“ способствовало и процветанию местных церковных ризниц.

Коломенские епископы, помимо своего специального ведомства (для разбора дел которого у них было особое здание „диван“, как говорит Алеппский, т. е. приказ, канцелярия, где они творили суд и

расправу), имели в пределах земельных угодий, принадлежащих церкви и общую светскую власть. При архиерейском доме „была большая тюрьма с железными цепями и большими колодками для провинившихся крестьян епископа. Виновных („который украдет или убьет“) приводили сюда и наказывали, как передает Павел, „не только ударом, но и смертью, смотря по вине. Воевода не имел власти над ними“. Иногда же управитель епископа ограничивался лишь взиманием штрафа. „Мы слышали, продолжает Павел далее, что к епископству принадлежат 300 войнов-янычар (стрельцов), коих оно имеет для своей охраны и защиты; содержание им идет от его угодий-деревень со многими крестьянами, которыми он владеет“. Епископ распоряжается в воеводстве со властью, недопускающей прекословий“ говорит так же Павел. Но в этом он не совсем прав. Коломенская епархия обладала большими земельными угодьями на равных правах с крупными светскими феодалами. Всей же полноты власти, „не допускающей прекословий“ со стороны воевод, представитель ее все-таки не имел: принцип разграничения светской и духовной власти входил тогда уже в силу.

Могущество и богатство русской церкви производили на Павла чрезвычайно сильное впечатление. Не всегда умея разглядеть действительное положение вещей, он преувеличивал и благополучие церкви, то и дело вставляя в свой рассказ не вполне исторически точные подробности, а когда и просто восклицания восхищения и некоторой зависти. Характерно, например, следующее его замечание: „говорят, коломенская епархия бедна и мала, да поможет ей Бог! а она больше области трех патриархов-антиохийского, александрийского и иерусалимского“. И на самом деле, коломенская епархия была очень обширна и выходила далеко за пределы собственно коломенских земель. В ее владении было больше 11 городов, имевших своих воевод (Серпухов, Кашира, Тула со всей ее областью) и множество (до 1.500) больших и малых селений в современных нам губерниях—Московской, Рязанской, Тульской и Орловской.

Павел Алеппский касается и быта коломенских обывателей, обрисовывая их меткими и иногда забавными штрихами. Его наблюдения во время господствующего мора, описания отношения жителей, вообще изумлявших Павла своей религиозной ретивостью, к духовным лицам и церковным церемониям (молебствие при появлении в городе моровой язвы, водосвятие и т. п.) и др. бытовые черточки обстоятельны и полны жизни. Он не проходит мимо даже таких мелочей, как особая пища, которой коломенцы кормили своих необыкновенно свирепых собак, стороживших торговые помещения и т. д. Картины коломенской жизни, данные Павлом, интересны и в широком масштабе, и в отдельных деталях, подчас очень наивных.

К середине XVII века относится так же один, весьма характерный эпизод коломенской хроники. Расскажем о нем словами автора одного из очерков города. „В 1653 году жители Коломны и духовенство ее, а именно архимандрит Спасского монастыря Иона, соборный протопоп Василий Ефремов, поповский староста Леонтий Матвеев и все попы и диаконы городские и загородные, коломенские стрельцы, пушкарки и городские вратники и посадские люди, староста Пименко Муралов, били челом царю Алексею Михайловичу и жаловались на обиды и притеснения от стоящих в их городе немецких солдат, находившихся под началом майора Це“¹⁾. Эта картинка

1) А. Клеванов „Очерк истории города Коломны“. Моск. Губ. Вед. 1852 №№ 49—52.

недовольства граждан поведением иноземцев, призванных в русскую армию для обучения ее западно-европейскому строю, весьма показательна. С одной стороны, она свидетельствует о той ревливой заботливости, с какой коломенцы охраняли свое мирное существование от достаточно насолившей еще в период „Великой Смуты“ иноземной „дерзости“, а с другой—подтверждает значение Коломны, как крепости глубокого тыла, служащей лишь целям мирного обучения войск. Коломна середины XVII века была большим и оживленным городом, отдавшимся всецело интересам торговой жизни ¹⁾.

---

¹⁾ Третий раздел настоящей (VI) главы — „Коломенские земли XVII века“ — опущен по редакционным условиям полностью.

VII. Торгово-промышленная Коломна (XVIII и XIX ст.).

1. Развитие торгово-промышленной жизни и отражение ее на экономике Коломны XVIII века.

Давние торговые сношения Московского государства, привлекавшие к себе определенные общественные группы, усиливали с течением времени значение средне-торгового класса населения. Укрепляясь экономически, торговые люди постепенно завоевывали себе право участия и в тех сторонах общественной жизни, которые вначале доступны были лишь представителям высших классов населения. По общему руслу протекала жизнь и коломенской торговой общины, издавна состоявшей из ряда отдельных слобод, заселенных различными ремесленниками и собственно людьми посадскими. Переход с середины XVII столетия Коломны на роль крепости глубокого тыла естественно уменьшал численный состав ее служилого населения: город не нуждался более в постоянном пребывании в его крепостных стенах значительной военной силы. Оставалась лишь небольшая часть запасных войск: большинство же местных служилых людей, служивших в коннице, отсутствовало, принимая непосредственное участие в частых внешних войнах того времени. Коломна была всецело предоставлена, таким образом, той мирной деятельности, которую так картинно изобразил в половине XVII века П. Алеппский. Посадские люди вновь становились ее главными и единственными хозяевами: именно им предоставлялось широкое содействие делу расцвета родного города. Развивая свою торгово-промышленную энергию, они принимали посильное участие и в общем культурно-созидательном строительстве города. Вся дальнейшая история Коломны сводится, в сущности, к неустанному возрастанию торгово-промышленной инициативы, со всеми вытекавшими отсюда последствиями. То, что отмечало Коломну еще на заре исторического существования, превратило ее, с течением времени, в крупный торгово-промышленный город двух последних столетий (XVIII и XIX). Поступательное движение русской торговли XVIII века упрочивалось успешным завоеванием новых рынков (первая четверть XVIII ст.). Потребности же военного времени значительно двинули вперед те отрасли промышленности, которые были, так или иначе, с ними связаны. Выгодный сбыт на иностранных рынках начали находить теперь, наравне с сырьем, и многие русские товары: дешевые и прочные сукна, прекрасной выработки юфть, добротные полотна, веревки, канаты и др. Перенесение на близкие торговым государствам Западной Европы берега Балтийского моря политико-административного центра не могло обречь прежнюю столицу Москву на торгово-промышленный застой и умирание. Ее центральное положение среди русских земель, с их привычными к ней путями, сохранило за московским краем возможность дальнейшего нарастания торгово-промышленных завоеваний. Отсюда они расходились по ближайшим городам, издавна связанным с Москвой естественно-возникшими и

жизненно-необходимыми взаимоотношениями. Вновь же созданный „Питербурх“ служил целям оживленного товарообмена с западноевропейскими рынками. К числу городов московской области, двинувшихся в производственном отношении, принадлежала и Коломна. По данным 1782 года ¹⁾ видно, что промышленность Коломны находилась в то время в следующем состоянии: в самом городе было пять фабрик (шелковых—1, „кумашных“, т. е. вырабатывающих кумач—1, полотняных—3) и девяносто пять заводов (солодовенных—12, сальных—37, кожевенных—13, кирпичных—25 и гончарных—8). В уезде было всего две фабрики (суконная—с. Лукерьино и полотняная). Приведенные здесь статистические данные, хотя и весьма общи, но все-таки в достаточной степени показательны для уяснения того промышленного значения, которое начал принимать город еще в середине XVIII века.

Что касается торговли Коломны того времени, то одной из главных ее отраслей был гуртовой торг крупным рогатым скотом. Последний скупался в украинских городах и шел в Москву живым, а далее, через Петербург, в Англию в переработанном виде (солонина, кожи). Торговала Коломна так же салом, получая его от местного убоя и путем массовых закупок в степных городах, рыбой, поступавшей с рыбных ловель понизовья Волги, маслом коровьим и конопляным, овощами, различной бакалеей, сукнами и пр. Такой же важной оставалась, попрежнему, скупка хлеба в соседних черноземных губерниях для своих и московских нужд. Развита была и торговля сеном, стягивавшимся с близ лежащих Окских лугов. Соль же, шедшая из пермского наместничества водным путем (на стругах и „коломенках“), составляла одну из крупных статей государственной монополии.

Достижения торгово-промышленной инициативы не обусловливали, однако, такого же темпа в росте городской общественности. С одной стороны—его ослабляло то, что функции органов городского самоуправления не были согласованы с деятельностью правительственных учреждений чисто административного характера; с другой—он парализовался господством сословных дворянских учреждений, опиравшихся на натуральное хозяйство крепостной помещицкой усадьбы. В Коломне, как городе, имевшем уже с середины XVIII века значительную промышленность, не говоря уже о сыздавна широком развитии торговой жизни, городское общество находилось в относительно благоприятных для него условиях. Коломенским бурмистрам и ратманам (представителям уездной городской думы) приходилось считаться лишь с административной властью в лице городничего, или исправника (главы Нижнего земского суда), сменивших собой былого воеводу с его приказными и земскими чинами. Дворянские сословные учреждения, существовавшие в городе своим обычным порядком, не играли в городской жизни особо важной роли, так как коломенское дворянство XVIII века совсем не жило в городе, мало живя и в уезде. Любопытно численное соотношение городского населения Коломны конца XVIII века: из общего числа ее жителей в 5.803 человек—купечества первых трех гильдий было—736 чел., мещан—958, цеховых—225, „фабричных“, приписных к фабрикам—7, дворовых 112. О других составных элементах городского общества говорится лишь кратко: „а сверх того находится довольно дворян,

¹⁾ „Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами“. М. 1782 г., изд. Гиппиус.

приказнослужителей, церковнослужителей и разночинцев“. Это замечание вскользь весьма показательно говорит о том, что значительный численный перевес был на стороне купеческого и мещанского сословия.

Статистические данные о числе обывательских домов Коломны того же времени еще ярче подтверждают недворянский характер города. Из общего числа обывательских домов в 1.047—дворянских было—17, приказнослужительских—12, церковнослужительских—63, разночинских—148, ямских—175, крестьянских, построенных на ямской земле—26; всего следовательно—441 (из них каменных—6). Одно же число купеческих и мещанских домов достигало—606 (из них каменных—34). Язык цифр в достаточной степени убедительно говорит о характере Коломны XVIII века.

2. Промышленная Коломна XIX столетия.

Начало XIX ст. поставило Коломну в более благоприятные условия, чем другие города той же московской губернии. Бедственный 1812 год, испепеливший Москву и ближайшие к ней местности, счастливо миновал Коломну. Французские войска не заходили даже в ее уезд, не считая случайных разведок, солдаты одной из которых были, по словам народной молвы, утоплены в речке Похрянке местными партизанами. Москвичи, бежавшие от „двенадцати языков“ в глубь страны и на Волгу, могли бы легко найти себе относительно спокойный приют и в Коломне, отстоящей от горящей Москвы всего в ста верстах расстояния.

Не нарушенная непосредственными бедствиями 1812 года, торгово-промышленная жизнь Коломны продолжала идти по пути своего нормального развития, правда, несколько замедленного в силу общих условий всей первой половины XIX ст. Промышленное развитие сравнительно рано начинает завоевывать и самый уезд, знавший до того лишь примитивные формы обычного кустарничества. Ценные, но мало систематизированные данные от 1852 года ¹⁾ дают следующую картину распределения по уезду различных отраслей промышленности:

Шелковое и полшелковое производство (штоф бархат, шелковые кушаки и пр.)—д. Бобренево (предприятия—Бабаевых, возникшие в 1835 г. и ряд мелких, кустарных), с. Подлипки (Бабаевых), с. Протопопово (Левиных), с. Уварово (Шепелева), дер. Соловцево (Савельева);

Шерстяное (армейские сукна, мериносовые шали)—с. Лукерьино (крупное предприятие Мещанинова), с. Мячково (Репина);

Бумагопрядильное—с. Городня (Коротаева);

Бумаготкацкое и набивное (миткаль, холстинка, ситец, кисея, полубархат), с. Мещерино—(крупные предприятия Ермаковых и Артемьева), с. Уварово (Викулова), с. Горы (крупные предприятия Зимина, Саламатникова и ряд мелких), с. Бортниково (Козлова и др.), с. Озеры (крупные предприятия Щербаковых и Моргуновых), с. Большое Алексеевское и др.;

Льноткацкое (выделка скатертей, салфеток, бумажных одеял)—с. Белые Колодези (четыре фабрики государственных имуществ и массовое развитие кустарного ткачества);

¹⁾ „Указатель селений и жителей уездов Московской губернии“ К. Нистрема. М. 1852 г.

Производство фарфоровой посуды—с. Лысцево (предприятие Кудимова и

Канатное, собственно бичевы—с. Городище.

В самом городе развивались производства:

Бумаготкацкое (Зими́на, Коробова);

Пастильное (небольшое заведение Шеришавиных, вырабатывавшее известную „коломенскую пастилу“, существует с 1735 г.);

Мыловаренное (Тагарева);

Кожевенное (Набокова)—выделка подошвенной кожи;

Кирпичное (заводы Мельникова, возник. в 1790 г., Шкярина— в 1785 г. и пр.).

Картину промышленного развития всего уезда в его целом за последние десятилетия первой половины XIX ст. можно установить, по последующим сравнительным данным: число фабрик всего уезда в 1843 году достигало 39 со средним числом рабочих до 4.500 чел.; к 1854 г. число фабрик повысилось до 48, число рабочих—(в среднем)—до 6.500 чел.¹⁾ Таким было общее положение коломенской промышленности перед реформами 60-х годов, внесшими заметное оживление в социально-экономическую жизнь России середины XIX века. Повышению производственных сил много содействовала так же реформа 1861 года, влившая в фабрично-заводскую промышленность избыток рабочих рук обезземеленного, „раскрепощенного“, крестьянства. Не меньшее значение имело улучшение средств сообщения (развитие железнодорожной сети, возникновение пароходства), вызвавшее к жизни и крупно-капиталистическое производство. Так началась вторая половина XIX ст. для торгово-промышленной России, ознаменованная в Коломне зарождением крупной индустрии. На „купецкие“ коломенские фабрики потекли, бывшие крепостные, рабочие руки, недостаток в которых всегда остро ощущался городом. Правда, еще екатерининские льготы разрешили некоторым представителям купеческого сословия (преимущественно купцам 1-ой гильдии) приобретать земельные угодья, приписывая крестьян к фабрикам, в целях обеспечения себя рабочей силой, но подобные случаи встречались сравнительно редко. В коломенском уезде такие имения при фабриках были у купцов Мещаниновых (суконная фабрик с. Лукерьино) и Ермаковых (бумаготкацкая фабрика в с. Мещерино). Дело общего снабжения городской промышленности достаточным количеством рабочих рук было весьма сложным. Большой же наплыв, после 1861 г. на городскую фабрику крестьянской массы, обесценившей и без того нищенскую заработную плату немногочисленного „фабричного“ люда, усилил в то же время и промышленную конкуренцию, поднял качество выпускаемого на рынок товара. Развитие в коломенском уезде местной фабрично-заводской промышленности позволяло малоземельному крестьянству подрабатывать к своему бюджету на близ лежащих фабриках, не порывая в то же время связей с землей, т.-е. не поглощаясь в большом процентном отношении „отхожими промыслами“. Подобное совмещение земледельческой и фабричной деятельности вообще характерно для коломенского уезда и географически лежащего на границе московской промышленной и средне-русской черноземной областей.

В 60-х годах по коломенскому уезду (в северо-восточной его части) протянулась линия Московско-Рязанской железной дороги;

¹⁾ „Атлас промышленности Московской губернии“ Л. Самойлова. М. 1843 г. и „Статистическое обозрение промышленности Московской губернии“ С. Тарасова. М. 1856 г.

Москва-река оживилась пароходным движением: подвоз южного и уральского сырья был в дальнейшем обеспечен. Все условия, содействующие успешному развитию крупно-капиталистического производства, были налицо. И действительно, незначительная чугунолитейная мастерская, организованная инженером А. Струве в 1863 г. специально для постройки железно-дорожного моста через р. Оку, разрослась в самом непродолжительном времени в крупнейший машиностроительный завод обще-государственного значения (Коломенский машиностроительный завод при ст. Голутвино Московско-Рязанской железной дороги и пригородном селе Боброве).

Процессу перехода от кустарного ткачества к крупно-капиталистическому производству в районе с. Озёры (жел.-дор. станция отдельной Озерской ветки), содействовало следующее обстоятельство. В 30-х годах XIX ст. опека над разоренным имением кн. Багратиона разрешила своим крестьянам право выкупа, обязав их вместе с личной свободой откупать известный земельный участок (около 5 гект. или 4¹/₂ десятин). Желавшие могли вносить выкуп (600 р.) и за других односельчан, при чем последние, делаясь свободными, уступали свое право на землю лицу, откупившему их. В числе таких собственников нескольких участков были крестьяне-кустари Моргуновы и Щербаковы, разбогатевшие, по словам озерских крестьян, присвоением мирских сумм, собранных крестьянским обществом на свой откуп. В 60-х годах ручные ткацкие станки предприятий Моргуновых и Щербаковых были заменены самоткацкими; так возникли позднейшие крупные мануфактуры „тов. Вас. Моргунова и бр. Щербаковых“.

Концентрации крупной хлопчато-бумажной промышленности в районе Колыберевской волости—„Садковская мануфактура Ив. Демина“ (близ станции Хорлово, Егорьевской железно-дорожной ветки), и ряд других предприятий (у ст. Воскресенск Московско-Рязанской железной дороги) способствовала густая сеть частновладельческих раздаточных контор, снабжавших на месте предприятия кустарного типа необходимой им основой (раздаточные конторы Кацеповых, Лебедевых и др.).

Общее промышленное развитие Коломенского уезда, по сравнению с 1871 годом, давало в 1883 году ряд следующих данных:

Фабрик, обрабатывающих волокнистые вещества (бумагопрядильно-ткацких, шелковых, суконных, шерсто-прядельно-ткацких, рогожных):
в 1871 году было 56, со средним числом рабочих в 5.000 чел.;
в 1883 г. число фабрик упало до 50, при числе рабочих свыше 7.000 чел.

Фабрик и иных заведений, обрабатывающих неволокнистые вещества (механических заводов, овчинодубильных, кожевенных, свечных, мыловаренных, солодовенных, крупчатых мельниц, пивоваренных, пуговичных, кирпичных и т. п.):

в 1871 году было 39, с числом рабочих до 2.590 чел.;

в 1883 году число таких предприятий равнялось 43, с общим числом рабочих свыше 3.500 чел.

Всего фабрик и прочих заведений было по уезду:

в 1871 году—95, при общем числе рабочих до 7.500 чел.;

в 1883 году, при прежнем числе предприятий (95), число рабочих достигало уже до 10.500 чел.

Таким образом, в 40 лет (с 1843 по 1883 г.г.) число фабричных рабочих более чем удвоилось; приблизительно в таком же (двойном) соотношении возросло и число предприятий.

Начало 80-х годов (1880—1882 г.г.) вычеркнуло из промышленного списка Коломны несколько довольно значительных предприятий, сгоревших и более не восстановленных: клеенчатая мануфактура акционерного общества (город), пуговичная фабрика Ильина (там же) и фарфоровый завод Кудинова (с. Лысково). Несколько позднее открылась в городе, переведенная сюда в 50-х годах из дер. Бобренево, большая шелкоткацкая фабрика купцов Рыбаковых, объявленных несостоятельными должниками. В самом уезде исчезали мелкие предприятия полукустарного типа: бумаготкацкие (салфеточно-одеяльное производство в волостях Горской, Глебовской, Акатьевской; производство бумажных тканей, преимущественно миткаля—волости Кольберевская, Мещерская, Верховлянская) и шелкоткацкие, особенно развитые в 60-х годах (волость Сандыревская, район дер. Бобренево). Им на смену шло обычное кустарное портняжничество, сапожничество, кузнечество, гончарство, разбросанные по всем волостям, рыболовство (вол. Суковская и Мячковская), корзиночный промысел и плетенье лаптей (вол. Акатьевская и Парфентьевская), производство роговых пуговиц и т. п. мелкое кустарничество. В пригородных селениях развивалось огородничество, плодоводство (с. Сандыри, Подлипки, Городище, Бобренево и др.); там же начинало зарождаться и молочное хозяйство повышенного типа, находившее сбыт своим продуктам на московском и местном рынках.

Уже намечившиеся крупно-производственные районы собственно уезда продолжали между тем идти по пути своего неустанного развития (мануфактуры при ст. Озеры и ст. Воскресенск); не менее успешно развивались крупно-капиталистические предприятия самого города и его ближайших окрестностей. Небольшая шелкопрядильная фабрика Бабаевых, переведенная в город в 1856 году (после пожара д. Бобренева), к 1914 году представляла из себя великолепно технически оборудованную фабрику с 2.000 чел. рабочих (фабрика К. Абека, потом Ангилери, на Алексеевской улице). Также успешно развивалось производство грубых сукон военного образца на суконных фабриках—Жучковой С-вья, основанной в 1864 году при с. Лукерьино, и другой фабрики—при с. Северском. Коломенский же (иначе Голутвенский) машиностроительный завод бр. Струве, возникший в 1863 году, за свое пятидесятилетнее существование разросся до грандиозных размеров; число его рабочих и служащих достигло к 1914 г. до 10.000 человек. Залитый электричеством (завод был электрофицирован еще в 1898 году), окруженный правильным строём рабочего поселка с. Боброва, завод жил напряженно, резко обособившись от замиравшей жизни самого города. Именно сюда, в село Боброво, перемещался постепенно центр производственной жизни, оставляя за городом лишь торговое значение. Завод неустанно созидал, правда, еще волей предпринимателя-капиталиста, работа на него по 10 часов в сутки, тот „Город Рабочей Силы“, которому суждено было в 1917 году восторжествовать над завершившей путь своего эволюционного развития, торговой Коломной.

Но город прочных торговых традиций сдался не сразу. Второе десятилетие XX ст. отмечено в истории его торговой жизни вспышкой новой, общественной, инициативы. Подобно тому, как когда-то (в конце XVI века), лавки посадского торгова перешли в руки пришлого люда—„дворников и казенных людей“, так и теперь, чуждый узко-торговым интересам пришлый элемент вбил клин в тело частной торговли местного купечества: в городе зародилась общественная потребительская кооперация. „Первое Коломенское Общество

Потребителей“ влачило, под напором частной торговли, достаточно жалкое существование. Возникший же в эпоху германской войны „Союз Коломенских и Зарайских Кооперативов“ был много счастливее своего предшественника. Условия военно-революционного времени позволили этой кооперативной организации подчинить своему влиянию хозяйственную жизнь коломенского и смежных с ним уездов. Но за крупной частной торговлей Коломны оставалась ее прежняя торговля хлебом (преимущественно зерновым) и лесными материалами, шедшими по сплаву ее речных путей. Частной торговле Коломны был нанесен смертельный удар лишь революцией 1917 года.

С постепенным передвижением жизненного центра к селу Боброву город вступал в новую фазу своего существования: он переходил на роль обычного административно-узлового уездного города. Развитые пути сообщения (железные дороги, пароходство по р.р. Москве и Оке, тракты—Московско-Рязанский, шоссированный земством, Егорьевский и Каширский и 2 шоссе—Протопоповское и Малинское—местного значения)—долго еще помогали Коломне не останавливаться в своем росте, как городу. К 1914 году численность ее населения (к сожалению, данные по городу соединены с с. Бобровым) достигла до 42.000 чел., тогда как в 1852 г. составляла 12.000 чел. Город, занявший площадь свыше 480 гект. (420 десятин), насчитывал теперь в себе до 45 улиц и переулков, с общим числом жилых строений в 2.300 ¹⁾. Довоенная Коломна представляла собой типичный крупный уездный город, в достаточной мере благоустроенный: приличные мостовые, водопровод, телефонное сообщение с Москвой и промышленными центрами уезда и т. п. Главным хозяином города был прежний „гость“, „посадский“ человек, позднее переименованный в „купца“ и „мещанина“. Их руками строилась хозяйственная деятельность Коломны, они же давали тон общественной жизни города двух последних веков (XVIII—XIX).

3. Влияние торгово-промышленного капитала на строительство Коломны и быт горожан.

Период времени с конца XVII по XIX ст. (включительно) отметил Коломну широкой полосой каменного строительства, выходящего уже из пределов чисто церковного зодчества. Но сначала еще богатейшие коломенцы отдавали свою строительную энергию, вместе с избытком денежных средств, делу каменного „храмосозидания“. Возросшие потребности богатого города перестали уже удовлетворять скромные каменные и, страдавшие от частых пожаров, деревянные церковки. Широкому развитию каменного церковного строительства способствовало также улучшение техники строительного дела, достигнутое московскими зодчими половины XVII века. Упрощение приемов каменной кладки удешевило стройку, облегчив тем доступ к каменному строительству и среднему городскому населению.

Коломна, насчитывавшая в середине XVII века шесть каменных городских церквей, значительно увеличила эту цифру к концу того же века. Гибнувшие от времени и пожаров, деревянные церковки города возобновлялись каменными; уже существовавшие каменные перестраивались наново. За два последних десятилетия XVII века в Коломне появились вновь и были перестроены следующие каменные церкви: Спасопреображенская (1685 г.), Зачатьевская (1689 г.),

¹⁾ „Населенные местности Московской губернии“. Изд. Моск. Статистич. Комитета под ред. Б. Пенкина. М. 1913 г.

Никитская (1695 г.), Николо-Посадская и Троицкая, что в Ямках (точные годы не известны). В это же время была построена первоначальная Покровская церковь (перестроенная затем в начале XIX ст.). Старинный каменный Успенский собор, еще так недавно восхищавший собой Павла Алеппского, тоже был обречен на гибель. Он не удовлетворял более потребностям богатого города, представителю его обширной епархии. В 1682 году собор начал перестраиваться; вполне окончен он был лишь через десять лет (к 1692 г.). Тогда же был перестроен и каменный архиерейский дом; строителем этих зданий был коломенский епископ Никита, организовавший нечто вроде „общественных строительных“ работ для населения, пораженного рядом неурожайных лет¹⁾.

Первая треть XVIII века дала Коломне всего одну каменную церковь—Борисоглебскую, что в Запрудах (1716 г.). Двукратное запрещение всякого каменного строительства, произведенное в общероссийском масштабе Петром I в интересах скорейшего застраивания его любимца „Питербурха“, не могло, конечно, не отразиться на строительной деятельности Коломны. Но уже по данным конца XVIII века (календарь Рубана на 1776 год) видно, что в городе насчитывалось „церквей каменных соборных—3, в архиерейском доме—2, приходских церквей каменных—15, деревянных—3“. То, что при общем числе церквей свыше 20, деревянных осталось лишь 3, указывает на те успехи, которые сделало в Коломне каменное церковное строительство к концу XVIII века.

За вторую половину XVIII века в городе возник еще целый ряд каменных церквей: Богословская (1756 г.), Петропавловская—кладбищенская (1773 г.), первоначальный Тихвинский собор (1776 г.), Симеоновская (1793 г.), Вознесенская (1799 г.). В этот период времени была построена также Христо-Рождественская церковь (точный год не известен) и возобновлены церкви архиерейского дома (Новоголутвинский монастырь); тогда же погибла перестроенная заново старинная церковь—Воскресенская, что в крепости.

XIX ст. отмечено в истории церковного строительства Коломны не столько появлением новых каменных церквей (Архангельская—1833 г.), сколько беспощадным перестраиванием прежних (Покровская—1813 г., Крестовоздвиженская—1832 г., Никола Гостинный—1848 г., Крестовоздвиженский храм Брусенского монастыря—1852 г., Тихвинский собор—1861 г. и пр.). Избыток денежных ресурсов торгового города не давал покоя его религиозной ретивости, усиленной к тому же тщеславным соревнованием. Церкви и перестраивались, приобретая бесконечные приделы, и неустанно поновлялись внутри. Так погибла церковная старина.

Начало XX ст. положило предельный конец „храмосозиданию“: в городе прибавилось лишь несколько небольших церквей (вторая церковь при Петропавловской кладбищенской, ознаменовавшая собой воспоминание об одной из холерных эпидемий, перенесенных городом, тюремная и деревянная—Введенская—церковь Старообрядческой общины). Подобное обилие богатых каменных церквей, возникших за период с конца XVII по начало XX ст. и отмеченных, в силу бесконечных перестраиваний, отсутствием строгой архитектурной выдержанности, весьма характерно для Коломны, как центра крупной, хлебной и мясной, торговли.

¹⁾ Никита похоронен среди других девяти иерархов Коломны в её соборе; места их могил отмечены особыми надгробными плитами, характерными для XVI—XVII в.в.

Одновременно с церковным строительством указанного периода развивалась в Коломне и гражданская каменная стройка. Обилие местных кирпичных заводов ее облегчало, частые пожары—усиливали. Грандиозный пожар 1799 года, опустошивший почти весь город, положил начало его новой распланировке, окончательно принявший в екатерининское время тот стройный порядок разлинованных в клетку улиц, который бросается в глаза на современном плане.

В конце XVIII века в городе насчитывалось 40 обывательских каменных домов (из них пять дворянских). Каменными были так же здания правительственных учреждений („дом для присутственных мест, в коем помещены уездный суд, дворянская опека, нижний земский суд, городническое управление, уездное казначейство, городской магистрат, словестный и сиротские суды“), дом духовной консистории и некоторые казенные склады провиантского ведомства (один хлебный, соляной и винный). Другая часть складов, пивоварня и 13 питейных домов, то же принадлежавших казне, оставались еще деревянными. Прежние „диковинные каменные палаты Коломенского владыки“ затмил во второй половине XVIII века прекрасный дом купеческого бурмистра—И. Мещанинова, передавший имя своего владельца всей улице. Перед этим громадным домом, с пышным внутренним убранством, с громадной усадьбой-парком, садовыми павильонами, бледнели и позднейшие дома Коломенских богатеев.

В последних десятилетиях XVIII века по Житной площади (место былого посадского торга) протянулись новые торговые ряды, неоднократно впоследствии подстраивавшиеся. Весь этот район стал сосредоточием складов, лабазов и т. п. торговых каменных помещений. Интересно отметить тот факт, что материал для некоторых из этих складов, а так же и ряда частных зданий города (например, дом бывшего городничего Губерти, хозяйственные постройки Брусенского монастыря и пр.) приобретался, из систематически разрушаемой, крепостной стены. Прочный кирпич крепостных сооружений, уже отслуживших свою службу, вызывал у расчетливых граждан желание использовать его и для своих практических целей. Возник даже особый промысел рытья крепостного кирпича и камня ¹⁾. Красноречивый памятник былой военной мощи города беспощадно разрушался руками самого же населения. Так, (в середине XIX ст.), при праздничном стечении народа, была сронена в Москву-реку одна из красивейших башен (Свиблова, она же Москворецкая), украшенная двойным рядом зубцов. ²⁾ Впрочем, среди местного купечества находились и весьма своеобразные „почитатели древности“. Один из таких ценителей выштукатурил и выбелил „из усердия“ наружную сторону форпоста и части внутреннего фасада Пятницких ворот. Другой же—городской голова—устроил на верху ворот деревянную террасу, окружив ее железными перилами, чтобы не упасть ненароком, любуясь видом ³⁾. Но в 70-х годах практическое настроение одержало победу: городской управой был поднят вопрос о полнейшем срытии, „за ветхостью“, еще уцелевшей стены. Добытый кирпич и бут предполагалось частью употребить на сооружение общественных зданий и

¹⁾ Н. Бочаров „О стене древней Коломенской крепости“. Древности, т. III, вып. 1-й.

²⁾ См.: вид Коломны от 1711 года, икона с изображением Коломенской крепости начала XIX ст., бывшая в ризнице Новоголутвинского монастыря, рис. 80-х г.г. XVIII ст. арх. Казакова, фот. альбом из 12 снимков Аласина 70 г.г. XIX ст.

³⁾ А. Павлинов „Реставрация древней крепости в Коломне“. Древности, т. XIII, вып. 1-й.

замощение городских улиц, частью пустить в частную продажу. К счастью, подобный проект не был осуществлен. Тревожные вести дошли до Москвы и Московское Археологическое Общество возбудило ходатайство о необходимости сохранения этого редкого памятника крепостного строительства, встретившее поддержку и у лучших „отцов“ города. К лету 1886 г. были отпущены известные суммы и произведена реставрация отдельных башен и части стены ¹⁾.

Для распространения обывательской стройки города характерно постепенное продвижение каменных зданий от центральной торговой части (Большая и Спасская улицы бывлой „Купецкой“ слободы) к району, развивающейся позднее, промышленной жизни (Алексеевская и смежные с ней улицы). Это явление легко можно установить по общему архитектурному типу строений центральной и, прилегающих к ней, других частей города. То, что обывательская стройка Коломны находилась всецело в руках торгово-промышленного класса, совершенно определенно следует из статистических данных населенности Коломны, хотя бы от 1894 года. Данные эти следующие: на общее число жителей в 32.100 чел., дворян приходилось 132 чел., лиц духовного звания—54, почетных граждан и купцов—4.118, мещан—22.873, крестьян—4.489, военных—390, прочих—45. Купцы и мещане составляли, следовательно, в конце XIX ст. 84% всего населения, а дворяне менее $1\frac{1}{2}\%$.

Дворянская стройка была редкой и в уезде, даже в конце XVIII века, столь характерного вообще для усадебного строительства. Барские усадьбы крупных размеров, „подмосковного“ типа были у гр. Шереметьевых (дом-дворец любимого фельдмаршала Петра I гр. Б. П. Шереметьева, перешедший затем купцу Ермакову и сгоревший в середине XIX ст.—с. Мещерино), кн. Черкасских (богатая усадьба с конским заводом при ней, тоже не дожившая до второй половины XIX ст.—с. Черкизово) и статс-секретаря Грибовского (усадьба с. Щурова, сгоревшая в послереволюционное время). К первым десятилетиям XIX ст. относится типичная усадьба графов Головкиных с. Северского, купленная впоследствии московскими купцами Найденовыми. Этим, кажется, и исчерпывается все, не считая, конечно, скромных рядовых усадеб среднего и мелкопоместного дворянства.

На дела общегородского благоустройства коломенское купечество, не жалевшее средств на украшение своих домов и „божьих храмов“, было не слишком щедро. Оно предпочитало ограничиваться обычной благотворительной деятельностью, вроде устройства богаделен (бывшая Резцовская с попечителем Ермаковым—Запруды, Шанинская и др.), реже—детских приютов (Шанинский). Существовала и такая форма благотворительности, как снабжение приданым бедных невест купеческого и мещанского звания: с этой целью купцами Шевлягиными был пожертвован особый капитал, проценты с которого распределялись по назначению городской управой. Вообще, пожертвования в распоряжение местного городского общества значительных денежных сумм, предназначенных на поддержку различных благотворительных начинаний, вроде только что указанных, так же, как и передача для таких же целей зданий, было сравнительно нередким явлением (например: Ротины, оставившие городу большие капиталы и дом, Тупицына, отдавшая свой дом под нужды городского женского училища). Значительно реже встречались случаи спе-

¹⁾ Н. Д. „Коломенский Кремль и предполагаемая его реставрация“. М. 1884 г.

циального создания на частные средства больниц, или особых учебных заведений. Так, учредителями городского общественного банка—купцами Кисловым и Шераповым—были даны в 1845 г. средства на постройку большого здания городской больницы, до революции носившей их имя (Репинская ул.). При денежном содействии купца Шанина возникло в 80-х годах и местное ремесленное училище (Запруды). Совсем исключительным для города событием было сооружение в 1903 году городского водопровода скотопромышленной миллионершей Шевлягиной. Жертвовательницу удалось склонить на это новшество лишь перспективой частого повторения холеры, не раз посещавшей город (эпидемии 1842 г. и ряда позднейших лет). Создание водопровода, с рядом водоразборных кранов, рассеянных по всему городу, и проведением воды в дома более состоятельных обывателей, было действительно большой общественной заслугой. До того город пользовался исключительно речной, загрязненной водой (характерно название одного из переулков к Москве-реке—Водовозным). Но создать городу необходимую ему канализацию купечество так и не собралось. Даже электрическое освещение всего города, а не отдельных его зданий (например, фабрики Ангилери, имевшей свою динамо-машину), было предпринято уже Советской властью в 1920 году.

Слишком долго жившее исключительно торговыми интересами, коломенское купечество замкнулось, ушло в себя. Последнему не мало содействовало, укоренившееся со второй половины XIX ст., подразделение его на купечество, собственно торговое—городское и оптовое—землевладельческое. Кадры землевладельческого купечества, обладавшего громадными хуторами в черноземных губерниях и издавна промышленявшего хлебным и гуртовым торгом, составляли по большей части представители старообрядчества, еще более замкнутые в своей среде. Интересно отметить то обстоятельство, что начин в организации крупно капиталистических предприятий последних десятилетий принадлежал исключительно постороннему Коломне элементу. Механический завод бр. Струве, шелко-крутильная, прекрасно оборудованная, фабрика Ангилери, к 1914 г. имевшая до 2000 рабочих (до того К. Абека—быв. Алексеевская ул.), паровая вальцовая мельница с двигателем в 120 сил, основанная в 1908 г. Московским Акционерным Обществом (у городского вокзала), завод сельско-хозяйственных орудий Липгарда, возникший перед Европейской войной 14 года (с. Бочманово) и завод Цементного Товарищества (ст. Москворецкая)—все это не было делом чисто местной инициативы. Коломенское купечество не могло дать широкого размаха в области крупной индустрии, вполне отрешиться от обогатившей его хлебной и гуртовой торговли, утратившей с развитием железнодорожной сети свое прежнее значение. Потому-то Коломна, несмотря на свое вполне благоприятное положение в смысле развитых путей сообщения, не стала крупно-производственным центром, на подобие новых городов Московской губернии—Богородска, Орехова-Зуева и др. Исторический путь, пройденный городом Коломной, сообщивший ему громадный торговый навык, к организации крупно-производственных предприятий позволял перейти лишь путем вливания нового вина в старые меха.

Так же кооперативное движение, очагом которого был тот же Коломенский завод, привлекло к себе, или определенные рабочие слои († А. Н. Трофимов), или интеллигентские, пришлые, массы († агроном К. В. Климов, † земец В. В. Шокарев, врач Б. А. Брушлинский, общественный работник И. С. Цонев и др.). И такое культурное на-

чинание, как создание в 1899 году, значительной для уездного города, библиотеки (свыше 10.000 томов), имени местного уроженца писателя И. И. Лажечникова, прошло с участием пришлого интеллигентского элемента (санитарные врачи Хабаров и Рогачев). Общественные деятели из среды исконного местного купечества были редким явлением: таким исключением может служить, например, одна из ветвей фамилии Шевлягиных, давшая городу и уезду ряд энергичных общественных работников.

Обеспеченная, сытая, жизнь, подчиненная вкоренившимся традициям, часто старообрядческого уклада, или замыкала жизненный интерес в узко-семейные рамки, или иногда, значительно реже, вызывала потребность широкого разгула (характерный пример „последыша“ богатой купеческой семьи Озеровых). Типичную картину жизни коломенского купечества и мелкого чиновничества конца XVIII века дает в своих бытовых романах писатель И. И. Лажечников (автор первого русского исторического романа—„Ледяной дом“). Уроженец местной купеческой же семьи, одной из немногих отмеченных „духом стремления к свету просвещения“, И. Лажечников хорошо знал быт родного города. Этот быт и нашел свое правдивое отражение в его романах и рассказах, несколько даже автобиографического характера ¹⁾. Но семьи, в роде семей Лажечниковых (по роману Пшеницыных), или Мещаниновых, (обе давно вымершие), были ярким пятном на сером фоне коломенской обыденности. На последних Мещаниновых город смотрел даже не очень одобрительно, считая любителя книги И. И. Мещанинова большим чудачком. Его же хлопотливая сестрица, державшая в руках весь дом, поставленный на „барский“ лад, вызывала нарекания со стороны городничего за свой, „непригожий недворянке“, парадный выезд цугом в собор к обедне.

Характерные штрихи обывательского быта предреформенной Коломны (главным образом, белого духовенства), дает в своих воспоминаниях Н. Гиляров-Платонов ²⁾. Жизни собственно мещанской части населения города 70-х г.г. посвящены первые главы книги И. Слонова ³⁾. Здесь очень живо описана встреча коломенцами первого поезда, торжественно миновавшего город, так как первоначальный вокзал (ст. „Старая Коломна“)—лежал далеко за пределами городской черты. В этом повинны были „отцы города“, боявшиеся प्रदेशить участок земли, необходимый для вокзальных построек Железнодорожной Компании. Лишь случаи частых нападений и грабежей на дальней дороге с вокзала заставили коломенцев одуматься и выстроить новый вокзал, уже в пределах городской черты (совр. ст. „Коломна“). Этим, кажется, не считая еще рассказов Б. Пильняка ⁴⁾ и эпизодического упоминания Коломны у А. Кремлева ⁵⁾, и исчерпывается литературно-мемуарное отображение быта города двух последних столетий. Данное И. Лажечниковым описание жизни купечества и чиновничества Коломны еще конца XVIII века, во многом осталось неизменным до самой военно-революционной эпохи 1914—1918 г.г.

Героический 1905 год, бросивший все живые силы города на завод, не мог, конечно, встретить в коломенском купечестве сочув-

1) „Немного лет назад“, „Беленькие, черненькие и серенькие“, „В старом доме“ „Замечательные городские личности“, „Дочь соляного пристава“ и др.

2) „Из пережитого“. М. 1886 г.

3) „Торгово-промышленная Москва“. М. 1910 г.

4) „Город Колымень“ и др.

5) „Истории парикмахерской куклы“. М. II год Республики.

ствия: в лучшем случае— оно еще глубже запряталось за тяжелой оградой своего двора. Опять-таки на заводе раздалась новая слова и там же полилась кровь рабочих, восставших против царизма. Ст. „Голутвино“ была под самыми жестокими ударами семеновцев, промчавшихся карательной экспедицией и по Московско-Рязанской железной дороге. Именно здесь были массовые расстрелы заводских рабочих, железнодорожных служащих и молодых сил городской интеллигенции, примкнувших к восставшим¹⁾.

Черные годы реакции, сменившей собой жестоко сломленную революционную вспышку 1905 г., вполне отвечали общему настроению разобщенного коломенского общества. В городе не имелось даже хорошей клубной залы, не говоря уже об отдельном театре с постоянной труппой (такой театр с частыми гастролями московских сил был лишь на заводе). Начинания, вроде постоянной организации лекций, концертов и т. п., совсем не прививались. Две библиотеки (имени И. И. Лажечникова, с читальней имени А. С. Пушкина при ней, и земская), обслуживали преимущественно интеллигентскую часть населения, ездившую к тому же за „духовной пищей“ в близкую Москву: удобство железнодорожного движения позволяло ездить туда „обыденкой“, возвращаясь с „ночным“. Мало развита была и клубная жизнь, несмотря на довольно большое число различных клубов (Коммерческий, Общественный и др.). Всякие общественные начинания сводились, обычно, к постоянному сотрудничеству пяти—шести определенных лиц. На подобную общественную инертность, разобщенность, сильное влияние имело, помимо местных традиций, и постоянное пребывание в Коломне жандармского офицера, не упускавшего из поля своего наблюдения „крамольный“ Голутвинский завод. Даже самое невинное „культурничество“, и в городе, и в деревне, встречало препятствия со стороны злобствующего сыска.

Мещанское же население города всецело жило интересами базара, дававшего не малую прибыль молочницам, ягодникам и огородникам городских окраин и окрестностей. Развлечением служили частые крестные ходы, да хождения по многочисленным часовням города, известным своими „чудодейственными“ свойствами: к Параскеве Пятнице (часовня у Пятницких ворот) ходили избавляться от зубной боли, в часовню Ивана-воина (Поповская улица) шли жаждущие „утишения“ сердца и исправления денежных дел, а к страстной Божией Матери (вторая часовня на Поповской улице) приходили с молитвой об „исцелении младенца“ и т. д. Местные народные развлечения, вроде зимних кулачных боев на Москве-реке, или весеннего гулянья „под Троицу“, в „Таборы“, возникшего, очевидно, с эпохи „Великой Смуты“, процветавшие в XVIII ст., забывались, изживаясь с течением времени. На смену им не шло ничего: даже „голубятничество“, так любимое Москвой, было в Коломне редким явлением.

Общий серый фон городской жизни, не нарушаемой в последнее время даже сильными пожарами, отмечен и в местной хронике „Коломенского летописца“, все чаще и чаще повторяющего: „а после сего в городе ничего особо достопримечательного не случилось“. Характерно для него и городское кладбище, с нудным, скучным шаблоном его крестов и памятников (Петропавловское кладбище

¹⁾ Владимирова „Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка“ М. 1906 г.

у Рязанской заставы). Горожане сами сознавали, если не серость, то скучную „греховность“ своего города. Любопытно, как штрих к местной характеристике городского быта, народное предание о чорте Мотасе, передаваемое Н. Гиляровым-Платоновым¹⁾. Чорт этот—Мотас, болтавший от скуки ногами на крепостной башне над Москвой-рекой, так и прозванной „Мотасовою“, вынужден был послать Бобреновского чорта, летевшего к нему для совместного искушения граждан, к монахам Голутвинского монастыря. В городе чертям делать было нечего: коломенцы были настолько „искушены“, что годились в учителя к самому Мотасу. Но царствовать, как прежде, город личных интересов, базара и крестных ходов, уже не мог. Сознание общественности, как бы мала она ни была, но начавшей осознавать себя с эпохи 60-х годов, постепенно его разъедало. И этой, „общественной“, Коломне, с ее земской работой в уезде— в деле народного образования, медицины, агрономии и дорожного строительства, так же, как процессу экономического развития коломенского края в целом, необходимо особое исследование, уже не в форме „общего очерка путей исторического развития города“.

В заключение скажем несколько слов о той роли, которую играло в XVIII веке высшее духовенство Коломны, бывшей, как известно, самостоятельной епархией еще с XIV века. Коломенские епископы, помимо подведомственных и имущественных забот, имели некоторое влияние и на дело народного образования, обусловленное, впрочем, известным принуждением центра. Еще в 1723 году в Коломне (согласно регламенту 1721 года), было положено основание учреждения духовной семинарии, окончательно сконструированной епископом Киприаном в 1739 году. Первым учителем этой академии был Лукиан Спасович, преподававший латинский язык. Ему в помощь были выписаны ученики Киевской семинарии, окончившие „риторику“ — (средний класс семинарского преподавания), дальше которой учение в коломенской семинарии пока не шло. В 70-х годах XVIII ст. иеромонах Арсений Тодоровский начал преподавание „философии“ (первый старший класс), а затем было введено и „богословие“, преподавателем которого был ректор семинарии и архимандрит Голутвинского монастыря Иоканф Карпинский²⁾. Преподавание „свободных наук и философии“ в коломенской семинарии, весьма строгой по своему режиму, было поставлено в духе обычной узкой церковной дисциплины и схоластики. Учениками ее были дети местного белого духовенства. Лучшие из учеников посылались иногда в московскую семинарию, при чем коломенский епископ половины XVIII века (Гавриил Кременецкий) обязывал их, по окончании московского курса, учить в родной семинарии. Среди питомцев коломенской семинарии следует отметить известного московского митрополита 40-х годов — Филарета Дроздова и публициста 70-х годов—Н. Гилярова-Платонова.

Но не следует думать, что дело просвещения в Коломне конца XVIII века было исключительно духовным. В ней существовало еще светское народное училище, в „кчем, говоря словами современного описания города, обучалось разного состояния юношество начаткам российского языка, и писать, рисовать, арифметике и православному исповедыванию христианского закона“. 60-ые годы XIX ст. застали

1) См. „Из пережитого“.

2) А. Щекатов „Словарь географической Российской Империи“, часть 3-я. М. 1804 г.

в городе пять училищ: два уездных (министерства народного просвещения и духовного ведомства), два приходских (мужское и женское) и одно частное с правами прогимназий; сельских же училищ было 13 (10 мужских и 3 женских)—все в селах государственных крестьян ¹⁾. Вышеупомянутое городское уездное духовное училище и было первым учебным заведением Коломны—ее Духовной Семинарией.

---

¹⁾ „Народное образование“. Сборник статистических сведений по Московской губернии, т. IX. М. 1884 г.

VIII. „Город Рабочей Силы“.

I. Коломенский Машиностроительный Завод.

К торгово-промышленной Коломне частного капитала и ее жизненному укладу, сложившемуся в течение ряда столетий, приближался роковой конец. Но перед этим, неожиданным для нее взрывом, завершившим собой империалистическую войну 1914 года, Коломенская индустрия пережила значительный подъем, получив новое направление в своем развитии. Империалистическая война оказала большое влияние на коломенскую крупно-капиталистическую промышленность: крупно-капиталистические предприятия уезда были мобилизованы для нужд обороны. Суконная фабрика Жучковой С-вья (с. Лукерьино), текстильные фабрики Щербаковых и Моргуновых (с. Озёры), Акционерная Компания Воскресенской Мануфактуры (ст. Воскресенск), вырабатывали в огромном количестве ткани, необходимые для нужд армии; Коломенский Машиностроительный Завод выполнял лишь грандиозные заказы военного времени; только что возникший завод сельско-хозяйственных машин Липгардта (с. Бочманово) был расширен и переоборудован на снарядный. Такие же крупные снарядные мастерские были организованы в имении гр. Шереметьева (с. Черкизово), куда проведена была специальная железнодорожная ветка (от ст. Москворецкая, Рязанской ж. д.).

Общее же течение обывательской жизни города в первые годы империалистической войны протекало почти обычным темпом: его ударил лишь продовольственный кризис, заострившийся с дальнейшим ходом военных событий. Патриархальное благоденствие тихих улочек было ошеломлено непривычным исчезновением на рынке предметов первой необходимости. Так, „в хвостах“, докатилась торгово-промышленная Коломна частного капитала до революции 1917 года. Великим Октябрем „город купца и мещанина“ был убит окончательно: центр жизни передвинулся с территории города на юг, к устью реки Москвы и Оки, в Коломенский Машиностроительный завод (ст. Голутвино, Рязанской ж. д.). В истории Коломны открылся новый этап: на первый план был выдвинут „Город Рабочей Силы“—Коломзавод и его рабочий поселок (при быв. с. Боброве).

Коломенский (теперь Государственный) машиностроительный завод был основан в 1863 году и имеет большое и славное прошлое. Причиной возникновения завода было проложение Рязанского железнодорожного пути и переход его через р. Оку. Здесь при построении моста возникли небольшие мастерские для целей обслуживания постройки. По окончании постройки моста мастерские были превращены в небольшой завод с 2-мя цехами: мостостроения и вагоностроения. Основателем завода был инженер А. Е. Струве. Рост завода, по создавшейся промышленной конъюнктуре 60-х годов, пошел буйным темпом. В 1866 году завод переименован в „Завод Братьев Струве“, а к 1872 году он преобразовывается в „Акционерное Общество Коломенского Машиностроительного Завода“. Начиная с 1865 г.

и по 1926 год, идет его неуклонное расширение, открываются все новые и новые производственные цеха. Сейчас в нем всего насчитывается 25 цехов: завод занимает одно из первых мест среди других заводов СССР.

Коломзавод в своей основе не имел той рациональной организации, какую имели другие заводы, строившиеся по твердым целевым заданиям (например, Бочмановский). Но постоянно производившееся на Коломенском заводе дооборудование и пополнение техническими средствами за весь долгий срок жизни завода в конце-концов создало его мощь.

Вот историческая канва жизни завода:

1865 г.—открытие паровозостроительного цеха

1869 г.—выпуск первого паровоза

1872 г.—начало строительства пассажирских вагонов

1878 г.—начало судостроения

1881 г.—выпуск первых буксирных пароходов

1882 г.—начало построения локомотивей

1883 г.—начало выпуска земледельческих машин

1886 г.—начало постройки землечерпалок

1887 г.—выпуск 1000-го паровоза

1893 г.—открытие сталелитейной с 1-ой Мартеновской печью

1897 г.—выпуск 2000-го паровоза

1903 г.—выпуск 3000-го паровоза

1904 г.—вышел первый „Дизель“

1907/8 г.г.—первый тепловоз

1910 г.—выпуск 4000-го паровоза

1916 г.—выпуск 5000-го паровоза

1918 г. 30/XI—объявление Коломзавода собственностью РСФСР.

За сорок лет своего существования, к юбилейному 1903 году выпуска 3000 паровоза, деятельность Коломенского завода дошла до следующих размеров. Он был в состоянии выпускать ежегодно до 240 вполне оборудованных паровозов, по 150 пассажирских и 1800 товарных вагонов, до 200 вагонов цистерн, по 8 больших речных пароходов, землечерпательниц или ледоколов и свыше 4800 тонн (до 300.000 пуд.) металлческих мостов, стропил, баков и т. п. сооружений, не считая постройки локомотивей, торфяных прессов, станков, паровых водоподъемных машин и пр. Акционерный капитал его достигал тогда до 6¹/₂ миллионов рублей, годовая производительность—свыше 11¹/₂ мил. р. Среди заказов, выполненных заводом за его сорокалетнее существование, следует отметить постройку нового 10-ти пролетного железнодорожного моста через р. Оку, взамен первоначального, послужившего причиной возникновения завода (1882—84 г.г.); выпуск ряда крупных речных пароходов; громадных водоподъемных машин для Рублевской станции Московского Московско-рецкого водопровода и т. д.

Завод, занявший к 1903 году площадь в 60 гект. (55 десятин), с общим числом рабочих и служащих до 8000 человек, распался тогда на два основных и два вспомогательных отдела:

1) Технический отдел со секретариатом, ведущим переписку технического свойства; калькуляционным отделом, определяющим стоимость исполнения заказов; рядом чертежных по специальности бюро (паровозное, вагонное, мостовое и общего машино-строения); строительным отделом, ведавшим сооружением новых и ремонт старых заводских зданий и путей; экспедицией, производившей отправку всех изделий завода; магазинов собственных изделий и,

наконец, мастерских отделов—(паровозного, вагонного, мостового, пароходного, общего машино-строения, электрического, паровых машин и котлов, сталелитейного и чугунно-медно-литейного).

2) Коммерческий отдел, с бухгалтерией всего предприятия: расчетным отделом, ведущим отчетность рабочей силы; материальным магазином, удовлетворяющим требования мастерских на различный материал; лесным двором с лесопилкой и отделом, ведавшим разработку торфяных угодий.

3) Хозяйственный отдел, сосредоточивший в своих руках наблюдение за внешним и внутренним благоустройством заводского хозяйства, его пожарным депо, конным двором и пр. и

4) Санитарный отдел, ведавший дело санитарного надзора.

Острый вопрос снабжения завода необходимыми материалами и сырьем сильно беспокоил заводоуправление, во главе которого стояли, в последовательной смене, братья А. и Г. Струве, Л. Лессин и Н. Антошин. Завод получал вначале почти все материалы—железо, чугун, сталь, медь и пр.—из-за границы; после правительственных требований об употреблении материалов не иностранного происхождения, он вынужден был искать их в России. Первоначальная попытка эксплуатации купленных заводоуправлением Кулебакских поокских заводов не вывела коломенский завод из создавшихся затруднений с получением материалов. Тогда центр внимания был перенесен на Уральскую руду Сосьвенского завода. Но и здесь дело не пошло за большой отдаленностью завода. Заводоуправление вынуждено было вновь обратиться к Кулебакам, наладив там добычу сырья более интенсивным способом. Поиски топлива заставляли принимать также участие в исследованиях залежей, в целях разработки каменного угля и торфа Московского бассейна; но жил завод сплавным лесом системы р.р. Волги, Оки и железнодорожным подвозом лесотоплива из далеких губерний—Вологодской и др.

Такой размах производственной работы завода был обусловлен большим накоплением рабочей силы, которая продолжала неуклонно расти, увеличивая тем его производительность. Вот данные движения рабочей силы на Коломзаводе за время после его юбилейного сорокалетия:

1903 г.	8.193 раб.	1917 г.	12.838 раб.
1909 „	9.417 „	1918 „	11.657 „
1911 „	5.145 „	1919 „	7.335 „
1912 „	3.473 „	1920 „	4.938 „
1913 „	4.838 „	1921 „	6.217 „
1914 „	10.547 „	1923 „	6.944 „
1915 „	11.547 „	1926 „	9.953 „

Насколько оборудован завод—может быть показателем % несчастных случаев по сравнению с однородными заводами, так:

Коломенский—с 7.335 раб. имеет 110 несчастных случаев—0,89%,
Сормовский —с 11.449 „ „ 168 „ „ —1,36%,
Брянский —с 9.031 „ „ 282 „ „ —2,61%.

Для усиления мощи завода в 1926/27 г.г. предполагено новое дооборудование некоторых цехов и большое расширение постройки новых.

Сейчас в Паровозном отделе насчитывается 32 промышленных котла, с общей поверхностью нагрева в 3.360 кв. метров, при рабочем давлении в 5 атмосфер без экономайзера. Типы котлов разны: батарейные, паровые, локомобильные („Ветлин“, „Бротан“ и др.).

Электроотдел имеет 4 турбогенератора, общей мощностью в 6.300 киловатт.

Металлургический отдел объединяет цеха: сталелитейный, чугунолитейный, меднолитейный и кузнечно-штамповальный.

Всего на заводе имеется 1.567 обрабатывающих станков. Изношенность станков по обработке металлов по заводу в среднем определяется в 25—30%. Устарелость станочного оборудования в среднем предполагается в 40—50% по сравнению с новейшими, принимая последние за 100%.

Кроме того, на заводе имеется ремонтный цех, ежемесячно выпускающий около 15 различных станков из капитального и среднего ремонта. Все мастерские завода обслуживаются кранами разных видов и конструкций. Такое состояние завода позволяет ему выполнять самые разнообразные заказы, разную продукцию. Производственная программа на 1925/26 год была установлена в сумме 13.840.000 руб., которая выполнена полностью.

За свою многолетнюю жизнь Коломенский завод выпустил из своих стен громадную продукцию. Достаточно сказать, что им построено весьма значительное количество мостовых сооружений. Не говоря уже о тех мостах, которые лежат в его окрестностях (р. Оке, р. Москве), по лицу нашего Союза рассеяно их очень много. Общее количество металла, вложенного в их сооружение, пошло более 80.000 тонн (5.000.000 пудов). За все время своего существования завод выпустил около 5.300 паровозов и 45.735 товарных и 2.535 пассажирских вагонов для железных дорог и 647 трамвайных. Двигательное строительство завода выразилось в выпуске двигателей с общей мощностью 125.000 лошадиных сил. При чем эта работа в последнее время шла для оборудования электрических станций ряда городов и фабрик РСФСР и Союзных Республик. Общий итог производства завода можно охарактеризовать неуклонным увеличением. По всем видам продукции кривая дает наибольший подъем за 1899—1902 г.г., 1908—1909 г.г., а затем — за 1912—1917 г.г.

Заработная плата, с переходом завода в государственную собственность, все время, из года в год, повышается. В 1922—23 г. при выпуске на 1 рабочего 55 рублей — зарплата — в 23 руб.; за 1923—24 г. при выпуске на 1 рабочего 67 рублей — зарплата — 36 р. 75 к., а уже в 1924—25 г., при выработке 80 руб. на 1 рабочего — рабочий получал 51 рубль. На ряду с этим поднимается и качество продукции. Оно доходит до довоенного уровня, если принять во внимание понижение квалификации рабочих, изношенность и т. п. Прогулы, пьянство начинают повышаться. Если в 1923—24 г. прогулов было в среднем 12,6%, то в 1924—25 г. оно выражается в 13,5%, с декретными отпусками, каковые составляют в общем прогуле 5,3%. С этим ведется решительная борьба по всем линиям, результат чего уже начинает сказываться. В этом, чрезвычайно больном месте завода, колоссальную роль должна и может сыграть профорганизация завода.

Завком, избираемый на общезаводской конференции, состоит из 21 члена и 6 кандидатов. Из них — 12 членов ВКП, 3 кандидата и 2 члена ВЛКСМ. Раньше завком переизбирался через 6 месяцев, а теперь (1926 г.) выбирается на 1 год. При завкоме имеется ряд комиссий, организующих различные стороны жизни рабочего в этом „Городе Рабочей Силы“. Так, имеется комиссия по охране труда, производственная, инженерная секция, комиссия по быту, культурно-миссия и др. На содержание завкома и комиссий по коллективному

договору отчисляется 10% от всей зарплаты по заводу. Это в общем составляет не менее 6 тысяч рублей ежемесячно; столько же затрачивается на культработу и заводоуправление.

Ход обслуживания культработой рабочих Коломенского завода за все время его существования—и в руках частного капитала, и советской власти—можно видеть из следующей общей сетки:

- 1807 г.—первая начальная школа на заводе
- 1872 г.—2-х классная школа
- 1893 г.—постройка громадного помещения школы
- 1901 г.—открыты вечерние классы для взрослых
- 1897 г.—постройка театра
- 1923 г. 24/V—открытие фабрично-заводской постоянно-показательной выставки
- 1923 г.—открыт Рабочий Клуб.

В настоящее время Коломзавод содержит следующие культурные учреждения: 7 школ I ступени, 1 школа II ступени, общеобразовательные курсы, курсы по ликвидации неграмотности, технические профессиональные курсы, рабочий техникум, мастерская и школа фабзавуча с 330 учениками-подростками. Кроме ассигнований на культработу, рабочие вносят членские взносы через особые своих уполномоченных (1.257 муж., 361 жен.). Для подготовки профработников проводились курсы. Эконом-работа в общей работе завкома занимает большое место (заключения договоров и т. д.). Делегатские собрания ведутся по плану и регулярно—не менее 5. В деле охраны труда сделано много. Так, из общего числа 9.646 застрахованных получило в 1925—26 г. пособий 2.153 муж. и 124 жен. На лето дается 60 мест в доме отдыха. В общем, охрана труда пользуется большим авторитетом, что доказывается тем, что ежедневная посещаемость этого органа рабочими доходит до 50 чел.

2. Рабочий поселок Коломзавода.

Бывшее село Боброво стало тем центром, где начался и вокруг которого развился до громадных размеров рабочий поселок Коломзавода. От прежнего села не осталось даже и внешних воспоминаний: оно съедено надвигавшейся на него новой, рабочей, силой. И история поселка тесно связана с Коломзаводом, рабочие которого составляют основной состав населения поселка. В настоящее время в поселке 1.222 дома, с общим количеством жителей в 17.078 чел. Сам поселок расположен бок-о-бок с заводом. Если входить в поселок со стороны Коломны, то прежде всего в глаза бросается большое, уже пожилое, красное здание. Это—центр и поселка, и самого завода. Возле него раскинулся большой сквер со старыми деревьями, вероятно, помнящими еще первый гудок на заводе. Правее расходятся прямые улицы, также обсаженные деревьями. Зеленые насаждения увеличиваются еще небольшими садами перед каждым домом поселка. Необходимость зеленой площади вокруг завода очевидна. Гигант-завод изрыгает из сотен своих различного размера труб клубы дыма: близ лежащие дома ясно несут на себе следы оседания этого дыма, обезвреживаемого лишь зеленью.

Чем дальше в сторону от завода, тем меньше заводской копоти и дыма. Улицы, идущие ближе к реке, со своими садами, мягким воздухом и немощенными еще проездами, напоминают деревню. Но жизнь здесь отнюдь не деревенская. Весь бытовой уклад этого поселка сложился и живет под единым знаком мощного, долго длаще-

гося, гудка. И тогда улицы и переулки, с чрезвычайно характерными названиями (Песочная, Глиняная, Бутовая, Известковая и др., Паровозная, Пароходная, Модельная, Колесная, Котельная, Литейная и т. п.), наполняются густой толпой быстро бегущих людей, в кожаных куртках, сапогах, в рабочих замасленных костюмах. В спешном проходе их есть четкий ритм, есть ярко выраженная тяга: к девяти утра все тянет к центру поселка, к большому красному зданию—и поглощается им через ряд входных дверей; несколько времени—и такая же волна выливается обратно и быстро рассасывается среди улиц и переулков поселка. И в промежутках поселковые улицы не остаются безлюдны: идет движение—грузовое и обычное, каждодневное, представленное преимущественно женщинами. Но того густого, движущегося, людского потока, который несется к звукам гудков, мы уже не встретим.

Живая рабочая сила, выливаясь в рабочий день из-за заборов завода, из-под его застекленных крыш, скоро спадает. Зато вокруг булочниц и т. п. торговых, наседками сидящих на углах улиц, быстро образуются толпы. В это время кооператив („Центральный Рабочий Кооператив“) заполняется до отказа, вырастающими очередями. Пройдет немного времени, и все опять пустеет и приходит в норму; и так до нового гудка. Таким ритмом живет поселок—поселок взрослых. Такой же ритм и у его детского населения. Так же, к девяти утра, бегут струйки детей к большим зданиям школ I и II ступени, в Фабзавуч и др.—где через пять часов все кончается обратным течением по домам. И вечером сотни огней блещут из окон—идут вечерние занятия.

Жизнь поселка требует целого ряда вспомогательных организаций, и здесь это дело поставлено стройно. В большом, массивном здании, когда-то церкви, организована общественная столовая поселка. Среди хорошо обставленной залы, на столах, затянутых чистой клеенкой, ежедневно пропускается по 650 обедов. В январе 1925 года обедов проходило до 950, стоимостью в 16 коп.; теперь обеды несколько вздорожали (25 к.), число их сокращено до 650, но питательность повышена. Масса одиноких рабочих Коломзавода проходит через эту столовую, организованную Церабкопом и Нарпитом. Другой общественной помощью населению является баня, которой пользуются рабочие и их семьи. Она пропускает за неделю около 4.000 человек и в месяц 17.092 чел. (ноябрь 1925 г.). В общем, баня может пропускать в один день до 2.360 человек.

Еще более сильные цифры получаются в другом виде помощи завода поселку—в заводской больнице, существующей при заводе еще со времен Струве. Больница прекрасно оборудована и рассчитана на 120 коек для различного рода заболеваний. Амбулаторным приемом в ней пользуется в настоящее время 273.644 чел.; из них застрахованных 48.291. Средняя пропускная способность в день равна 924 человекам. Как бы дополнением к больнице служит и диспансер, открытый два года тому назад. Помещается он на поселке, в зелени, в одноэтажном деревянном домике с двумя площадками:—одна—зимняя, другая—летняя—сад. Диспансер в 1925/26 г. пропустил через себя 1.603 человека и 2.827 человек через свою амбулаторию.

Для поселкового детского населения дошкольного возраста есть детский сад и ясли для ползунков, с консультацией для матерей при них, организованные в 1921 году. Ребята бывают в яслях с 10-ти утра до 5-ти вечера. Таким образом, поселок Коломзавода обслуживается рядом вспомогательных учреждений, дающим возможность рабочим

завода и их семьям быть уверенными за благополучие и здоровье своих детей, жен и, наконец, себя. Общие жизненные условия поселка все-таки еще тяжелы. Правда, проведенный водопровод и поливка улиц в сильные жары, своя пожарная команда, электрическое освещение—создают культурные условия жизни поселка, но жилищная теснота, близость дымовой завесы от труб завода—настоятельно требуют перестройки поселка. Это уже сейчас и намечается.

Организующим центром культурной и общественной жизни поселка является клуб имени тов. Воровского. Здесь на ряду с театром, кино и другими видами искусства, работают 10 кружков (хоровой, шахматный, физкультуры, агитизо, радио и др.), объединяющих 772 чел. из общего количества членов. Клубная читальня привлекает массу читателей. Можно смело сказать, что из любого дома хоть один, да кто-нибудь, уж придет почитать газеты; женщины в данном случае не отстают от мужчин. Работа клуба, как организатора общественной и культурной жизни поселка—громадна. Спектакли, силами московских артистов, своими силами, концерты, лекции, беседы, вечера и собрания—создают тот темп культурно-просветительной жизни поселка, который и в прошлых зачатках своего развития гальванизировал „город купца и мещанина“—саму Коломну.

Таков, в общих чертах, современный нам поселок при Коломнском заводе. Территория его уже стала узка и строительство перелилось далеко за железнодорожную линию, перерезывающую старый поселок. За последние два года на большой Рязанской дороге, между поселком и Коломной, возник новый поселок, идущий на смену старому, скученному у самого завода. Новый поселок насчитывает пока еще только шесть домов, по несколько квартир в каждом. Красивые, стильные, широко поставленные среди солнечных полей, дома дадут тот свежий, бодрый воздух, которого сравнительно мало в старом поселке и который во многом сделает ненужной работу его медицинских учреждений. Этот новый поселок, в конечном своем завершении—как Город Рабочей Силы—явится залогом мощного взлета хозяйственной жизни, как нашего края, так и СССР в целом.

3. Из революционной жизни Коломны.

Жизнь рабочего поселка в бытовых условиях его недавнего прошлого, мерная, жестко-дисциплинированная работа заводского рабочего капиталистического строя—создают естественные, классовые, взаимоотношения. Так было в других местах, так было и в Коломне. Условия сытого благополучия в городе купца и мещанина не были и не могли быть благоприятной почвой для революционного сознания. Революционное сознание пробудил труд, упорный, изнуряющий, с перспективой полной необеспеченности в будущем, в момент, когда теряется работа. Вот почему Коломенский Машиностроительный Завод и его поселок—этот будущий Город Рабочей Силы—стал колыбелью революционных начинаний и революционных возможностей. Сперва робко, несмело, затем—по мере того, как крепло революционное сознание—все более и более мощно и, наконец, здесь же завершилась борьба новым социалистическим строительством.

Первым революционным кружком среди рабочих Коломенского завода надо считать кружок, возникший в 1903 году. В него входили рабочие различных цехов: Ракитин, Липилин, Гончаров и др. Деятельность кружка направлялась, главным образом, в сторону литературных занятий—чтения нелегальных и марксистских книг. Свя-

завшись с центральными организациями и получая газету „Искру“, кружок распространял ее идеи, имел свою библиотеку, которая, в целях конспирации, хранилась в с. Озёрах (в „Клетчатом мосту“). Позднее, когда кружок окреп, библиотека из Озёр была вывезена и помещалась в Машиностроительной мастерской завода. Кружок выступал и на широкую пропагандистскую работу, устраивая массовки рабочих. Они происходили обычно за Голутвинским монастырем, на так называемом Парфентьевском лугу, и привлекали большое количество рабочих (до 200 человек). Кружок был ликвидирован полицией, благодаря предательству одного рабочего (Старостин) и большинство членов его были арестованы (Сурин, Савелов, Цветиков, Пантелеев и др.).

Эта—первая революционная организация в Коломенских пределах. Правда, еще ранее (1897—1899 г.г.) в городе был кружок среди коломенской молодежи, учащейся в высших учебных заведениях Москвы. В него входили бр. Сапожковы—А. и Н., Юмашев, Свищев, Шевлягин и др., но кружок этот не имел большого значения, так как не был связан с рабочими массами Коломны. Но зато из его среди выделились товарищи, взявшие на себя руководство рядом кружков среди рабочих. Так, Н. И. Сапожков руководил кружком, пришедшим как бы на смену первому заводскому кружку (1904 г.). Этот—второй рабочий кружок, привлечший до 75 чел., развивал уже более интенсивную работу: устраивал каждую субботу массовки, вел пропагандистскую работу по цехам и, организовав связь с заграницей, получая газету „Пролетарий“, распространял ее среди рабочих Коломенского завода. Он же был подготовителем и движения рабочих на заводе в бурный 1905 год. В окрестных селениях также существовали кружки (например, в Амереве, Чанках); здесь тоже шла работа, устраивались лекции, доклады. К этому времени уже организовался районный Коломенский Комитет Р.С.Д.Р.П., находившийся в с. Боброве, и пять подрайонных (в крупных производственных пунктах уезда—Озёрах, Парфентьеве, Харлове, Щурове и Выселках). Таким путем прошел первый зачаточный период революционной жизни Коломенского края.

Второй период революционной жизни Коломны начинается с возникновения Первого Совета Рабочих Депутатов: это падает на октябрь 1905 года. Первым председателем Совета был избран рабочий социал-демократ, пользовавшийся громадным влиянием и уважением рабочей массы Коломенского завода—тов. Зайцев. Деятельность Первого Совета встречала горячий отклик в рабочих рядах, что облегчило ему возможность провести явочным порядком восьмичасовой рабочий день и увеличить заработную плату. Совет добился также отмены штрафов, окончания работ за десять минут до гудка, установки в заводских мастерских умывальников и ряд других мероприятий, улучшающих труд рабочего. В это время центром всей общественно-политической жизни Коломенского завода, втянувшей в себя и революционно-мыслящую часть городской интеллигенции, стал заводской театр. Именно здесь происходили заседания Совета, митинги, выступления московских ораторов и т. п. собрания; здесь же шла и просветительная работа—лекции, беседы и пр. Одновременно был организован и рабочий клуб в городе (д. Шведова близ Кремля), собиравший на свои митинги многочисленную аудиторию (до 500 человек) и развивший также просветительную деятельность. Но через три месяца клуб был уже закрыт администрацией.

Революционное настроение среди рабочих нарастало. Работа организаций, ежедневные митинги, поднимали это настроение. Наконец, оно вылилось в грандиозную демонстрацию, направившуюся из рабочего поселка в город Коломну. Она состоялась 12 декабря, 1905 г. под руководством Н. И. Сапожкова (член Коломенской организации РСДРП) и присяжного-поверенного Тарарыкова. Стройные ряды рабочих масс, с боевой дружиной во главе, с развернутыми красными знаменами и лозунгами: „Долой самодержавие“, „Да здравствует демократическая республика“ и пр., продвигались к городу. У Рязанской заставы демонстранты были встречены полицией, потребовавшей разойтись. Рабочие массы продолжали двигаться дальше: новая, рабочая сила наступала на город купца и мещанина. И потомки былых посадских людей, теперь купец и мещанин Коломны, враждебно встретили эту нарождающуюся, классово-противоположную силу. В городе, во главе с Коломенским купцом Буткиным, организовалась для противодействия так называемая „черная сотня“, получившая полную поддержку со стороны городской администрации. Движение рабочей массы было остановлено сотней казаков, выехавших из города навстречу, и после отказа разойтись, на демонстрацию был сделан налет. Произошла перестрелка с боевой дружиной, результатом которой было несколько человек убитых и раненых. Председатель Совета Зайцев, тяжело раненый, и остальные раненые (до 30 человек), были вынесены боевой дружиной. Так встретилась рабочая сила с городом купца и мещанина.

Дальнейшие недели принесли еще больший и ужасный разгром. 19-го декабря 1905 г. на ст. Голутвин прибыл карательный отряд Семеновцев во главе с полковником Риманом. Все Боброво было оцеплено войсками. Повальный обыск, аресты были произведены с жестокой последовательностью, и расправа была короткая и сильная. Близ железнодорожных зданий станции было расстреляно до 30 человек, в том числе Председатель Совета—Зайцев, студент—А. Сапожков, присяжный-поверенный В. Тарарыков, начальник станции И. Надеждин и др. Карательный отряд покинул город лишь 22 декабря¹⁾.

Организации были разгромлены, но подавленное настроение среди рабочих масс продолжалось недолго. Уже в феврале 1906 г. восстанавливается вновь партийный комитет (секретарь Харкевич и члены—Ракитин, Костин, Егоров, Пантелеев). К концу 1906 г. была устроена конспиративная квартира в доме Лобахина в Ширяеве, и к началу 1907 г. организация широко развернула работу. В каждом цехе Коломенского завода были свои организаторы. Наиболее сильными цехами оказались: инструментальный, сталелитейный, котельный, паровой сборки и др.; всего насчитывалось около 157 человек. Организация имела свою подпольную типографию и гектограф (на квартире у Знаменского и Баркова) и боевую дружину (т.т. Пантелеев, Егоров, Лобахин, братья Павловы, Беликов и Романов). Теоретические занятия по устройству баррикад, сигнализации, стрельбе, происходили обычно в Протопоповском овраге. Рост организации продолжался, и к маю 1908 г. она насчитывала более 200 человек. Из работ этого времени важна подготовка к первомайской демонстрации, организация массовки в Щурьевском лесу за Окой и проведенная однодневная забастовка. Последняя не вполне удалась (бастовало всего около 2.000 человек, остальные вышли на работу),

¹⁾ К 10-летию Октябрьской Революции, прах расстрелянных Риманом был в 24 гробах торжественно перенесен в центр города, к его „Красным Могилам“, у Исполкома.

и открыла собой массовые аресты. Вся организация вновь была разгромлена: почти весь комитет был арестован и многие ушли в ссылку (т.т. Харкевич, Левшин-Люшвин и др.).

Организация РСДРП почти не существовала вплоть до 1912 г. Отдельные лица вели еще кое-какую работу, но все это было случайным. Лишь в середине 1912 года, по возвращении тов. Харкевича из ссылки, организованная работа опять начала налаживаться. В этом году как раз произошел Ленский расстрел рабочих, вызвавший волну забастовок протеста. Коломна тоже ответила на него: Союз металлистов и организация РСДРП организовали однодневную забастовку, которая прошла удачно. Но это было уже последнее широкое выступление: к первому мая 1913 года были произведены новые массовые аресты. Союз металлистов был закрыт, наиболее активные работники были изъяты; никакой организации до 1917 года не существовало.

Февраль 1917 года принес освобождение арестованных и ссыльных, вернувшихся обратно в Коломну. В этот период времени завод и город жили созвучной жизнью с обще-русской революцией. Этапы ее были этапами и всей нашей революции. Возродившийся в 1917 году Совет Рабочих Депутатов был уже, однако, не тем робким Советом 1905 года; последовавшее же в Октябре восстание, поставило его строителем социалистического государства. И Коломна, как часть целого нашей Республики и Союза, руками своего Совета Рабочих и Крестьянских депутатов—строит свою жизнь, а следовательно и общесоюзную жизнь, на началах социалистического строительства. Память о трудных днях Великой Революции Коломна бережет на площади перед Советом Депутатов—это ее „Красные Могилы“.

IX. Коломна в памятниках ее уходящего прошлого.

I. Художественное строительство Коломны, как отражение форм зодчества Москвы.

Архитектурная Коломна дает богатый ансамбль памятников различных эпох исторической жизни города. На, день ото дня редееющих, памятниках Коломенской старины можно лишний раз зрительно пробежать всю историю города, ярко отразившуюся на этой, архитектурной, культуре.

Территориально-экономическое подчинение Коломны Москве, произошедшее в начале XIV века, отразилось на всем процессе культурного развития Коломны, сблизив его с культурой Москвы, крепнущей в самобытных проявлениях. Упрочив за собой значение политически старшего города, Москва стала центром и культурной жизни Северо-Восточной Руси. Именно здесь, сосредотачивались все бытовые предания, со всеми их формами, вещественными и невещественными; отсюда же получали они свое дальнейшее распространение. Коломне, оставшейся на положении младшего, менее экономически состоятельного, города представлялась возможность широкого использования различных достижений, выработанных и усвоенных центром, в том числе и форм его художественного строительства. Сила же традиций делала то, что, перенесенный и утвердившийся, образец становился потом как бы родным достоянием города, характерным пятном его облика. Подобной приемственностью, в ее местном преломлении, и объясняется близость московским формам зодчества памятников художественного строительства Коломны. Отсюда же меткая народная характеристика Коломны, как „Коломны городка—Москвы уголка“.

Судьбы художественного строительства Коломны шли несколько обособленным путем от других младших городов московского княжества. То, что Коломна не была самостоятельным уделом, т.-е. не служила местом постоянного пребывания княжеского двора, но являлась исключительно важной стратегической и торговой базой всего московского государства в его целом, не могло не отразиться на пройденных ею этапах ее общего строительства. В интересах московских князей, овладевших Коломной и живших в ней только наездом, было большее внимание к укреплению города, чем к украшению его. Но постоянное пребывание в Коломне, ставшей вскоре после своего присоединения к Москве самостоятельной епархией, представителей высшего духовенства облегчало дело ее церковного строительства. Общение же Коломенских торговых людей, не только со своим политическим центром—Москвой, но и Великим Новгородом, изобиловавшим памятниками художественного зодчества, и другими богатыми торговыми городами, сосредоточившими внутри себя архитектурную культуру, не могло не иметь известного влияния на развитие местного художественного вкуса, на дальнейшее повышение его требований. Художественное строительство города, долго выра-

жавшееся в одних только деревянных формах церковного зодчества, шло неустанно вперед. Частые неприятельские нашествия, обусловленные географическим положением Коломны, прерывая мирное течение ее жизни, не являлись препятствием к его дальнейшему развитию. В том же географическом положении таился ведь и неистощимый запас жизненной энергии, вновь поднимавшей город из пепла и развалин, и неустанно украшавшей его новым строительством.

О типе деревянных церквей Коломны XIV—XVII века сказать что-либо вполне определенное вряд ли возможно, за отсутствием прямых на то указаний. Те формы деревянного церковного строительства, в которые отливалась творческая фантазия Коломенского плотника—зодчего, остались для нас затуманенными дымкой времени. Судя по аналогии с древнейшими памятниками деревянного зодчества Северо-Восточной Руси, и тем намекам художественного описания, которые можно встретить в описях конца XVI века, они находили свое выражение в различных комбинациях шатровых форм (напр.—две городские церкви построения кн. Кубенского). Не были отчетливы и формы первоначального каменного церковного строительства Коломны. Сама Москва в то время (XIV—XV в.в.) тяготела к архитектурным воплощениям Суздаля-Владимирского церковного зодчества. Это обуславливалось, главным образом, ее стремлением подойти к церковным формам стольного города Владимира, в частности к облику кафедральной митрополичьей церкви—Владимирского Успенского собора, долго еще представлявшего для московских зодчих недостижимый образец искусства. Ближайшие к Москве города переняли этот тип зодчества (характерный пример Звенигородский Успенский собор XIV века); также быть может был перенесен он и в Коломну.

От первого каменного храма Коломны, ее Воскресенского собора, упоминаемого летописью еще в половине XIV века, т. е. во времена Дмитрия Донского, до нас дошли лишь слабые воспоминания в сохранившейся белокаменной кладке нижней части стен подвального помещения современной нам Воскресенской церкви, что в крепости. Это подвальное помещение имеет в основании почти квадрат, с тремя выступами с восточной стороны и четырьмя внутренними столпами; верхняя часть стен его, начиная от сводов, принадлежит позднейшей по времени (XVIII в.) кирпичной кладке; нижняя—из белого камня. От трех узких решетчатых окон подвала, почти вросших в землю (особенно хорошо среднее, несколько меньшего размера, чем два другие), веет седой стариной и создает известное настроение. Господствующая здесь теперь „мерзость запустения“ лишней раз заставляет вспомнить судьбу, постигшую редкие и ценные для нас, памятники ранне-московской зодчества.

Кроме этого, первого по времени памятника каменного церковного строительства Коломны, до нас дошли известия о сооружении в ней Дмитрием Донским—в конце XIV века—еще одного каменного храма. Именно тогда был заложен каменный древний Успенский собор Коломны („подписана бысть на Коломне церковь каменная соборная Успенья“). Другое известие говорит, что заложенный в Коломне Донским каменный храм рухнул, по неумению зодчих свести его верхние своды. Касается ли это сообщение вновь возникшего Успенского соборного храма, или какой-нибудь другой церкви, Донским же основанной, остается невыясненным. Весь период первоначального зодчества города—вопрос в достаточной степени темный; неоднократные же основательные перестройки древних ка-

менных храмов еще более его усложняют. До нас дошел почти в полной сохранности лишь один вещественный памятник в лице чудного храма белокаменной кладки в пригородном с. Городище. Этот редкий памятник церковного зодчества не позднее XIV века; своды же его относятся к началу XVI века. Храм с. Городищ любопытен еще с другой стороны, а именно: в его стену вделана резная белокаменная плита с изображением дракона типа владими́ро-суздальской рези (так называемая „Батыева печать“) ¹⁾.

Дальнейшие письменные указания о новой каменной церкви в Коломне относятся уже к середине XVI века, когда Грозным была построена Успенская церковь Брусенского монастыря. Ее первоначальный шатровый облик уцелел; сама же церковь сильно пострадала от позднейших перестроек, в одну из которых была найдена каменная плита с датой основания первоначального храма—1552 г. (вделана в стену современной нам церкви). Это все, что дошло до нас от первых памятников каменного церковного зодчества Коломны XIV—XV в.в. Сооружение каменных церквей той эпохи было, как видно, делом великокняжеской и царской Москвы.

Что же касается строительной деятельности самого населения, то она еще долго выражалась в привычных формах деревянного зодчества. По описи конца XVI века видно, что в Коломне того времени главная масса приходских церквей была деревянной: каменными были несколько соборных и монастырских храмов. Всего деревянных церквей было 24, богослужение отправлялось только в одиннадцати, остальные оставались без службы („стояли без пения“). Возможно даже, согласно предположению В. Руднева ²⁾, что в число указанных 24 церквей не вошли церкви близ лежащих слобод и селений, лишь позднее слившихся с первоначальным городом и посадом. Например, в этот перечень не включена церковь Зачатья, находившаяся тогда еще в черте с. Бобышева. К прежним, уже известным нам каменным церквям Коломны, опись прибавляет лишь церковь мужского Спасо-Преображенского монастыря („что за торгам“). Следовательно, в городе было не больше трех-четырех каменных церквей (в счет их не входят три каменные церкви двух загородных коломенских монастырей, две Голутвинского и одна Бобреневского). Коломна конца XVI века, изобиловавшая памятниками деревянного церковного зодчества, попрежнему считала свои каменные церкви единицами. Так, а иногда, впрочем, и хуже обстояло дело каменного церковного строительства в большей части младших городов Московского государства XVI и первой половины XVII века. Сама Москва была еще в середине XVII ст. городом почти исключительно деревянным.

В начале XVII века Коломне пришлось пережить еще один крупный разгром, завершивший пребывание в ее крепостных стенах войск Марины Мнишек. Относительное спокойствие, последовавшее за эпохой „Великой Смуты“, и возвращение города к мирной торговой жизни, развернуло в более широких размерах строительную деятельность населения. Богатевшие „люди посадские“ не удовлетворялись более своими скромными каменными и деревянными цер-

¹⁾ Весьма интересным является предположение проф. А. И. Некрасова, что резные плиты с изображением драконов типа городищенского и владимирского являются гербами князей суздальских. Отсюда напрашивается взаимоотношение между построением церкви с. Городищ и венчанием в г. Коломне Дмитрия Донского с Ефросинией из рода кн. суздальских.

²⁾ „Коломна в 1578 г.“. Моск. Епарх. Ведомости за 1869 г., № 26.

ковками, уцелевшими от волн неоднократно возобновлявшихся разгромов. Москва, сама энергично обстраивавшаяся, относилась весьма поощрительно к подобного рода строительным начинаниям провинции, оказывая ей идейную, а когда и материальную поддержку. Большему развитию каменного церковного зодчества способствовало также значительное упрощение, достигнутое строительной техникой Москвы XVI века. Упрощение это сводилось к тому, что из плановых приемов „старозаветных“ форм типа ранне московских каменных храмов были изгнаны внутренние столпы. Этим достигалась возможность строить церкви значительно меньших размеров, т. е. „экономичнее“, что открыло им дорогу и у посадских людей. Начали соиздаваться бесстолпные, с крещатыми сводами, первоначально одноглавые храмы первой половины XVI века, впрочем, в достаточной степени теперь редкие и в самой Москве. По свидетельству П. Алеппского, в Коломне середины XVII века попрежнему господствовали формы деревянного зодчества. При прежней многочисленности городских церквей, каменных было не больше шести. От Алеппского же дошло до нас подробное, но в достаточной степени туманное, описание пяти каменных церквей Коломенского Кремля. Судя по нему, можно думать, что они являлись типичными представителями раннемосковского зодчества, носившего на себе еще следы Владимиро - Суздальского влияния. Церкви эти в своем первоначальном облике до нас не дошли: их постигла участь основательной, почти фундаментальной, перестройки.

Между тем Москва дала новый тип каменного церковного строительства. Толчком к его развитию послужило, последовавшее в 1653 году, патриаршее запрещение шатровых храмовых форм, присущих самобытному древне - русскому деревянному зодчеству. Москва подвергла их гонению, как не отвечавших условностям византийской церкви, чистоту учения которой она надумала теперь твердо охранять. Рекомендованный патриархом „освященный пятиглавый чин“ был всецело применен к каменным бесстолпным храмам старозаветного типа, в таком виде уже получившим распространение в провинции. Известное практическое удобство и „патриаршее попечение“ сделали то, что почти вся эпоха первых Романовых, исключительная по строительной деятельности не только Москвы, но и ближайшей провинции, отмечена характерным, московским, пятиглавием каменных бесстолпных храмов. Значительное количество но-

Рис. № 2.

Успенский собор и его колокольня (XVII в.).

Фот. Б. Климентьев.

вых каменных церквей Коломны, частью уже дошедших до нас, хотя и в сильно измененном виде, обязаны своим возникновением именно концу XVII века. В это же время (1682 г.) в Коломне был наново перестроен древний Успенский собор, законченный строением к самому концу века. Современный нам Успенский собор Коломны, стоящий на белокаменном основании XIV века—„освященного пятиглавого чина“. Он является типичным, удачно выраженным, представителем московского соборного зодчества XVI—XVII ст. Это—подлинно художественный памятник, строгий по своим очертаниям и прекрасный по общему впечатлению. Также прекрасна соборная колокольня, удержавшая в своих очертаниях шатровые формы, нашедшие позднее свое воплощение лишь в колокольном строительстве. Тип пятиглавых, безстолпных, церквей, вполне сроднившийся с русским искусством, получил самое широкое распространение. Редкий город и даже село, средней полосы нашей страны, лишены скромной церковки, завершенной пятью, в большинстве случаев синеватыми, главками на глухих шейках.

Подобная устойчивость, особенно в провинции, „освященного пятиглавия“, способствовала тому, что новые „барочные“ формы, сменившие его в Москве на рубеже XVII—XVIII в.в., прошли в провинциальном зодчестве мало заметными. Формы эти, привнесенные в Москву, и имевшие на себе следы западно-европейского влияния, подверглись вполне своеобразному истолкованию московских зодчих. Но господство этой архитектурной формы, получившей название „барокко“, продержалось сравнительно недолго и в самой Москве. В развитии „барочных“ форм наблюдается некоторый перерыв, разбивший его, на так называемый ранне-московский, „Нарышкинский“, барокко, и более поздний по времени — „Петербургский“. Перерыв этот была обусловлен указами Петра I (1714 и 1723 г.г.), запретившего более успешного обстраивания своей новой столицы — „Парадиза“. За это время московское претворение церковного „барокко“, придавшее его ярусности исключительную пышность особыми приемами обработки различных архитектурных деталей, успело заглухнуть, дав, впрочем, несколько ярких памятников своего воплощения (храм в подмосковном селе Филях, церковь села Горностаева Коломенского уезда и пр.). Позднейший же „барокко“ елизаветинского времени (Расстрелли и его школа) нашел свое применение более в формах гражданского зодчества, уступив затем свое место (после некоторого уклона в сторону готических веяний—70-ые годы) строгому классицизму рубежа XVIII и XIX ст. Всем этим, а так же значительной дороговизной полно выраженных форм „барокко“, и объясняется то, что провинция, к тому же всегда склонная к некоторому запаздыванию, почти совсем не отметила пышные „барочные“ формы в своем церковном строительстве. Прошло мимо полного „барокко“ и Коломна. Правда, на некоторых городских церквях конца XVIII века чувствуются следы влияния барочных форм, выраженные, то в виде характерной попытки к известной ярусности (четверик и двойной восмерик Христорождественской церкви), то в приемах обработки перехода шейки к главке (Воскресенская и др. церкви), но права на яркий памятник эпохи церковного „барокко“ г. Коломну можно смело лишить.

Последнее десятилетие XVIII века, века торгового оживления, сосредоточившего в руках представителей коломенского купечества солидные капиталы, ознаменованы для этого города интенсивной

строительной деятельностью, отмеченной уже веянием екатериненского классицизма. В этот период времени, уцелевшие деревянные храмы усиленно заменяются каменными. Из календаря Рубана на 1776 год видно, что число каменных церквей города превышает уже двадцать, тогда как деревянных сохранилось всего лишь три. Деревянное зодчество уходило бесследно со всей своей своеобразной прелестью, гибнув не только от времени, пожаров и иных бедствий, но и от рук своих создателей. До нас дошли многочисленные известия конца XVIII века, то о снесенной деревянной Георгиевской церкви, страдавшей от ежегодных весенних наводнений Москвы-реки, то об уничтоженной за ветхостью Алексеевской и т. д. Частые городские пожары (особенно губительным в смысле уничтожения старины был пожар Коломны в 1739 году), еще более содействовали окончательному уничтожению деревянных церквей, возобновляемых уже каменными. Но прямо-таки исключительная по своим размерам страсть к каменному „храмосозиданию“ охватила потомков бывших коломенских людей посадских на самом рубеже XVIII и XIX ст. Классическое умоностроение столиц того времени выработало определенные формы и в церковном зодчестве. Характерным для проявления основных заданий этого архитектурного направления является классическая коллонада портиков, поддерживающих тело храма, в основных частях своих не редко данного в округлы линия. В Коломне наиболее выраженным памятником церковного зодчества этой пышной эпохи служит Вознесенская церковь, несколько перегруженная лишь добавочными портиками и колоннами. Типичны также, уже смягченная греческим влиянием александровского времени (коринфская капитель), верхняя часть Архангельской церкви и „ампирная“ колокольня Богословской церкви. Классицизмом, уже вырождающимся в эпоху Николая I, веет и от небольшой Крестовоздвиженской церкви (у Пятницких крепостных ворот).

Некоторый уклон в сторону готики, навеянный архитектурным настроением крупного зодчего конца XVIII века—М. Казакова, нашел себе отклик и у коломенских строителей: им отмечены стрельчатые башенки оград обоих городских монастырей (Брусенского и Троицкого).

Строительный поток, захвативший с середины и до конца XIX ст. Коломну, и безвозвратно погубивший многие старинные церкви города (пятиглавый Покровский храм и ряд других), особенно много внимания уделил так называемому „возрожденному русскому стилю“, выступившему на арену архитектурной жизни после того, как было окончательно завершено архитектором Тоном сооружение грандиозного московского Храма Христа Спасителя. Печать этих, не вполне удачных попыток „возрождения“ начал самобытного народного зодчества, лежит в Коломне на Крестовоздвиженской (летней) церкви Брусенского монастыря, варьирующей, вместе с Тихвинским (зимним) собором, основные мотивы шатрового верха и многочисленных церковных главок.

Отдала Коломна дань и позднему (начало XX ст.) воспроизведению небольших храмов ранне московского периода—(пристрой Петропавловской кладбищенской церкви).

Этим и исчерпываются основные следы влияния московского церковного зодчества на строительство Коломны. Провинциальному зодчему не удалось итти далее привычного, приспособленного к тому же к местным вкусам и требованиям, шаблона, господствующего в данный момент в столичном городе. Многочисленные же разновре-

менные пристрой и переделки, создавшие различные „наслоения“, сильно искажали и первоначальный облик здания. Заурядному провинциальному строителю не под силу было спаять отдельные части перестраиваемого им здания, связав их общей творческой мыслью в единое художественное целое. Этим и объясняется то, что из двух с лишним десятков церквей города нет ни одной, обвеенной подлинной индивидуальностью художественного творчества.

2. Архитектурные группировки в строительстве Коломны.

Отсутствие впечатления полной художественной стройности не препятствует, однако, известной группировке коломенских городских церквей. Основанием для нее служат черты типичного сходства, улавливаемые в общем архитектурном облике каждой по отдельности. Коломенские церкви и колокольни могут быть расположены, хотя и с некоторой натяжкой, первые на семь, вторые на четыре—основные группы.

К первой группе ранне-московского, „шатрового“, строительства XVI века,—в собственно церковном строительстве Коломны принадлежит Успенская (зимняя) церковь быв. городского Брусенского монастыря. Церковь эта, заново „возобновленная“ в середине XIX ст., удержала в своем основном облике характерное для древнерусского деревянного зодчества шатровое перекрытие, выраженное здесь уже камнем. Шатер Брусенской Успенской церкви заканчивает небольшая главка более позднего времени. Вообще, позднейшие „возобновления“ сильно испортили этот редкий памятник московского „шатра“.

Вторая группа—типа московских церквей XVII века—наиболее распространена в Коломне. Церкви к ней относящиеся можно охарактеризовать следующими чертами, общими им всем. Все они имеют в основе четырехугольник, почти куб, переходящий в несколько возвышающееся перекрытие. Восточная часть, избежавшая в большинстве случаев значительных переделок, примыкает к основе тремя полукружиями (абсидами). Последние иногда бывают и как бы включенными в более позднюю алтарную пристройку (Никола Посадский). Средняя часть храма, обычно искаженная добавочными приделами, выдвигается вперед тяжелыми очертаниями, мало гармонирующими с основными линиями общего контура (Зачатье, Никола Гостинный). Но в общем, церкви, примыкающие к этой группе, производят особенно с восточной, наиболее сохранившейся, стороны впечатление известной стройности, устремленности, усиливаемой или ослабляемой пропорциональностью взаимоотношения отдельных частей.

По числу венчающих церковь главок, коломенские церкви типа московского зодчества XVII века принадлежат к „патриаршему пятиглавию“. Последнее разделяется на пятиглавие действительное—т.-е. открытое внутри церковного купола (городской Успенский собор) и ложное—т.-е. традиционно-декоративное (церкви Борисоглебская, Зачатье, Никол Гостинного и Посадского).

Наиболее совершенным представителем церквей московского типа является в Коломне ее городской Успенский собор (рис. № 2). Почти кубический массив его, несколько суженый кверху, с характерными линиями трехчастного раздела и с тремя стройными алтарными полукружиями, венчают сквозные шейки, завершенные пятью округлыми главками, с вызолоченной средней. Собор близок московскому Успенскому: та же общая строгость белых стен, разбитых пи-

лонами и оживленных перспективным пестрым порталом по трем входным дверям, та же пропорция тречастного деления алтарных абсид. Но главки московского собора поставлены на более низких шейках и имеют шлемовидную форму, тогда как Коломенский собор оканчивают более высокие шейки с главками близкими луковке ¹⁾. Довольно выдержана в Коломне так же церковь Зачатия (рис. № 3) (особенно с восточной стороны), и чрезвычайно характерна группа сплоченных темно-синих главок, выходящих из тесного ряда кокошников, посаженных у самых шеек, Николы Посадского. Ложное же пятиглавие церквей Николы Гостинного и Борисоглебской, лишь отдающее собой дань определенной традиции, мало интересно.

Третью группу коломенских церквей составляют церкви, носящие на себе следы влияния барочных форм, в широком смысле этого слова. К таким церквям в первую очередь должна быть отнесена Христорождественская церковь—типа простого барокко середины XVIII века. Сюда же подходит и церковь Воскресения, что в крепости. Двухэтажная, с тремя пропорционально поставленными абсидами, Воскресенская церковь обидно испорчена придельной пристройкой половины XIX века и классическим крыльцом южной стороны. О ее барочных мотивах говорит лишь легкая яркость крыши, переходящей в двурядный восмерик на восмерике, законченный небольшой золотой главкой вырезных очертаний. Некоторые элементы барокко, главным образом, в подходе к обработке очертаний верха, можно встретить и у некоторых других городских церквей Коломны.

К четвертой группе, совсем слабо выраженной, в Коломне принадлежит лишь одна церковь, отмеченная духом ложной готики, вернее, намеком искания готических устремлений (зимняя церковь городского Троицкого монастыря).

Богато представлена в Коломне пятая группа ее строительства—классическая. Характерным, для проявления основных заданий этой формы в коломенских церквях, является ряд классических колонн портика, поддерживающих среднюю часть храма. Последняя, выраженная иногда линией округлых очертаний, завершается куполом, непосредственно лежащим на плечах основного здания. Но излишняя перегруженность добавочными портиками и колоннами, излюбленными среди местного купечества, сделала то, что в этой группе относительно художественной является лишь передача отдельных частей и деталей. Примером подобного злоупотребления колоннадой может служить Ивано-Богословская церковь на Житной площади. Первоначальный архитектурный замысел, прекрасного по своим округлым формам основного тела, Вознесенской церкви (рис. № 4) искажает резко выдающийся пристрой 40-х годов, производящий

Рис. № 3.
Церковь Зачатия (XVII в.).

Фот. В. Климентьева.

¹⁾ В строительстве собора интересно отметить характерные „голосники“.

впечатление барского особняка, примкнувшего к рядом стоящей церкви. И невольно останавливает на себе внимание художественной обработкой классических мотивов округлый, обрамленный рядом тонких коринфских колонок, верх Архангельской церкви, легко поддерживаемый двумя четырехколонными портиками северной и южной сторон. Впечатление от этого верха заставляет забыть общую растянутость всего здания, включающего в себя и небольшую колокольню самых заурядных очертаний. Последняя церковь этой группы — Крестовоздвиженская (у Пятницких ворот) — удивительно типична, для уже вырождающегося „ампира“ 40-х годов. Портики, примыкающие к церковному массиву, завершеному крупным куполом, вмещающим в себе второй миниатюрный храмик, являются в сравнении с общим корпусом какими-то сдавленными, слабыми, несмотря на незначительность общего размера тела. Также резко непропорционально и алтарное полукружие, выраженное в почти круглой форме.

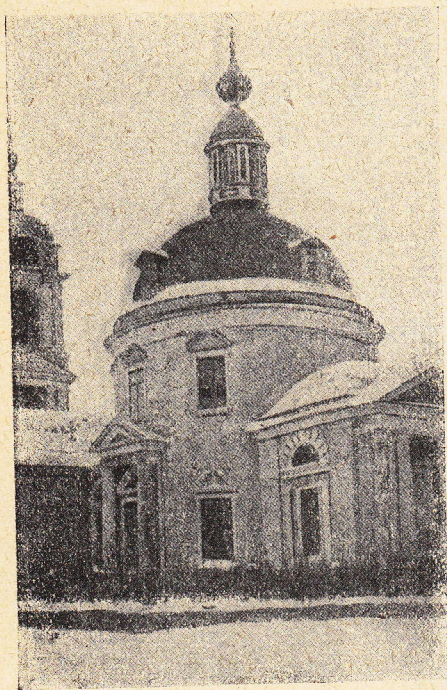

Рис. № 4.

Вознесенская церковь (конец XVIII в.).

Фот. В. Васильева.

Шестую группу коломенских церквей составляет, так называемый „возрожденный русский стиль“. Здесь можно отметить и одноглавие — новый пристрой Петропавловской кладбищенской церкви, воспроизводящий упрощенный тип раннемосковского храма, украшенный рядом резных кокошников, и многоглавие — Тихвинский собор и Крестовоздвиженская (летняя) церковь Брусенского монастыря. Особенно раздражающее впечатление от бессмысленности попыток подобного „возрождения“ былых самобытных форм народного зодчества остается от Тихвинского собора, выходящего шатрами многоглавой массы из слитых ложных кокошников удлиненного вида, расположенных по северному и южному фронтонам. Близкое соседство Тихвинского собора с прелестной, полной строгой мощи, шатровой колокольной конца XVII века, принадлежащей Успенскому собору, еще более ярко подчеркивает всю бессмысленность архитектурных форм Тихвинского собора; не-

сколько удачнее композиция многоглавого верха летней церкви Брусенского монастыря.

В последнюю — седьмую — группу можно включить все те коломенские церкви, которые не вошли, в силу своего определенного безличия, ни в одну из вышеуказанных групп. Это — или маловыразительные церкви, по большей части близкие строительству XVIII века (Симеоновская и др.), или большие, „благотворные“, но самые заурядные, „храмы кораблей“ (Покровская), которые так часты в уездных городах и крупных селах торгового значения.

Формы строительства коломенских колоколен распадаются на следующие 4 основные группы:

Первая группа — колокольни типа шатра московского зодчества — первоначального (Борисоглебская, Николопосадская и Соборная) и „возрожденного“ (кладбищенская). Первые две колокольни очень характерны: Борисоглебская и, совсем недавняя (80-ые годы XIX ст.), Николопосадская, очень удачно копирующая в уменьшенном виде московские шатровые колокольни XVII века, (например, Николы Явленного, что на Арбате). Типична также для „возрожденного“, шаблонно истолкованного русского стиля, и проездная колокольня кладбищенской ограды, пестро изукрашенная различными баясинками и кокошниками. Среди них особняком стоит величественная колокольня Успенского собора. Ее строгий куб переходит посредством шатровых пролетов „звонов“, поддер-

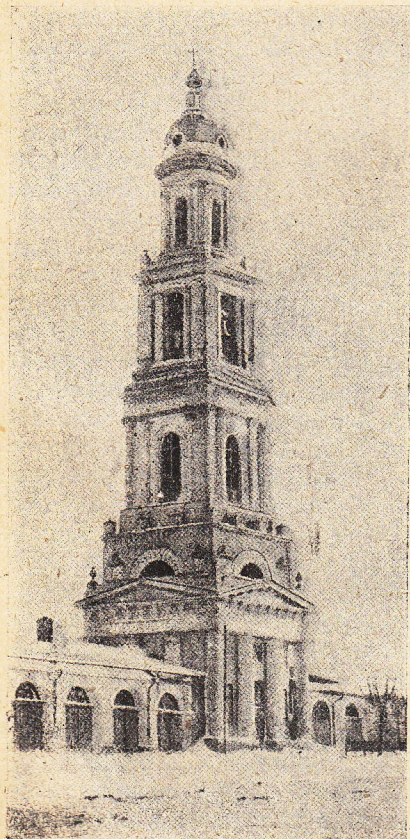

Рис. № 6.

Колокольня Богословской церкви, что на „Житной“ (начало XIX в.).

Фот. В. Васильева.

Рис. № 5.

Колокольня Христорождественской церкви (XVIII в.).

Фот. В. Васильева.

живающих колокола, в тройной ряд „слухов“, завершенный небольшой золоченой

главкой. На белой глади стен колокольни очень выигрышен и тонкий рисунок полуколоннок аркатурного перехвата, опоясывающий ее тело. Успенская колокольня датируется обычно 1692 годом, но эта дата вряд ли отвечает действительности. Основное тело колокольни говорит о времени более раннем — середина XVII в., — чем его последнее десятилетие ¹⁾ (см. рис. № 2).

Вторую группу коломенских колоколен составляют многочисленные колокольни города, весьма распространенные в московском зодчестве XVIII века (Воскресенская и ряд других). Заурядные очертания их мало интересны.

Третья группа — со следами готических веяний в барочных формах конца XVIII века, нашла себе в Коломне, правда, одну, но в достаточной

¹⁾ На Успенской колокольне следует отметить: сохранившийся механизм колокольных часов, и приспособления для била; последнее можно указать и на Борисоглебской колокольне, что в Запрудях.

степени яркую выразительницу, в лице нарядной колокольни Христорожественской церкви (рис. № 5), и, наконец, к четвертой, весьма обширной группе, принадлежат колокольни, отмеченные влиянием классицизма. Художественная ценность колоколен этого типа весьма различна. Менее удачными можно считать колокольни Вознесенской и Спасской церквей. Первая из них производит впечатление какой-то оторванности, незаконченности. Это объясняется тем, что колонны колокольни начинаются со второго яруса. Вторая колокольня, наоборот, подавляет внимание зрителя своей излишней перегруженностью. Так же мало приемлема и проездная колокольня Брусенского монастыря. Наиболее цельными по выполнению первоначального замысла являются колокольни Новоголутвинского монастыря (1825 г.) и Богословской церкви (рис. № 6). Последняя, самая высокая в городе, легко устремляется вверх многоярусным рядом богатых колонн „ампира“. По стройности общего целого она занимает среди колоколен города одно из первых мест. В ее рисунке и силуэте чувствуется рука незаурядного мастера.

Довольно интересны с архитектурной стороны ограды коломенских городских монастырей, в настоящее время упраздненных— (Брусенского и Новоголутвинского-Троицкого). Они носят на себе определенные следы влияния готического стиля. Башенки Брусенского монастыря стройнее, легче в очертаниях своих тройных, все утоняющихся, округлых ярусов, с характерным звездчатым орнаментом. Башни Троицкой ограды более приземисты; в основу их положен тяжелый, восьмигранный постамент, суживающийся кверху и переходящий в однорядный цилиндр, с крутой линией крыши, увенчанной тонким шпилем. Воспоминанием о былой стратегической важности подобных монастырских оград служат фальшивые оконца в виде амбразур и бойниц, украшающие все эти башенки. Обращает на себя внимание и рисунок, выходящих на Соборную площадь, ворот с сергой, той же Троицкой ограды. Так же хороши очертания старинных въездных ворот бывшего Спасо-Преображенского монастыря; последний обладает и образцом типичной кованной двери XVIII в. Остальные коломенские церкви обнесены самой простой решеткой, укрепленной на каменных столбах. Исключение составляла чудесная нарядная решетка Вознесенской церкви, с типично барочными головками херувимов монументальнойковки, недавно ушедшая на слом; не плоха, впрочем, решетка и у Николы Гостинного.

Во всех коломенских церквях сразу бросается в глаза общая им всем скудость внешнего декоративного орнамента. Даже обрамление окон и дверей более пышными наличниками встречается чрезвычайно редко (церкви Вознесенская и Крестовоздвиженская Брусенского монастыря). И опять-таки выделяется городской Успенский собор: его входные двери украшены каменными перспективными порталами со шпилем наверху. Мотивы их пестрых узорных переплетов, выполненных кирпичем, характерны для XVII века.

С внутренней своей стороны коломенские церкви представляют, к сожалению, совсем уж малую художественную ценность. Стенная роспись их, неоднократно возобновляемая волей щедрых жертвователей, превратилась у большинства церквей в сплошное водянистое пятно, местами густо раззолоченное. Такой же участи беспощадного поновления подверглась значительная часть церковных иконостасов. Наименее тронуты „реставрацией“ резные вызолоченные иконостасы церковей Зачатьевской, Христорожественской и Никитской. Типичны для пышного „рококо“ конца XVIII века и точеные орнаменты иконо-

стасов Успенского собора и зимней церкви Новоголутвина монастыря. Первый из них—Успенский—особенно богат резной скульптурой.

Иконопись коломенских церквей совершенно не изучена. Между тем, более чем вероятно, что местные церкви хранят в себе не мало ценных памятников иконописного искусства. Неоднократные поновления стерли первоначальный облик икон; смывка же позднейших наслоений открыла бы, быть может, и подлинные перлы древней иконописи. Особенно много старинных икон сосредоточилось в Зачатьевской церкви, куда они поступали по мере разрушения деревянных церквей города. Но главными хранилищами древних икон являются молельни двух старообрядческих городских общин: быв. частной (Морковкина—на Каширской ул.) и общественной (у городского вокзала). Коломенское старообрядческое купечество знало и умело любить старинную икону, не редкую и в частных домах.

Значительно распространены в Коломне иконы типа резных и з о б р а ж е н и й. Иконы эти, помимо общей своей художественности, могут быть рассмотрены и со стороны технического выполнения—рода материала и характера рисунка. По роду материала они распадаются: на резные по кости (образ на слоновой кости Преображения Господня в Никитской церкви), по камню (изваяния Ивана Богослова, Христа и Богоматери в Богословской церкви), и дереву (последние чаще всего). По характеру рисунка резные иконы переходят от барельефа, большей или меньшей глубины, в скульптурную форму чистого изваяния, наиболее распространенную в Коломне. Примером мелкого барельефа служит тот же образ Никитской церкви; более глубокого—изображение главы Ивана Крестителя, помещенное у входных дверей Симеоновской церкви. Этот, пестро расцвеченный, барельеф отмечен художественной непосредственностью своей передачи: наивный примитив сцены казни Крестителя, тут же воспроизведенной, прямо-таки очарователен. Вполне скульптурные изваяния дают чаще всего изображения Николая Можайского. Обращает на себя внимание суровый, держащий меч в одной руке и храм, символизирующий крепость; в другой, изваянный из дерева в почти натуральный рост человека, Никола-Спасской церкви. Сходство его с известным Николой Можайским (городской собор г. Можайска) вряд ли случайно. Заимствование чтимых образов городами, связанными между собой общностью интересов, не подлежит сомнению (в данном случае—Можайск и Коломна—истоки и устье Москвы реки). Менее интересны—второй Никола (Богословская церковь), поясное изображение Богоматери с младенцем (Спаская), ряд фигур Христа (Никола Гостинный, часовня Страстной Божьей Матери на Поповской ул.), Параскевы Пятницы (быв. в часовне Брусенского монастыря в Грановитой крепостной башне и т. д.). Особенно чтимой среди коломенского населения была Страстная Божья Матерь (часовня на Поповской ул.). Суровостью веет это изваяние и соседнее с ним, изображающее сцену „положения во гроб“ (так называемая „Плакущая Божья Матерь“). Материал обоих этих изваяний не мог быть вполне точно определен: весьма возможно, что им послужил камень.

Широкое распространение в Коломне скульптурных изваяний невольно останавливает на себе внимание. Попытки объяснения его отголоском католического влияния эпохи смутного времени вряд ли допустимы. Не может подтвердить их и интересный обычай, в духе „мистериального действия“, совсем еще недавно существовавший в

селе Горы Коломенского уезда. В этой местности было принято, для чтения четвергового евангелия страстной недели, извлекать из церковных складочных помещений скульптурные фигуры главных действующих лиц (Христа, Марии Магдалины и др.), что придавало чтению характер „мистерии“, присущей Западной церкви. Но подобные „полудейства“ так же, как и скульптурные изваяния, были знакомы Московскому государству еще значительно ранее эпохи „Великой Смуты“. Та же Коломна издревна знала вполне народный обычай водосвятия на посадском торгу, неизменными участниками которого были древние изваяния Николы Посадского и Божьей Матери из Спасопреображенского монастыря (совр. Спасская церковь). Как пример же более раннего, чем в эпоху „Ляхолетия“, появления скульптурных изображений, укажем хотя бы на каменные изваяния Богословской церкви (Ивана Богослова и др.), попавшие туда с разрушенных в половине XIX ст. Ивановских крепостных ворот. Несомненно, что изваяние Ивана Богослова, полученное Богословской церковью после процесса с Брусенским монастырем, заявлявшим свои притязания на новую доходную статью, украшало собой Ивановские ворота еще задолго до пребывания в Коломне польской свиты Марии Мнишек. Происхождение этого изваяния, весьма интересного для русского искусства, не установлено. И эта сторона художественной Коломны не имеет никаких специальных обследований. На подобные скульптурные изваяния православной церковью, восстававшей против нарушения ее канонов, время от времени предпринимались гонения. Но им не под силу было сломить упорной привязанности населения к издавна чтимым им резным изображениям. Это явление имело место и в Коломне: в 40-х годах XIX ст. ей с трудом, но удалось все-таки, отстоять свои резные изображения.

Городским церквам Коломны не посчастливилось сохранить старинной церковной утвари. Это обуславливалось тем, что Коломне приходилось страдать не только от обычных пожаров, но и от вражеских набегов, не раз окончательно разорявших город. Виновницей одного из таких разгромов городских ризниц народное предание считает пресловутую Марину Мнишек, будто бы вывезшую из Коломны несметное количество различных богатств, в том числе и ценных предметов церковной утвари. Но действительный разгром ризниц городских церквей произошел в Коломне отнюдь не по вине „гордой шляхтенки“: ее ризницы опустошил последний Коломенский епископ. Вместе с делами своего архива, перевозимого в 1799 году в Тулу, за упразднением самостоятельной коломенской епархии, он захватил с собой и наиболее ценное церковное имущество.

До сих пор, еще быв. ризница Тульского архиерейского дома (после 1917 года музей), хранит в себе не мало художественных ценностей, принадлежавших когда-то Коломенским церквам ¹⁾. Примеру „архипастыря“ последовала и „братия“ древнего и богатого Спасопреображенского городского монастыря, переведенного в 1800 г. в Уфу. Отъезжавшие монахи забрали с собой почти все, до икон включительно. Лишь грозный для московских церквей 1812 год пощадил ризницы Коломны, обойдя ее. Этим всем объясняется то, что древний и богатый город Коломна беден старинными и ценными предметами церковной утвари. Правда, коломенское купечество не раз пыталось упрочить благосостояние ризниц родного города, но дать

¹⁾ Н. Троицкий. „Церковно-археологические памятники, хранящиеся в ризнице Тульского архиерейского дома“. Древности, т. IX, вып. I.

подлинно-ценного в художественном отношении оно не могло. Так же бедна Коломна художественно выполненными хоругвями, облачениями и т. п. предметами церковного богослужения. Среди же ее богослужебных книг встречается несколько евангелий Московской печати половины XVII века (Никитская, Воскресенская и Николопосадская церкви) и книги печати начала XVIII века (Борисоглебская и Спасская церкви). Следует, однако, оговориться, что тщательное исследование ризниц коломенских церквей могло бы, быть может, обнаружить и кое-какие, случайно уцелевшие, ценности большего художественного значения, не редкие в церквях уезда.

3. Художественные памятники гражданской архитектуры Коломны.

От гражданской архитектуры Коломны XVII века дошло до наших дней несколько зданий. Одно из них, обычно называемое „воеводским домом“ (Посадская ул.), весьма интересно. Это—большое двухэтажное здание, прекрасной сохранности, со сводчатым перекрытием и характерным расположением жилых покоев, типичное для XVII века. Внешние детали, т. е. наличники окон, угловые колонны, карниз и поясok—на редкость сохранились. Подобная сохранность, отсутствующая в Москве, делает коломенский „воеводский дом“ редчайшим памятником своего времени (рис. № 7). Не менее интересны столбовые и сводчатые палаты домовых построек Новоголутвинского Троицкого монастыря, бывшего когда-то архиерейским домом. Грандиозность размаха этих построек и техника характерного строительства их эпохи, поражает в них наш глаз и в настоящее время. О первоначальном облике этих покоев говорилось выше, в описании города XVII века, данном Алеппским.

Что же касается позднейшей Коломны—XVIII и XIX ст., то она прежде всего не—город дворянской, землевладельческой, культуры. Родовое барство, владевшее в уезде огромными землями, не считало для себя обязательным строиться в своем уездном городе, лежавшем на пол-дороге между насиженным гнездом—Москвой и доходными имениями черноземных губерний. В Коломне не встретишь излюбленных дворянских особняков, уютно расположенных за легкой сквозной решеткой большого двора, окруженного многочисленными постройками крепостного хозяйства. Некоторым намеком на такой дворянский особнячок может служить лишь, оштукатуренный по дереву, дом на Брусенской улице (быв. Кочергиных), построенный в первой половине XIX ст. одним из местных помещиков. Коренной хозяин города—купец—строился по иному: ему, не располагавшему

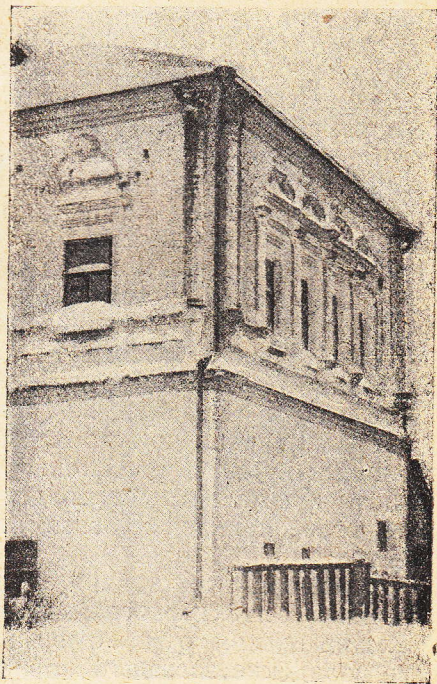

Рис. № 7.
„Воеводский дом“ (XVII в.).
Фот. В. Васильева.

даровыми руками многочисленной дворни, не для чего было увеличивать размеры своих надворных построек. Двор купеческого дома хозяйственен и практичен: лишнего нет ничего, все под непосредственным надзором хозяйского глаза. Сам же дом, обычного типа двухэтажного каменного дома-комода, не хотел уходить в глубь большого двора, выстраиваясь в строгую линию улиц. Железные решетки на окнах нижнего этажа, прочная, каменная ограда тяжелых сплошных ворот, были его надежной охраной. Интеллигент же в Коломне был случайным элементом, да и редко располагавшим к тому же возможностью выявить, так или иначе, свои архитектурные вкусы. Потому-то Коломна знает так мало „интеллигентских“ домиков типа коттеджа, вроде деревянного особняка в „петушином“ вкусе на быв. Ивановской улице (быв. инж. Парского), или дома на улице Красной гвардии, быв. Вознесенской, близкого к северному стилю (дм. Михайлова).

Уяснению общей физиономии города много помогает картина базарного оживления его „Житной“ площади. Дружные ряды местных и пригородных (Сандыревских и Бобреевских) молочниц „молочного ряда“, с их живописными трех и четырех-судковыми глиняными кувшинами, вороха плетеных корзин, лаптей и гончарных изделий, ютящиеся между „яичным“ и „ягодными“ рядами, осенние возы коломенских садовников и огородников, издавна славящихся своими яблоками и капустой, пестрая толпа „толкучки“, все это говорит о том, что за этой Базарной площадью, окруженной торговыми рядами с цепью лавок и позднейших магазинов, идут обывательские, бывшие купеческие и мещанские, серые улицы, не знающие ярких памятников гражданского зодчества. Типичным представителем такого дома купца-богатея можно считать дом (80-х г.г. XIX ст., быв. купцов Ротиных, угол улиц Савельича и Красной, быв. Симеоновской и Репинской). Дом этот чрезвычайно пышно изукрашен снаружи и внутри: в нем и росписные, лепные, весьма аляповатые, потолки, и стенная облицовка из разноцветного мрамора, и обильная позолота и т. п. В таком же духе дом быв. Лежневых (Мещаниновская ул.), украшенный по фасаду рядом грубо канеллированных полуколонн. Скромные трехколонные деревянные домики городских окраин, с безыскусственным бельведерчиком, часто даже с фальшивой дверкой, более привлекают глаз, чем это рядовое безвкусие купеческого центра.

Из городских зданий, отмеченных относительной художественностью архитектурного замысла, обращают на себя внимание следующие здания общественного назначения. Это, прежде всего, две городские заставы — Московская и Рязанская. Обелиски Московской заставы и округлые колонки, завершенные шаром — Рязанской — весьма типичны для городских застав конца XVIII века, разбросанных по всей России. Общее впечатление художественной стройности дополняют и небольшие, теперь уже разрушающиеся, парные домики их кордегардий (сторожек), с двумя классическими колонками фасада. К концу XVIII века относится также основная часть кирпичных торговых рядов Житной площади. Подобные длинные корпуса с арочными сводами однорядной галереи можно встретить почти в любом губернском городе средней руки. В них ярко сказывается то классическое веяние, которое отметило грандиозные общественно-торговые здания обеих столиц конца XVIII века. В духе строгого классицизма той поры и небольшой домик, с колоннами выступающего портика, находящийся в общественном саду, у южной крепостной

стены (рис. № 8). Привлекательный с виду домик, когда-то „въезжая“, служил и нуждам гауптвахты: железные решетки на окнах одной из его половин напоминают нам это и сейчас. Он стоял в то время на открытом военном плацу, где производилось обучение солдат и жестокие экзекуции шпицрутенами над провинившимися. В 80-х годах плац был уничтожен; на его месте был разбит общественный сад, долго известный среди городских сторожилов под названием: „Прутики“.

Позднейшему претворению классических основ принадлежит большое здание городской больницы (Красная, быв. Репинская ул.), украшенное простой колоннадой. Оно создано уже в эпоху 40-х годов, когда строгий классицизм конца XVIII века и изящный „ампир“ первой трети XIX ст., уступили свое место сухим линиям бюрократической эпохи Николая I. Здания этого архитектурного периода в Коломне довольно распространены: из них следует отметить следующие: типичная пожарная каланча (Каширская ул.), бывшее духовное училище (Соборная площадь), бывшая Резцовская общественная богадельня (Запруды) и пр. Общим им всем являются срезанные пилястры перед-

него фасада двухэтажного, часто с антресолями дома, окрашенного почти всегда в желтое с белым. Из зданий обывательской постройки, определенного архитектурного настроения, стили в Коломне небольшой одноэтажный каменный домик, приютившийся у Пятницких ворот. Домик этот, принадлежавший в первых годах

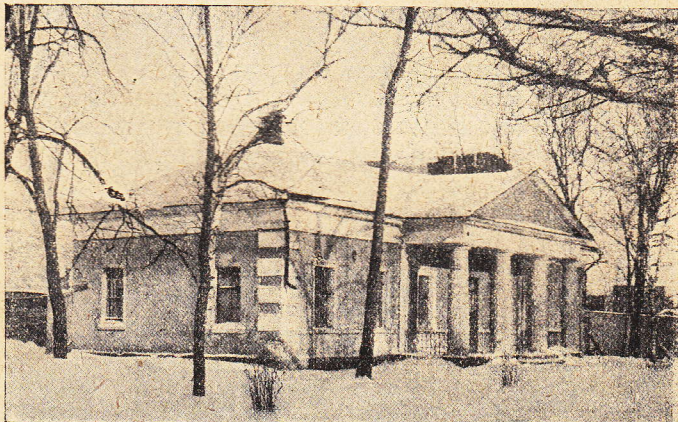

Рис. № 8.
„Въезжая“ (начало XIX в.).

Фот. В. Васильева.

XIX ст. стряпчему Луковкину, типичен всем: и уютным мезонином, и колоннами своего портика, и тонкой решеткой, обрамляющей его балкон. По соседству с ним (близ Крестовоздвиженской церкви) находится другой домик, несколько большего размера, чем первый и более позднего происхождения; на нем лежит уже резкий отпечаток вырождающегося классицизма 40-х годов. К первым трем десятилетиям XIX ст., когда строгие основы классического Рима были смягчены античными мотивами Греции, относятся в Коломне два больших частных дома, вполне выдержанных в архитектурном отношении. Первый из них—на Пятницкой улице (быв. кушцов Тупициных); интересна средняя его часть, включенная в позднейший пристрой, приспособивший здание под училищные нужды (быв. женская гимназия имени А. С. Пушкина). Сохранившийся фасад двухэтажного с мезонином дома, поддерживают четыре коринфские колонки. Под овальным углублением средней и боковых частей здания помещен барельеф, характерный для архитектурного орнамента 20-х годов XIX ст. Барельефные маски расположились и

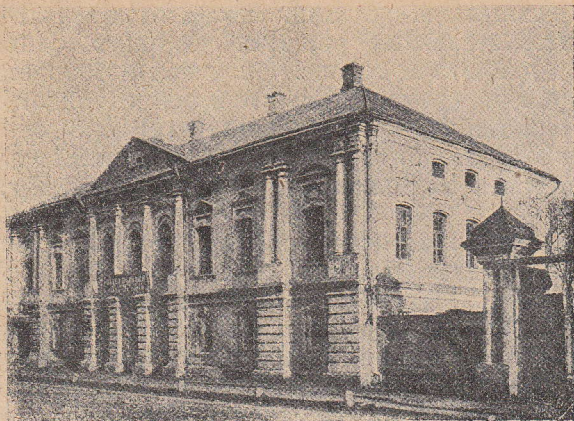

Рис. № 9.
Дом Мещанинова (XVIII в.),

Фот. Б. Климентьева.

над окнами, еще сохранившимися типичные для эпохи восьмистекольные рамы. Барельефы, достаточно грубые при более внимательном рассмотрении, очень украшают общий облик дома, приближая его к московским особнякам Пречистенской части. В таком же духе барского городского особняка выстроен и другой дом на Спасской улице (быв. купцов Озеровых). Это большой, двухэтажный, с антресолями, каменный дом начала XIX ст. Передний фасад его опирается на

колоннаду легких коринфских колонн, выходящих из тяжелого цоколя. Противоположная сторона дома повторяет его передний фасад, своеобразно раздвинув четыре колонны для наружной лестницы крыши. Лишь скученные постройки типичного купеческого двора говорят о недворянском происхождении этого стильного, окрашенного в белое, дома.

Но печать подлинной художественности лежит только на одном здании всей обывательской стройки города, именно на доме, когда-то купцов Мещаниновых на Мещаниновской же улице (теперь Красноармейская) (Рис. № 9). Дом Мещаниновых представляет собой, конечно, в несколько провинциальном виде, тип дома-дворца 70-х г.г. XVIII ст., когда гражданское барокко боролось с веянием позднейшего строгого классицизма. Очень хорош строгий, но нарядный фасад дома, с четырьмя колоннами средней части и двумя группами парных колонн боковых частей. Его особенно красит разнообразное (до пяти вариаций) обрамление окон, в пышности которого сказывается влияние Растреллевских форм. Задний фасад дома почти точно воспроизводит передний, разница лишь в расположении входных дверей. Дом создает, в общей своей массе, удивительно целостное впечатление, архитектурные пропорции его изящны и легки. Ограда ворот и надворные постройки усадьбы не нарушают, в свою очередь, общего впечатления дома вельможи XVIII века. К сожалению, незадолго до войны 14-го года был продан на слом один из павильонов обширного сада-парка, с еще дошедшей до нас вековой липовой аллеей центра. Не так плоха и внутренность

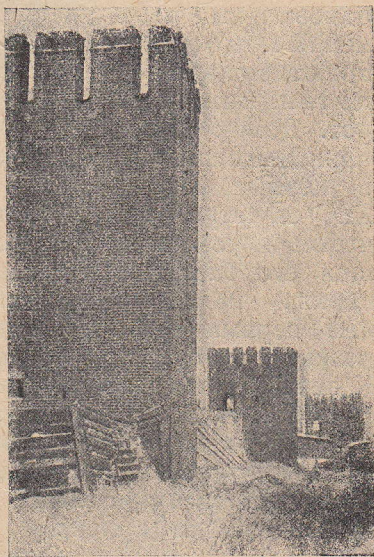

Рис. № 10.

Кремлевские башни (XVI в.).

Фот. В. Васильева.

этого дома, принимавшего некогда в своих стенах гостью города— „матушку Екатерину“. Комнаты расположены в нем анфиладой, потолки украшены довольно тонкой лепной работой, (гирлянды, амур, арабески и т. п.). Но главную красоту составляли, по словам местных старожилов, „ценные“ печи, с изразцами зеленых тонов, в жанровых картинах Петровской эпохи. Печи эти были проданы одним из последних владельцев дома (Сазоновым); одна печь пошла в Петербург барону И. Штиглицу для его Музея Прикладных Искусств, другая— в Москву— Ф. Сумарокову-Эльстон, купившему ее в 1915 г. за 2,500 руб. Среди мелочей, уходящей художественной старины города, следует отметить также, пока еще уцелевшую, изразцовую печь одного частного дома (Шевлягиных). Эта фигурная печь красива и по общему рисунку, и по тону своих синеватых изразцов; орнаментировка ее состоит в богатых вариациях растительных мотивов.

Но все архитектурные измышления гражданской стройки бледнеют перед неизменным величием крепостных башен и стен, реставрированных частично в 1886 году, по поручению Московского Археологического общества, архитектором А. Павлиновым. Крепость сильно пострадала: ее не щадили ни время, ни человеческие руки¹⁾. В настоящий момент опять поднят вопрос о более интенсивном ее охранении; надо надеяться, что совместные усилия Главнауки и Коломенского Исполкома спасут этот редкий памятник от окончательного разрушения.

В настоящее время Коломна насчитывает: одни проездные ворота— Пятницкие, четыре четырехугольные башни (рис. № 10)— Погорелая, Спасская, Симеоновская и Ямская, одну восьмигранную— Грановитая и одну наугольную круглую— Коломенская, она же Маринкина. Стены уцелели, да и то относительно, с южной стороны; со стороны Москвы-реки сохранилась местами лишь подземная часть

1) См. рисунки 80-х гг. XVIII ст. знам. арх. М. Казакова (Эрмитаж, Ленинград), альбом из 12 фот. 70-х гг. XIX ст. моск. фот. Аласина (местопреб. альбома неизвестно), рис. И. Суслова 1886 г. (журн. „Нива“ 1886 г. № 6).

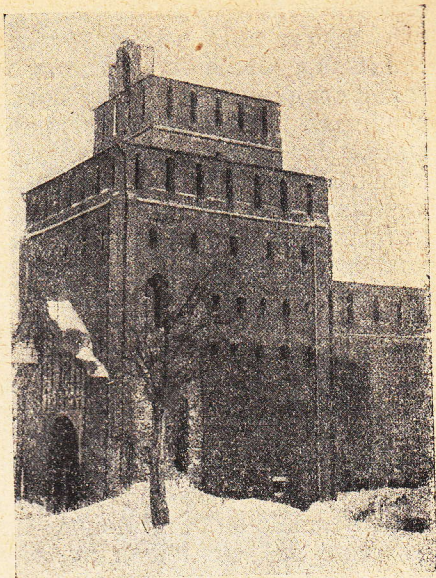

Рис. № 11.

Пятницкие ворота (XVI в.).

Фот. В. Васильева.

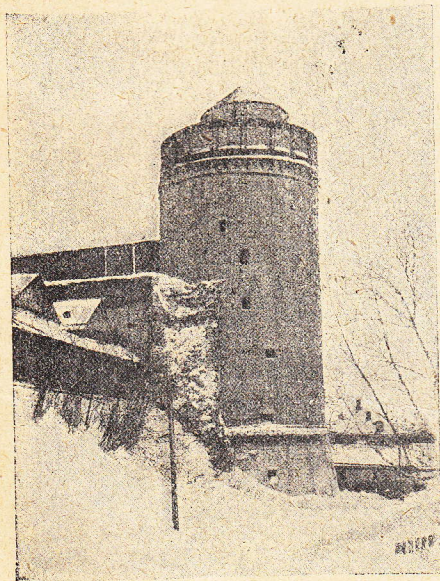

Рис. № 12.

Маринкина башня (XVI в.).

Фот. В. Климентьева.

фундамента. Но и то, что уцелело от бывшего Коломенского Кремля, производит сильное впечатление. Удивительна, и техника строительства, особенно заметная в разрезе стены на былом месте Ивановских ворот, и грандиозность стратегического целого, так рельефно выступающая в наиболее сохранившихся местах, и общая художественность творческого выполнения. Особенно стильны Пятницкие ворота (рис. № 11). Устремленная многоярусность их кирпичного массива носит на себе отчетливо выраженные следы итальянского влияния. Мощь этого величественного сооружения чрезвычайно ощутима под сводами прохода, взятого в несколько подковообразных линиях. Нет такой точки, откуда Пятницкие ворота не производили бы сильного впечатления, но наиболее выигрышен подход к ним от Соборной площади. Здесь вся их грандиозность, и одновременная легкость, становится очевидной. Прекрасная по своим очертаниям и стройная масса Маринкиной башни (рис. № 12), все еще продолжающей сторожить над обмелевшей Коломенкой никем не нарушаемый покой города. Живописны также и красно-серые руины крепостной стены, прикрывающие собой обступившие их группы обывательских домиков. То, чем еще владеет прежняя могущественная крепость Коломна, полно чарующей прелести, так причудливо сочетающейся и с золочеными маковками Кремлевских церквей, и со стальным кружевом водонапорной башни недавнего строительства города, прошедшего свой исторический путь напряженной жизнью.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
I. Коломна.	
1. Облик города	5
2. Возникновение г. Коломны	7
3. Начала исторической жизни Коломенского края	9
II. Коломна, как „город“ земли рязанской (XII — XIII в.в.).	
1. Экономическое значение Коломны	13
2. Борьба Рязанщины за Коломну	14
3. Переход Коломны к Москве	16
III. Жизнь Коломны в составе московских земель (XIV—XV в.в.).	
1. Экономическая деятельность Коломны: торговые сношения и средства сообщения	18
2. Культурная и бытовая жизнь города	20
3. Коломна в эпохи татарских набегов	22
IV. Коломна-крепость (XVI в.).	
1. Создание в Коломне каменного кремля	26
2. Стратегическое значение коломенской крепости	30
3. Быт города второй половины XVI века	32
V. Коломна в эпоху „Великой Смуты“.	
1. Коломенский посад на рубеже XVI—XVII ст.	35
2. Участие Коломны в событиях „смутного времени“	38
3. Местные отображения „Коломенского сидения“ тушинцев	41
VI. Коломна и ее край в XVII веке.	
1. Последствия социально-экономической разрухи в Коломенском крае и его экономическое возрождение	44
2. Облик города XVII века и быт горожан	47
VII. Торгово-промышленная Коломна (XVIII и XIX ст.).	
1. Развитие торгово-промышленной жизни и отражение ее на экономике Коломны XVIII в.	51
2. Промышленная Коломна XIX столетия	53
3. Влияние торгово-промышленного капитала на строительство Коломны и быт горожан	57
VIII. Город „Рабочей Силы“.	
1. Коломенский Машиностроительный Завод	66
2. Рабочий поселок Коломзавода	70
3. Из революционной жизни Коломны	72
IX. Коломна в памятниках ее уходящего прошлого.	
1. Художественное строительство Коломны, как отражение форм зодчества Москвы	76
2. Архитектурные группировки в строительстве Коломны	82
3. Художественные памятники гражданской архитектуры Коломны	89